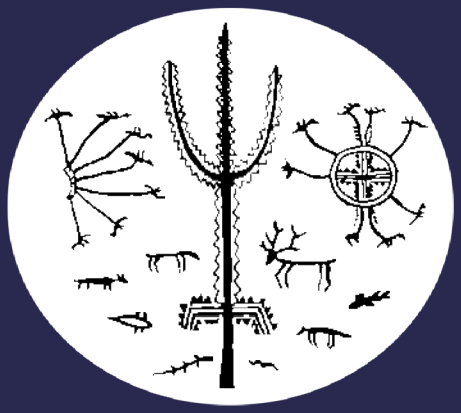


ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (58) 2025

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (58) 2025

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (58) 2025

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 3 (58) 2025

Maria P. Bezenova. Dialectal features of personal pronouns in the first printed gospels in Udmurt.....7
Daria D. Belova, Irina A. Khomchenkova. Reported speech particle *pe* in Tatyshly Udmurt 24
Elnur L. Hasanov. The significance of written sources in the study of the medieval historic-cultural heritage of Ganja 46
Anastasia V. Kolmogorova, Polina A. Nalobina. Research of Turkic-Russian bilingualism in the Russian-speaking scientific field: contrastive bibliometric analysis.....56
Inna O. Onal. Correlation of “ordinary” modifications of the concepts DOST and ARKADAŞ in the Turkish linguistic world view.....84

Style sheet 101

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (58) 2025

М. П. Безенова. Диалектные особенности личных местоимений
в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке 7
Д. Д. Белова, И. А. Хомченкова. Частица передачи речи *ре*
в татышлинском говоре удмуртского языка 24
Э. Л. Гасанов. О значении письменных источников
в изучении средневекового историко-культурного наследия Гянджи 46
А. В. Колмогорова, П. А. Налобина. Исследования тюркско-русского билингвизма
в русскоязычном научном поле: контрастивный библиометрический анализ 56
И. О. Онал. Корреляция обыденных модификатов концептов DOST и ARKADAŞ
в современной турецкой лингвокультуре 84

Требования к оформлению статей 101

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь
Н. А. Кошелюк
(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary
Natalia Koshelyuk
(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birsk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

DOI: 10.37892/2500-2902-2025-58-3-7-23

М. П. Безенова

Диалектные особенности личных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке

Безенова Мария Петровна,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию особенностей употребления личных (собственно-личных, усилительно-личных, взаимно-личных, счетно-личных, обобщенно-личных, послеложно-личных) местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов.

Источниковой базой исследования послужил корпус текстов переводных Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и от Матфея на сарапульском наречиях удмуртского языка, которые были изданы в 1847 г. Данные книги представляют собой первые наиболее объемные связные удмуртские тексты, т. е. являются одними из первых письменных источников для изучения становления морфологической системы литературного удмуртского языка.

В результате анализа системы личных местоимений первых удмуртских Евангелий в текстах были обнаружены явления, указывающие на их диалектную принадлежность. В частности, в памятниках на глазовском наречии были зафиксированы такие особенности, как а) маркировка аккузативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа суффиксами *-ды*, *-эс*; б) наличие кратких форм датива собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа; в) смягчение согласной *н* в формах счетно-личных местоимений, образованных от числительного *ог* ‘один’ и др. В письменном источнике на сарапульском наречии — такие диалектные явления, как а) маркировка аккузативных форм собственно-личных местоимений множественного числа суффиксом *-ыз*; б) наличие краткой формы инструменталя собственно-личного местоимения 1-го лица единственного числа; в) функционирование усилительно-личных местоимений множественного числа с основой *ас'-* и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, морфология удмуртского языка, местоимения, памятники письменности, Евангелия

DIALECTAL FEATURES OF PERSONAL PRONOUNS IN THE FIRST PRINTED GOSPELS IN UDMURT

Maria P. Bezenova, Udmurt Institute of History,
Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk); mary_kaj@mail.ru

The article analyzes the functioning of personal (proper personal, emphatic personal, reciprocal personal, countable personal, generalized personal, and postpositional personal) pronouns in the first printed Gospels in the Udmurt language. The analysis was carried out by comparing the linguistic data from the sources with the one from the Udmurt literary language and its dialects.

The study is based on the corpus of texts that includes translations of the Gospels of Matthew and Mark into the Glazov dialect and the Gospel of Matthew into the Sarapul dialect of the Udmurt language, which were published in 1847. These editions are the first longest coherent Udmurt texts, that is, they are one of the first sources for studying the formation of the morphological system of the standard Udmurt language.

The analysis of the personal pronoun system in these texts reveals phenomena that point to their dialectal affiliation. In particular, the following features were attested in the records written in the Glazov dialect: a) suffixes *-ды*, *-эс* in the accusative forms of proper personal pronouns of the 1st and 2nd persons plural, b) contracted dative forms of proper personal pronouns of the 1st and 2nd persons plural, c) palatalization of the consonant *н* in countable personal pronouns derived from the numeral *ог* ‘one’, etc. The following dialectal features were identified in the source written in the Sarapul dialect: a) suffix *-ыз* in accusative forms of proper personal pronouns in the plural, b) contracted form of the instrumental of the 1st person singular proper personal pronoun, c) use of emphatic personal pronouns in the plural with the stem *ас'-*, etc.

Keywords: the Udmurt language, Udmurt dialects, morphology of the Udmurt language, pronouns, written record, Gospels

1. Введение

Памятники удмуртской письменности содержат богатый материал, без анализа которого невозможно корректное описание развития удмуртского языка в целом и его отдельных диалектов в частности. Согласно «Каталогу дореволюционных книг и рукописей» Б. И. Каракулова (см. [Караулов 2006: 114—207]), на сегодняшний день насчитывается более 400 наименований удмуртских письменных источников, однако описана лишь незначительная часть этих памятников.

Данная статья посвящена описанию особенностей употребления личных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия» (1847), «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелиста Матфея на русском и вотякском языках, Сарапульского наречия» (1847)[1].

Работа над переводом текста Четвероевангелия на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества[2]. Перевод Евангелий от Матфея и Марка завершили несколько раньше остальных. Рукописи направили в различные удмуртские селения и признали повсеместно понятными для местного населения. Однако публикация первых переводов Евангелий от Матфея и Марка по ряду причин отложили на довольно длительный срок. Вопрос об их издании вновь подняли лишь в 1838 г. по инициативе Вятского епархиального ведомства. Согласно предписанию Синода, подготовленные рукописи должны были пройти тщательную проверку. Эту работу поручили священнику с. Балезино Глазовского уезда Петру Редникову. По его оценке, переводы соответствовали славянскому тексту, однако Евангелие от Марка было подготовлено на глазовском наречии, а Евангелие от Матфея — на сарапульском, поэтому второй текст Петр Редников самостоятельно перевел и на глазовское наречие. Оба варианта — его перевод Евангелия от Матфея и исходный текст Евангелия от Марка — были зачитаны в Глазовском уезде и признаны понятными удмуртскими прихожанами. Версию на сарапульском наречии направили сарапульскому миссионеру. Несмотря на положительные результаты, публикация переводов началась лишь в 1847 г. Переводы Евангелий от Иоанна и Луки так и не были напечатаны.

Комплексного лингвистического анализа текстов первых удмуртский печатных Евангелий на сегодняшний день не существует. Частным аспектам их исследования посвящены отдельные работы В. К. Кельмакова [2004б; 2007], Б. И. Каракулова [1987; 2000], Л. М. Ившина [2010; 2019], А. Ф. Шутова [1999; 2004] и некоторых других ученых. Морфологические особенности этих письменных памятников ранее были рассмотрены в публикациях [Безенова 2022а; 2022б; 2022в]. Однако ни в одной из указанных выше работ вопрос функционирования местоимений в удмуртских Евангелиях 1847 г. не поднимался. В абсолютном большинстве трудов, в том числе монографических [Тепляшина 1965; Напольских 2001; Ившин 2010; 2023 и др.], посвященных дореволюционным памятникам удмуртского языка, местоимениям внимания также не уделялось. Лишь в некоторых работах В. К. Кельмакова отмечаются отдельные особенности употребления местоимений в удмуртских письменных источниках [Кельмаков 2004а: 22, 23; 2020: 57, 59].

Итак, основная цель нашего исследования заключается в выявлении и описании специфических черт системы местоимений в рассматриваемых Евангелиях на фоне современных литературных норм. Анализ особенностей местоимений в письменных источниках проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. В частности, использованы данные лексикографического труда финского ученого Ю. Вихманна «Wotjakischer Wortschatz» (1987)[3], который до сих пор остается наиболее полным и авторитетным диалектологическим словарем удмуртского языка. Результаты настоящего исследования, на наш взгляд, в дальнейшем позволят описать историю формирования системы местоимений в удмуртском языке, а также в целом будут полезны при изучении вопросов пермской и финно-угорской морфологии.

2. Личные местоимения в удмуртских Евангелиях 1847 г.

В современном удмуртском языке традиционно выделяют 12 разрядов местоимений, шесть из которых относятся к личным (собственно-личные, усилительно-личные, взаимно-личные, счетно-личные, обобщенно-личные, послеложно-личные[4]) и шесть — к неличным (притяжательные, указательные, во-

[1] Тексты этих Евангелий размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка (https://udmcorpus.udman.ru/memorials), который и послужил источником анализируемого материала.

[2] История появления первых книг на удмуртском языке подробно изложена в работах [Луппов 1905; 1911].

[3] Материалы для словаря были собраны Ю. Вихманном в конце XIX в.

[4] Группу слов, включенных в разряд послеложно-личных местоимений, по мнению некоторых лингвистов, стоит отнести к наречиям [Каракулов 2004: 76—77; Карпова 2020: 240].

просительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные) [Тараканов 2007: 117; УКК 2011: 109]. Мы рассмотрим только группу личных местоимений. Неличным местоимениям будет посвящена отдельная статья.

В текстах первых удмуртских печатных Евангелий представлены все разряды личных местоимений. Формы местоимений в письменных памятниках в основном соответствуют современным литературным нормам, однако в ряде случаев отражают диалектные черты, характерные для языка этих текстов. Рассмотрим каждый разряд личных местоимений подробнее и выявим особенности, которые встречаются в их употреблении.

2.1. Собственно-личные местоимения

Данный разряд в удмуртском нормированном языке представлен следующими местоимениями: *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *со* ‘он, она, оно’, *ми* ‘мы’, *тӥ* ‘вы’, *соос* ‘они’ [УКК 2011: 109]. Полная парадигма их склонения в литературном языке и в трех анализируемых Евангелиях приводится в таблицах 1—4.

Таблица 1. Склонение собственно-личных местоимений в литературном языке [УКК 2011: 110—111]

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ном.	*мон*	*тон*	*со*	*ми*	*тӥ*	*соос*
Акк.	*монэ*	*тонэ*	*сое*	*милемыз* (*милемды*)	*тӥледыз* (*тӥледды*)	*соосыз* (*соосты*)
Ген.	*мынам*	*тынад*	*солэн*	*милям*	*тӥляд*	*соослэн*
Абл.	*мынэсьтым*	*тынэсьтыд*	*солэсь*	*милесьтым*	*тӥлесьтыд*	*соослэсь*
Дат.	*мыным*	*тыныд*	*солы*	*милемлы* (*милем*)	*тӥледлы* (*тӥлед*)	*соослы*
Инстр.	*монэн*(*ым*)	*тонэн*(*ыд*)	*соин*	*милемын* (*миленымы*[5])	*тӥледын* (*тӥленыды*)	*соосын*
Абес.	*монтэк*	*тонтэк*	*сотэк*	*митэк*	*тӥтэк*	*соостэк*
Адв.	*монъя*	*тонъя*	*соя*	*мия*	*тӥя*	*соосъя*
Аппр.	*монлань*	*тонлань*	*солань*	*милань*	*тӥлань*	*соослань*

Таблица 2. Склонение собственно-личных местоимений в [Матфей Сар.]

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ном.	*монъ* (88)[6] *мо̀нъ* (11) *мо́нъ* (10)	*тонъ* (35) *то̀нъ* (7) *то́нъ* (4)	*со* (196) *со̀* (13) *со́* (9)	*ми* (11) *мӥ̀* (2)	*ти* (52) *ти́* (15) *тӥ̀* (9)	*со̀дсъ* (58) *со́-осъ* (14) *со́осъ* (5) *соосъ* (4) *со-о̀съ* (3) *со̀-осъ* (3) *соо́съ* (2) *со́дсъ* (1) *со-осъ* (1) *со о̀съ* (1)

[5] Несмотря на то что, согласно [УКК 2011], инструменталь собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в современном удмуртском языке используется в двух вариантах *милемын* ~ *миленымы* и *тӥледын* ~ *тӥленыды*, мы полагаем, что литературным следует считать только первый (*милемын* и *тӥледын*), а второй характерен лишь для ряда говоров удмуртского языка, в том числе верхнечепецких [Карпова 2024: 652—653] и средневосточных [Бушмакин 1971: 270]. По данным Национального корпуса удмуртского языка (https://udmcorpus.udman.ru/), насчитывающего на сегодняшний день более 8,5 млн словоупотреблений, *миленымы* и *тӥленыды* в удмуртских литературных текстах также не встречаются.

[6] Здесь и далее в скобках после примера из памятника приводится количество соответствующих форм, представленных в письменном источнике.

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Акк.	*монэ̀* (26) *мо́нэ̀* (2)	*тонэ̀* (21)	*соѐ* (82) *соэ̀* (42) *со́е* (25) *сое* (6) *сое́* (1) *соэ̀* (1) *со́ѐ* (1) *со́э̀* (1)	*милемы̀зъ* (12) *миле́мызъ* (1)	*тиледы̀зъ* (11) *тыледы̀зъ* (10) *тилэды̀зъ* (3) *тиледы̀съ* (2) *тиледы́зъ* (1) *тиледэ́̀зъ* (1)	*соосы̀зъ* (34) *со-осы̀зъ* (8) *со́-осызъ* (4) *со́осызъ* (1) *со́-осы̀зъ* (1)
Ген.	*мына̀мъ* (51) *мынамъ* (2) *мына́мъ* (1) *мы́намъ* (1)	*тына̀дъ* (29) *тынадъ* (2) *ты̀надъ* (1)	*солэ̀нъ* (60) *со́-лэ̀нъ* (9) *со-лэ̀нъ* (8) *со́-лэнъ* (5) *со́лэ̀нъ* (1)	*миля̀мъ* (8)	*тиля̀дъ* (21)	*соосъ-лэ̀нъ* (4) *со-ослэ̀нъ* (3) *соосълэ̀нъ* (1) *соосъ-лэ̀нь* (1) *соо̀съ-лэ̀нъ* (1) *со́-ослэ̀нъ* (1)
Абл.	*мынэсьты̀мъ* (11) *мынэсъты̀мъ* (2) *мынэсты̀мъ* (1) *мы́нэсъты̀мъ* (1) *мынэ-сьты̀мъ* (1) *мынысьты̀мъ* (1)	*тынэсьты̀дъ* (7) *тынэсь-ты̀дъ* (2) *тынэсь-ты̀дъ* (1) *тынысьты̀дъ* (1)	*солэ̀сь* (33) *со-лэ̀сь* (9) *солэ́сь* (3) *со́-лэсь* (2) *со́лэсь* (1) *со́-лэ̀сь* (1)	*милѐсьты̀мъ* (1) *мылесьты̀мъ* (1)	*тилесьты̀дъ* (7) *тилесты̀дъ* (1) *тилесъты̀дъ* (1)	*соосъ-лэ̀сь* (9) *соосълэ̀сь* (4) *соіо̂съл̀эсь* (2) *соо̀съ-лэ̀сь* (2) *соо̀съл̀эсь* (1) *соо́съ-лэ̀сь* (1) *со́-ослэ̀сь* (1)
Дат.	*мыны̀мъ* (32) *мынымъ* (1)	*тыны̀дъ* (34) *тыныдъ* (2)	*солы̀* (105) *со-лы̀* (19) *со́-лы* (19) *со́-лы̀* (11) *солы* (1)	*милемълы̀* (5) *милѐмъ-лы̀* (5) *милемъ-лы̀* (3) *милѐмълы* (1) *милѐмълы̀* (1) *миле́мъ-лы̀* (1)	*тиледлы̀* (27) *тиледълы̀* (22) *тиледъ-лы̀* (14) *тыледълы̀* (8) *тилѐдълы̀* (5) *тыле́длы̀* (5) *тыледъ-лы̀* (5) *тилѐдлы̀* (4) *тилэдълы̀* (4) *тыледлы̀* (3) *тылѐдлы̀* (3) *тиле́длы̀* (2) *тиле́дълы̀* (2) *тилѐдъ-лы̀* (2) *тыле́дълы̀* (2) *тылѐдълы̀* (2) *тылѐдлы* (1) *тыледълы* (1) *ты́лѐдъ-лы̀* (1)	*соосълы̀* (31) *соосъ-лы̀* (16) *со́-ослы̀* (14) *соо̀съ-лы̀* (6) *соо̀съл̀ы̀* (5) *со́-ослы* (5) *соо̀слы̀* (3) *соо́съ-лы̀* (3) *соослы̀* (2) *соо̀съ-лы* (2) *со-осъ-лы̀* (2) *со́ослы* (1) *со́ослы̀* (1) *соосълы̀* (1) *соо́съл̀ы* (1) *соо́съл̀ы̀* (1) *со-ослы̀* (1) *со-о̀слы̀* (1) *со-осълы̀* (1) *со-о̀съл̀ы* (1) *со-о̀съл̀ы̀* (1) *со-о̀съ-лы̀* (1)
Инстр.	*монэны̀мъ* (3) *монъэ̀нъ* (1) *монъ-энъ* (1) *монъ-эны́мъ* (1)	*тонэны̀дъ* (3) *тонъэ̀ны̀дъ* (1)	*соѝнъ* (21) *со-ѝнъ* (4) *со́-инъ* (3) *соѝнъ* (2)	*милемы̀нъ* (1)	*тиледы̀нъ* (3) *тыледы̀нъ* (1)	*соосы̀нъ* (8)
Абес.	—	—	—	—	—	—
Адв.	*монъ-я̀* (1)	*тына̀дъя̀* (1)	—	—	—	—
Аппр.	—	—	—	—	—	—

Таблица 3. Склонение собственно-личных местоимений в [Матфей Глаз.]

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ном.	*монъ* (98) *мо̀нъ* (17) *мо́нъ* (9)	*тонъ* (43) *то̀нъ* (9) *то́нъ* (4)	*со* (227) *со́* (21) *со̀* (14)	*ми* (11) *мѝ* (4)	*ти* (68) *тѝ* (17) *ти́* (17)	*соо̀съ* (63) *соосъ* (12) *со́осъ* (12) *соо́съ* (6) *соіо̂съ* (1) *соіо̀̂съ* (1) *со́о̀съ* (1) *со-о̀съ* (1)
Акк.	*монэ̀* (26)	*тонэ̀* (20) *тонэ* (1)	*соэ̀* (131) *соѐ* (19) *соэ* (5) *соѐ́* (3) *сое* (1) *со́ѐ̀* (1) *соэ́* (1)	*милемы̀зъ* (9) *милемъды̀* (2) *милемды̀* (1) *мыле́мъды̀* (1)	*тиледы̀зъ* (18) *тилэды̀съ* (2) *тиледызъ* (1) *тиледы́зъ* (1) *тиледэ́зъ* (1) *тиледэ̀съ* (1) *тыледы̀зъ* (1) *тылэды̀зъ* (1)	*соосы̀зъ* (29) *соозы̀зъ* (1) *соосъ-сы̀зъ* (1)
Ген.	*мына̀мъ* (59) *мынамъ* (3) *мына́мъ* (1) *мы́намъ* (1)	*тына̀дъ* (40) *тынадъ* (6) *тына́дъ* (1) *ты̀надъ* (1)	*солэ̀нъ* (94) *со-лэ̀нъ* (3) *солэнъ* (1)	*миля̀мъ* (8) *милямъ* (1)	*тиля̀дъ* (43) *тилядъ* (4)	*соосълэ̀нъ* (18) *соосъ-лэ̀нъ* (4) *соо̀съ-лэ̀нъ* (3) *соіосъ-лэ̀нъ* (1) *соо̀съ лэ̀нъ* (1)
Абл.	*мынэсты̀мъ* (9) *мынэсъты̀мъ* (3) *мынэсты̀мъ* (1) *мынэсътымъ* (1) *мы́нэ̀съты̀мъ* (1) *мынэ-сты̀мъ* (1)	*тынэсты̀дъ* (8) *тынысты̀дъ* (1) *тынэсты̀дъ* (1) *тынэсъты̀дъ* (1) *ты-нэсты̀дъ* (1)	*солэ̀сь* (39) *со-лэ̀сь* (5) *солэ́сь* (1)	*милѐсты̀мъ* (1) *мылесты̀мъ* (1)	*тилесты̀дъ* (6) *тилѐсты̀дъ* (1) *тиледъ-лэ̀сь* (1)	*соосълэ̀сь* (10) *соосъ-лэ̀сь* (5) *соіо̂съл эсь* (1) *соо́съл эсь* (1) *соо̀съ-лэ̀сь* (1)
Дат.	*мыны̀мъ* (35) *мынымъ* (1)	*тыны̀дъ* (38) *тыныдъ* (1) *ты-ны̀дъ* (1)	*солы̀* (152) *солы* (4) *со-лы̀* (4) *солы́* (2)	*милемъльі̀* (5) *милѐмъ-лы̀* (5) *милѐмъльі̀* (3) *мили́мъ* (1) *милѐмъ* (1) *милѐмъльі* (1) *милемъ-лы̀* (1)	*тиледъльі̀* (53) *тиледъ-лы̀* (22) *тилѐдъльі̀* (18) *тиле́дъльі̀* (5) *тилѐдъ-лы̀* (4) *тилэдъ-лы̀* (3) *тиледъльі* (2) *тилѐдъ* (1) *тиледлы̀* (1) *тиле́дъльі* (1) *тилѐдъ-лы* (1) *тилэдъльі* (1)	*соосъльі̀* (56) *соо̀съльі̀* (18) *соосъ-лы̀* (11) *соо̀съ-лы̀* (10) *соо́съльі̀* (5) *соо̀съльі* (2) *соосъльі* (1) *соо̀слы* (1) *соо́съльі* (1) *соо̀съ-лы* (1) *соіо̂съ-лы* (1)
Инстр.	*монэны̀мъ* (3) *монъэ̀нъ* (2) *монъ-эны́мъ* (1)	*тонэны̀дъ* (3) *тонъ-э̀ны̀дъ* (1)	*соиѝнъ* (22) *соии́нъ* (2) *со-ѝнъ* (2) *соинъ* (1)	*милемы̀нъ* (1)	*тиледы̀нъ* (4)	*соосы̀нъ* (7)
Абес.	—	—	—	—	—	—
Адв.	—	—	—	—	—	—
Аппр.	—	—	—	—	—	—

Таблица 4. Склонение собственно-личных местоимений в [Марк]

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ном.	*монъ* (37) *мо́нъ* (17) *мо̀нъ* (8)	*тонъ* (20) *то̀нъ* (9) *то́нъ* (7)	*со* (99) *со̀* (66) *со́* (62)	*мѝ* (8) *ми́* (4) *ми* (3)	*ти́* (33) *ти* (9) *тѝ* (7)	*соіо̂съ* (41) *соіо̂съ* (24) *соо̀съ* (2) *со-іо̂съ* (1)
Акк.	*монэ̀* (13) *монэ́* (1)	*тонэ̀* (7)	*соэ̀* (138) *соэ́* (4) *соѐ* (1) *соэ* (1) *со́э̀* (1)	*милемъды̀* (1) *милемъды̀* (1) *милемэ̀зъ* (1) *милэмэ̀зъ* (1)	*тиледэ̀зъ* (1) *тилэдэ̀съ* (1)	*соіо̂сы̀зъ* (1)
Ген.	*мынà̀мъ* (22) *мынáмъ* (10)	*тынà̀дъ* (21) *тынáдъ* (6)	*солэ̀нъ* (48) *солэ́нъ* (10) *со-лэ́нъ* (9)	*милянà̀мъ* (4)	*тиляà̀дъ* (9) *тиляáдъ* (3)	*соіо̂сълэ̀нъ* (9) *соіо̂сълэ́нъ* (2) *соіо̂съ-лэ́нъ* (2) *соосълэ̀нъ* (1) *соіо̂слэ́нъ* (1) *соіо̂сълэ̀нъ* (1) *соосъ-лэ́нъ* (1) *соіо̂съ-лэ̀нъ* (1)
Абл.	*монэсты́мъ* (4) *мынэсъты̀мъ* (3) *мынэсъты̀мъ* (2) *монесъты̀мъ* (1) *мы́нэсъты̀мъ* (1)	*тынэсты̀дъ* (1) *тынэсъты̀дъ* (1) *тынэсъты̀дъ* (1)	*солэ̀сь* (26) *солэ́сь* (12) *со-лэ̀сь* (4)	—	*тилесты́дъ* (1) *тилесъты̀дъ* (1) *тиле́съты̀дъ* (1) *тилэсъты̀дъ* (1) *тилэ̀съты̀дъ* (1)	*соіо̂сълэ̀сь* (8) *соіо̂сълэ́сь* (2) *соіо̂съ-лэ̀сь* (2) *соіо̂слэ́сь* (1) *соіо̂съ-лэ́сь* (1) *со-іо̂слэ̀сь* (1) *со-іо̂сълэ́сь* (1)
Дат.	*мыны̀мъ* (10) *мыны́мъ* (1)	*тыны̀дъ* (10) *тыны́дъ* (9)	*солы̀* (100) *со-лы́* (1)	*милѐмъ* (2) *милэ̀мъ* (2) *милэ́мъ* (1) *милемълы̀* (1)	*тиледълы̀* (12) *тилэ̀дъ* (9) *тилѐдъ* (5) *тиле́дъ* (2) *тилэдълы̀* (2) *тиледъ* (1) *тилэ́дъ* (1) *тиле́дълы̀* (1) *тилѐдълы̀* (1) *тилэ́дълы* (1)	*соіо̂сълы̀* (71) *соіо̂съ-лы̀* (10) *соіо̂сълы̀* (8) *соіо̂слы̀* (5) *со-іо̂слы̀* (5) *соіо̂сълы̀* (2) *соосълы̀* (1) *соо̀сълы̀* (1) *соіо̂слы̀* (1) *соіо̂с-лы̀* (1) *со-іо̂съ-лы̀* (1)
Инстр.	*монэны̀мъ* (1)	*тонэны̀дъ* (1)	*сои́нъ* (8) *соı̀нъ* (3) *со́инъ* (1) *со́-ı̀нъ* (1)	—	*тилэдынъ* (2) *тиледынъ* (1) *тиледэ̀нъ* (1)	*соіо̂сы̀нъ* (3) *соіо̂сы́нъ* (3)
Абес.	—	—	—	—	—	*соіо̂сь-тэ̀къ* (1)
Адв.	—	—	—	—	—	—
Аппр.	—	—	—	—	—	—

На основе данных таблиц можно выделить следующие особенности, характерные для языка исследуемых письменных памятников.

1. Собственно-личное местоимение 3-го лица множественного числа в Евангелии от Марка представлено в форме *сойос* и является первичным по отношению к *соос* [Карпова 2024: 648]. Вариант *соос* в парадигме склонения встречается в [Марк] лишь в шести случаях (примеры см. в таблице 4).

При этом в Евангелиях от Матфея, напротив, в качестве основной формы выступает *соос*, соответствующий современному литературному варианту. Форма *сойос* встречается только в виде исключений: дважды в [Матфей Сар.] и пять раз в [Матфей Глаз.]. Употребление *соос* в роли основного варианта собственно-личного местоимения 3-го лица множественного числа в Евангелии от Матфея на глазовском наречии, вероятно, связано с историей его возникновения, поскольку этот вариант, как было указано выше, появился позднее, и при работе переводчик, скорее всего, пользовался уже готовым сарапульским вариантом[7]. Влияние первичного сарапульского перевода Евангелия от Матфея на вторичный глазовский, как будет показано ниже, прослеживается на всей системе местоимений этих памятников, а также на уровне морфологии в целом (см. подробнее [Безенова 2022а: 23]).

Что касается употребления данного местоимения в современных удмуртских диалектах, то в большинстве из них используется форма *соос*, соответствующая литературной норме. Вариант *сойос* представлен в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, а также спорадически встречается в слободском говоре нижнечепецкого диалекта и в ярском, глазовском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта [Карпова 2020: 240—241]. Материалы словаря Ю. Вихманна, содержащие удмуртские диалектные данные конца XIX в., свидетельствуют о том, что ранее обе формы были широко представлены как в северноудмуртских, так и в южноудмуртских говорах, ср. *sojos* (G, M, J, MU), *so̯jos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *so̯u̯os* (MU) ‘они’ [Wichmann 1987: 224].

2. Аккузативные формы собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в Евангелиях маркируются различными суффиксами: *-ыз* (38), *-ыс* (2), *-эз* (1) [Матфей Сар.]; *-ыз* (31), *-ыс* (2), *-ды* (4), *-эз* (1), *-эс* (1) [Матфей Глаз.]; *-ды* (2), *-эз* (3), *-эс* (1) [Марк].

В литературном языке эти формы образуются при помощи показателей *-ыз* или *-ды* (см. таблицу 1). На уровне современных диалектов варианты, маркированные суффиксом *-ыз*, считаются характерной чертой южноудмуртских говоров, а *-ды* — северноудмуртских [Кельмаков 2006: 134]. Кроме форманта *-ды*, в говорах северного наречия употребляются также показатели *-эс*, *-эсты*, *-дыс*, *-дысты* (*-дэсты*) [Карпова 2024: 651]. Наличие различных аккузативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в удмуртских диалектах зафиксировано и в материалах финского ученого, ср. *mil'emestî*, *mil'emdî* (G), *mil'emes* (B), *mil'emi̯z* (J, MU), *mil'emez at'śmemi̯s* (MU), *mil'emi̯z* (M), *mil'emîs aśmemîs* ‘нас’ (U) (M) [Wichmann 1987: 159], *til'edîz* (G), *til'edi̯z* (J, MU), *til'edi̯z aśtedes* (M), *til'edîs aśtedîs* ‘вас’ (U) (M) [ibid.: 260]. При этом подобные аккузативные формы встречаются и в диалектах коми языка [Федюнева 2008: 64], что, вероятно, свидетельствует о прапермском происхождении данных показателей.

Из маркеров, представленных в памятниках, первичными, по нашему мнению, являются форманты *-ыз* и *-ды*, имеющие наиболее частотный характер. Вариант *-эз* мог возникнуть из *-ыз* в результате ассимиляции суффиксальной *ы*, предшествующей корневой э (*мил'эмэз* < *мил'эм**ы**з*) [Карпова 2020: 245]. В свою очередь, показатели *-ыс* и *-эс*, по всей вероятности, образовались из *-ыз* и *-эз* в результате оглушения конечных согласных. Возможно, материалы Евангелий в определенной степени отражают процесс модификации первичного *-ыз* в показатель *-эс*, который функционирует в современных северноудмуртских говорах.

3. Аккузатив собственно-личного местоимения 3-го лица множественного числа во всех Евангелиях маркируется показателем *-ыз*, хотя для памятников на глазовском наречии [Марк; Матфей Глаз.] более ожидаема форма с *-ты*, поскольку именно этот вариант употребляется во всех современных северноудмуртских говорах, тогда как вариант с *-ыз* характерен для южноудмуртских [Карпова 2020: 245—246]. Это подтверждается и данными Ю. Вихманна, ср. *sojostî* (G), *soos-tî* (G, B), *sojosi̯z* (M, J), *sojosîs* (U), *soosi̯z* (MU), *s^u̯osi̯z* (MU) ‘их’ [Wichmann 1987: 224].

Отметим, что аккузативные формы имен существительных множественного числа простого склонения в исследуемых памятниках также образуются с помощью суффикса *-ыз* [Безенова 2022а: 11]. При этом в рукописном тексте Евангелия от Луки, который также был подготовлен на говоре северного наречия удмуртского языка в начале XIX в., но остался неопубликованным, все же встречаются словофор-

[7] На это указывает и тот факт, что тексты первых Евангелий, как видно на материале статьи, изобилуют многочисленными орфографическими вариантами написания одного и того же слова. При этом, если сопоставить Евангелия от Матфея на глазовском и сарапульском наречиях, в большинстве случаев орфографические варианты на одних и тех же страницах в двух разных текстах совпадают.

мы, маркированные формантом *-ты* [Безенова 2023: 30]. Наличие показателя *-ыз* в печатных Евангелиях как на сарапульском, так и на глазовском наречии, видимо, в определенной степени подтверждает «наддиалектный» характер языка первых удмуртских книг 1847 г., отмечаемый многими исследователями [Каракулов 1987: 107; Кельмаков 2008: 41—42; Ившин 2010: 178—184].

4. Аблативные формы собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в нескольких случаях в переводах Евангелия от Матфея оформляются суффиксами с *ы*-овой огласовкой (*мын**ы**с'тым*, *тын**ы**с'тыд*) в соответствии с *э*-овой в литературном.

Из двух вариантов, как отмечают исследователи, более архаичны формы с *ы*-овой огласовкой, элемент *-ыс'т-* в которых соотносится с маркером элатива именного склонения [Bartens 2000: 150; Федюнева 2008: 41]. Оба варианта зафиксированы и в [Wichmann 1987], при этом *э*-овый, согласно материалам данного словаря, в конце XIX в. имел более широкое распространение, ср. *mi̮neśti̮m* (G, B), *mi̮ni̮śti̮m* (M), *mi̮neśti̮m* (J), *mi̮neśki̮m* (MU), *mi̮ni̮śti̮m asli̮śti̮m* (M), *mi̮neśti̮m asleśti̮m* (U) ‘у меня’ [ibid.: 163], *ti̮neśti̮d* (G, B, U), *ti̮neśti̮d* (J), *ti̮niśki̮d* (MU), *ti̮ni̮śti̮d asli̮śti̮d* (M), *ti̮neśti̮d asleśti̮d* (U) ‘у тебя’ [ibid.: 265]. В абсолютном большинстве современных удмуртских диалектов функционирует и *э*-овый вариант; *ы*-овый встречается в среднечепецких и верхнечепецких северноудмуртских говорах [Карпова 2024: 650], а также в свое время был зафиксирован в красноуфимском [Насибуллин 1978: 98] и кукморском [Кельмаков 1969: 340, 341] периферийно-южных говорах и в бесермянском наречии удмуртского языка [Тепляшина 1970: 184].

5. Аблатив собственно-личного местоимения 1-го лица единственного числа в переводе Евангелия от Марка имеет вариативные корневые гласные *о*/*ы*: *м**о**нэс'тым ~ м**ы**нэс'тым*.

Единичный случай употребления *монэс'тым* встречается в корпусе удмуртских соцсетей[8], ср. *и кытысь тон адзисько**д** **монэсьтым** творческий способностьесме* ‘и откуда ты видишь мои творческие способности’. В [Wichmann 1987] подобная форма отсутствует, однако в грамматике Ф. И. Видеманна она приводится в качестве варианта основной формы с корневой *ы*, ср. *mynyśtym* (*mynyśkym*, *moneśtym*, *myneśtym*) [Wiedemann 1884: 142]. При этом начальная форма данного местоимения также имеет в своем составе гласную *о* (*мон* ‘я’). В связи с этим можно предположить, что специфичный аблативный вариант собственно-личного местоимения 1-го лица единственного числа с корневой *о*, встречающийся в тексте [Марк], действительно мог употребляться в удмуртских диалектах XIX в. и, по всей видимости, отражал более ранний вариант указанной формы.

6. Датив собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в Евангелиях на глазовском наречии [Марк; Матфей Глаз.] выражается краткой и расширенной формами (с суффиксом *-лы*): *мил'эм ~ мил'эмлы*, *тил'эд ~ тил'эдлы*. В переводе Евангелия от Матфея на сарапульском наречии представлены только расширенные варианты.

В литературном языке указанные формы употребляются и с формантом *-лы*, и без него. На уровне диалектов же отмечается, что варианты, маркированные показателем *-лы*, характерны для говоров южной диалектной зоны [Кельмаков 2006: 135], краткие формы — для северноудмуртских [Кельмаков 2006: 135; Карпова 2020: 246]. Усеченные варианты свойственны и для бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 186; Люкина 2016: 109][9]. Все это подтверждается и данными словаря финского ученого, ср. *mil'em* (G, B), *mil'emli̮* (M, J, MU), *mil'emlî̮* (U) ‘нам’ [Wichmann 1987: 159], *til'ed* (G), *til'edli̮* (M), *til'ed'li̮* (MU), *til'edlî̮* (U) ‘вам’ [ibid.: 260]. Стоит отметить, что в коми диалектах также представлены как расширенные, так и краткие варианты указанных форм [Федюнева 2008: 62]. По мнению Д. В. Бубриха, появление последних объясняется влиянием датива личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, которые образованы без суффикса *-лы* [Бубрих 1949: 104].

7. Собственно-личное местоимение 1-го лица единственного числа в инструментале в переводах Евангелия от Матфея употребляется в краткой или в расширенной форме, дополнительно осложненной притяжательным суффиксом: *монэн ~ монэным*. В [Марк] представлен только вариант *монэным*. Соответствующие формы 2-го лица во всех памятниках функционируют в расширенной форме *тонэныд*.

Как и в случае с дативом, в литературном языке допустимы два варианта инструментальных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа. Относительно удмуртских диалектов ученые отмечают, что краткие формы *монэн*, *тонэн* характерны для современных южных и отдельных срединных говоров [Кельмаков 2006: 135], а расширенные *монэным*, *тонэныд* — для северных

[8] https://udmurt.web-corpora.net/udmurt_social_media/search

[9] В мультимедийном бесермянском корпусе (https://beserman.web-corpora.net/) встречается один пример с расширенной формой датива собственно-личного местоимения 1-го лица множественного числа, ср.: *Ešenəm, kudinəz mon pojezdən todmač'ki, mənim takš'is dore, takš'islə šuiš'kom: ož' ož', **mil'emlə** kule val odig uj kɤlənə kətənke* ‘С приятелем, с которым я познакомился в поезде, подошли к таксисту, говорим ему: так и так, нужно нам одну ночь где-нибудь переночевать’.

[Карпова 2020: 247] и бесермянских [Тепляшина 1970: 183; Люкина 2016: 91—92] наречий, а также для некоторых средневосточных говоров [Бушмакин 1971: 269]. Кроме того, формы *монэн*, *тонэн* наряду с *монэным*, *тонэныд* встречаются в отдельных населенных пунктах (дд. Сибирь, Астрахань Унинского района Кировской области) косинского говора нижнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2020: 247], расположенных на границе с среднезападными говорами, для которых свойственны краткие варианты. Употребление форм *монэн ~ монэным*, *тонэн ~ тонэныд* представлено и в южном говоре д. Старая Игра Граховского района Удмуртской Республики [Атаманов 2005: 180]. Расширенные варианты, не характерные для южноудмуртских говоров, в данном случае, по всей видимости, объясняются тем, что в заселении этой местности участвовало поломское население, которое изначально сформировалось в верховьях р. Чепцы — на территории современных северных районов (Кезского, Дебёсского, Балезинского) Удмуртской Республики [там же: 24]. Наличие, согласно современным корпусным данным[10], единичных случаев употребления расширенных форм в периферийно-южном татышлинском говоре, а кратких в бесермянском наречии, на наш взгляд, может объясняться влиянием удмуртского литературного языка.

Аналогичные формы, осложненные притяжательными аффиксами, также зафиксированы в ижемском и удорском коми-зырянских диалектах, при этом, по мнению Г. В. Федюневой, они «появились позже, когда уже сформировалось субстантивное лично-притяжательное склонение» [Федюнева 2008: 45]. Венгерский ученый Ш. Чуч придерживается иного мнения и считает, что расширенные формы могли употребляться еще в прапермском языке, поскольку сегодня представлены как в удмуртских, так и в коми диалектах [Csúcs 2005: 231]. Как видим, вопрос происхождения указанных форм весьма спорный и требует дальнейшего, более тщательного изучения, хотя наличие расширенных форм в памятниках и на южных, и на северных говорах, что подтверждается и материалами письменных источников второй половины XIX — начала XX в. (см. подробнее [Безенова 2024: 421—422]), а также их фиксация во всех удмуртских диалектах в конце XIX в. Ю. Вихманном (ср. *monenĵm* (G, B), *monenįm asenįm* (M), *monenĵm asenĵm* (U) ‘мной’ [Wichmann 1987: 163], *tonenĵd* (G), *tonen* (M), *tonenįd asenįd* (M), *tonenĵd asenĵd* (U) ‘тобой’ [ibid.: 265]), вероятно, свидетельствуют о первичности этих вариантов в удмуртском языке.

Отметим также единичные уникальные формы собственно-личных местоимений, которые присутствуют в рассматриваемых Евангелиях.

1. В [Матфей Сар.] адвербиаль собственно-личного местоимения 2-го лица единственного числа встречается в виде *тынàдъя̀*[11] (1) ‘по-твоему’ — лит. *тонъя* (ср. в этом же памятнике *монъ-я̀* (1) ‘по-моему’ — лит. *монъя*).

2. В [Матфей Глаз.] зафиксирована аблативная форма 2-го лица множественного числа *тиледъ-лэ̀сь* ‘у вас’ — лит. *тӥлесьтыд*, маркированная суффиксом *-лэсь*, который соответствует аблативному показателю именного склонения удмуртского языка.

3. В [Марк] употреблена форма инструменталя 2-го лица множественного числа с формантом *-эн*: *тиледэ̀нъ* (1) ‘с вами’ — лит. *тӥледын*.

Выявленные нестандартные формы в словаре Ю. Вихманна не приводятся, однако некоторые из них отмечены в работе Ф. И. Видеманна, ср. *til'eśtyd* (*til'eśkyd*, *til'edleś*, *til'edlyś*) ‘у вас’, *til'edyn* (*til'eden*) ‘с вами’ [Wiedemann 1884: 143]. Кроме того, формы инструменталя 1-го и 2-го лица множественного числа, маркированные суффиксом *-эн*, широко распространены в современном среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2020: 248]. В связи с этим можно предположить, что указанные единичные специфичные формы наряду с приведенными выше особенностями, имеющими регулярный характер, также отражают уникальность языка первых удмуртских печатных Евангелий.

Из таблиц 2—4 также видно, что абессивные и адвербиальные формы собственно-личных местоимений в переводах Евангелий представлены лишь единичными примерами, а аппроксимативные и вовсе отсутствуют. Вероятно, это связано с тем, что данные падежи в удмуртском языке имеют наименее частотный характер, т. е. в памятниках зафиксировано ограниченное количество контекстов, в которых могут употребляться эти формы.

Кроме вышеизложенных особенностей, стоит отметить, что в переводе Евангелия от Марка встречается форма приблизительного иллатива собственно-личного местоимения 1-го лица единственного числа, которая в литературном языке соответствует сочетанию местоимения *мон* ‘я’ с послелогом *доры* ‘к’:

[10] https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/, https://beserman.web-corpora.net/

[11] Выявленная форма, возможно, свидетельствует о том, что во время создания переводов процесс грамматикализации адвербиализа еще не завершился. Ср. примеры присоединения показателей аппроксимата и рецессива к номинативным и генитивным основам бесермянских личных местоимений (*monlan' ~ mənamlan'* ‘ко мне’, *monlaš'en ~ mənamlaš'en* ‘от меня’ и др.) в [Usacheva, Arkhangelskiy 2017: 37—38].

монъня̀мъ (1) ‘ко мне’ — лит. *мон доры*. Вторичные локальные падежи употребляются в современном нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2020: 173], а также в говорах бесермянского наречия удмуртского языка [Тепляшина 1970: 184; Люкина 2016: 72—74] и представляют собой инновационное явление [Baker 1985: 198; Кондратьева 2011: 23].

2.2. Усилительно-личные местоимения

К усилительно-личным в удмуртском литературном языке относятся местоимения *ачим* ‘я сам’, *ачид* ‘ты сам’, *ачиз* ‘он сам’, *асьмеос* ‘мы сами’, *асьтэос* ‘вы сами’, *асьсэос* ‘они сами’ [УКК 2011: 112]. Все они встречаются в текстах удмуртских Евангелий 1847 г., при этом в употреблении некоторых из них наблюдаются определенные отклонения от стандартных форм, ср.:

[Матфей Сар.]: *аԥ̧ѝмъ*[12] (2) ‘я сам’ — лит. *ачим*, *аԥ̧ѝдъ* (2) ~ *аԥ̧и́дъ* (1) ‘ты сам’ — лит. *ачид*, *аԥ̧ѝзъ* (5) ~ *аԥизъ* (1) ‘он сам’ — лит. *ачиз*, *асмѐсъ* (2) ~ *асьмэ̀съ* (2) ~ *асмэ̀съ* (1) ‘мы; мы сами’ — лит. *асьмеос*, *астэ̀съ* (3) ~ *аԥидэ̀съ* (2) ~ *астэ̀сь* (1) ‘вы; вы сами’ — лит. *асьтэос*, *ассѐсъ* (1) ~ *ассэ̀съ* (1) ‘они; они сами’ — лит. *асьсэос*;

[Матфей Глаз.]: *аԥ̧ѝмъ* (2) ‘я сам’ — лит. *ачим*, *аԥ̧ѝдъ* (2) ~ *аԥ̧и́дъ* (1) ‘ты сам’ — лит. *ачид*, *аԥ̧ѝзъ* (5) ~ *аԥ̧и́зъ* (1) ~ *аԥизъ* (1) ‘он сам’ — лит. *ачиз*, *аԥимэ̀съ* (6) ~ *асмэ̀съ* (1) ~ *асъмэ̀съ* (1) ‘мы; мы сами’ — лит. *асьмеос*, *аԥидэ̀съ* (3) ~ *астэ̀съ* (1) ~ *астэ̀сь* (1) ‘вы; вы сами’ — лит. *асьтэос*, *ассэ̀съ* (2) ~ *ассѐсъ* (1) ~ *аԥизэ̀съ* (1) ‘они; они сами’ — лит. *асьсэос*;

[Марк]: *аԥ̧ѝмъ* (1) ‘я сам’ — лит. *ачим*, *аԥ̧ѝдъ* (2) ~ *аԥ̧и́дъ* (1) ‘ты сам’ — лит. *ачид*, *аԥ̧и́зъ* (17) ~ *аԥ̧ѝзъ* (6) ‘он сам’ — лит. *ачиз*, *аԥимэ́зъ* (1) ~ *аԥимэ́съ* (1) ~ *аԥимэ̀съ* (1) ‘мы; мы сами’ — лит. *асьмеос*, *аԥидэ̀съ* (3) ‘вы; вы сами’ — лит. *асьтэос*, *аԥизэ̀съ* (1) ‘они; они сами’ — лит. *асьсэос* и др.

Итак, можно отметить две особенности.

1. Усилительно-личные местоимения множественного числа в памятниках функционируют с различными корневыми морфемами *ач- ~ ас′- ~ ас-*: *ачимэс ~ ас′мэс ~ асмэс*, *ачидэс ~ ас′тэс ~ астэс*, *ачизэс ~ ас′сэс ~ ассэс*. В [Матфей Сар.] встречаются все три варианта, в [Матфей Глаз.] — *ач-* и *ас-*, в [Марк] — *ач-*.

В современных удмуртских диалектах также наблюдается чередование трех вариантов основ *ач- ~ ас′- ~ ас-* усилительно-личных местоимений множественного числа. Формы с корневой *ч* характерны для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов северного наречия, спорадически встречаются в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта [Карпова 2020: 251—252]. Вариант с корневой *с′* — для большинства срединных, южных и некоторых северных говоров [Кельмаков 2006: 136]. Кроме того, в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 187; Люкина 2016: 109] и в кукморском периферийно-южном говоре [Кельмаков 1969: 342—343] основы *ач-* и *ас′* употребляются параллельно. Формы с корневой *с* отмечены в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северноудмуртского наречия [Карпова 2020: 252].

Относительно происхождения этих форм единого мнения в настоящее время не существует. С точки зрения Б. А. Серебренникова, первичным является вариант *ас-* [Серебренников 1963: 201]. По мнению Ш. Чуча, более архаичны основы *ач- ~ ас′-* [Csúcs 2005: 236]. Поскольку последние варианты представлены во всех наречиях удмуртского языка, мы придерживаемся позиции венгерского ученого. При этом, если учесть данные современных диалектологов, которые отмечают, что усилительно-личные местоимения множественного числа с корневой *ч* чаще встречаются в речи представителей старшего поколения [Кельмаков 2006: 137; Карпова 2020: 252—253], а также тот факт, что вариант с *ч* представлен в удмуртских письменных памятниках как на северных, так и южных диалектах [Безенова 2024: 419], можно предположить, что именно он послужил основой для развития остальных форм.

2. Усилительно-личные местоимения множественного числа употребляются в стяженной форме, образованной в результате выпадения гласной *о* маркера множественного числа (*-ос*): *ачимэс*, *ас′мэс*, *асмэс* (лит. *асьме**о**с*); *ачидэс*, *ас′тэс*, *астэс* (лит. *асьтэ**о**с*); *ачизэс*, *ас′сэс*, *ассэс* (лит. *асьсэ**о**с*).

Данное инновационное явление широко распространено в современных северноудмуртских говорах [Карпова 2020: 251—253], однако встречается и в отдельных говорах южной диалектной зоны [Кельмаков 2006: 136—137], а также в бесермянском наречии удмуртского языка [Тепляшина 1970: 187; Люкина 2016: 109].

Разнообразие форм усилительно-личных местоимений множественного числа в удмуртском языке подтверждается и данными словаря Ю. Вихманна, ср. *а̡t′ś̭imes* (G), *aśmes* (B), *aśmeʒeś* (J), *а̡t′ś̭imɛ*, *а̡t′śmɛ*, *а̡t′ś̭imes*, *а̡t′śimez*, *mi а̡t′ś̭imes* (MU), *mi at′śmiʒ̭os* (M), *mi aśmiʒ̭os* (U) ‘мы сами’, *а̡t′śides* (G), *ti aśtiʒ̭os* (M, U), *ti aśtes* (MU) ‘вы сами’, *а̡t′śizes* (G), *а̡t′ś̭ĭzes* (G, B), *aśses* (B, MU), *sojos aśses* (MU), *sojos at′siʒ̭os* (M) ‘они сами’ [Wichmann 1987: 10].

[12] В первых удмуртских Евангелиях графема ***ԥ̧*** (в сочетании с последующими йотированными гласными, буквой ***и*** или мягким знаком) обозначает глухую палатальную фонему *ч* [Ившин 2010: 111].

2.3. Взаимно-личные местоимения

Взаимно-личные местоимения в современном удмуртском языке представляют собой сочетания повторяющегося числительного *ог* ‘один’ с лично-притяжательными суффиксами (*ог-огмы* ‘мы друг друга’, *ог-огды* ‘вы друг друга’, *ог-огзы* ‘они друг друга’). В качестве первого компонента этих местоимений также может выступать числительное *одӥг* ‘один’ (*одӥг-огмы* ‘мы друг друга’, *одӥг-огды* ‘вы друг друга’, *одӥг-огзы* ‘они друг друга’) [УКК 2011: 115—117]. Подобные формы в исследуемых Евангелиях не встречаются.

2.4. Счетно-личные местоимения

Счетно-личные местоимения образуются от количественных числительных посредством присоединения суффикса *-на-* и лично-притяжательных маркеров [там же: 118]. В рассматриваемых письменных памятниках данный разряд представлен немногочисленными примерами:

[Матфей Сар.]: *огна̀зъ* (2) ~ *огна́зъ* (1) ‘он один’ — лит. *огназ*, *кыкна́зы* (1) ‘они оба’ — лит. *кыкназы*;

[Матфей Глаз.]: *огня̀зъ* (2) ~ *огна̀зъ* (1) ‘он один’ — лит. *огназ*, *кыкна́зы* ‘они оба’ — лит. *кыкназы*;

[Марк]: *огня̀зъ* (2) ‘он один’ — лит. *огназ*, *огня́зы* (1) ‘они одни’ — лит. *огназы*, *огня́ды* (1) ‘вы одни’ — лит. *огнады*, *сизимна́зылы* (1) ‘им семерым’ — лит. *сизьымназылы*.

Некоторое отличие от литературных вариантов на уровне фонетики прослеживается в употреблении счетно-личных местоимений, образованных от числительного *ог* ‘один’. В приведенных выше примерах видим, что согласный *н* в текстах Евангелий на глазовском наречии в указанных формах смягчается. Такое явление в целом характерно для современных говоров нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северноудмуртского наречия [Карпова 2020: 265], а также для говоров бесермянского наречия [Люкина 2016: 95—96]. По данным Ю. Вихманна, в конце XIX в. эти формы в северном и бесермянском наречиях также функционировали с мягкой согласной *н′*, а в южном — с твердой *н*, ср. *ogńat* (G, B), *ognat* (U) ‘я один’, *ogńad* (G), *ognad* (U) ‘ты один’, *ogńaz* (G, B), *ognaz* (J, MU, U) ‘он один’ [Wichmann 1987: 182].

2.5. Обобщенно-личные местоимения

Обобщенно-личные местоимения в удмуртском литературном языке образуются при помощи сочетания основы определительного местоимения *вань* с лично-притяжательными маркерами (*ваньмы* ‘все мы’, *ваньды* ‘все вы’, *ваньзы* ‘все они’) или путем соединения основы определительного местоимения *вань*, собирательного суффикса *-на-* и лично-притяжательных показателей (*ваньнамы* ‘все мы’, *ваньнады* ‘все вы’, *ваньназы* ‘все они’) [УКК 2011: 120]. В письменных источниках указанные формы отличаются от литературных, ср.:

[Матфей Сар.]: *уваньмѐсь* (1) ‘всех нас’ — лит. *ваньмес(ты)*, *воцьна́ды* (1) ‘все вы’ — лит. *ваньнады*, *воцьнѝзы-икъ* (1) ‘все они же’ — лит. *ваньназы ик*;

[Матфей Глаз.]: *уваньмѐсь* (1) ‘всех нас’ — лит. *ваньмес(ты)*, *вицьна́ды* (1) ‘все вы’ — лит. *ваньнады*, *вицназылыѝкъ* (1) ‘всем им же’ — лит. *ваньназылы ик*;

[Марк]: *вицьна́зы* (1) ‘все они’ — лит. *ваньназы*, *вицьна́изълы̀* (2) ~ *вицна́изълы* (1) ‘всем им’ — лит. *ваньназылы*, *вицьнаисьлэ̀сь* (1) ‘у всех их’ — лит. *ваньназылэсь*.

Во-первых, эти обобщенно-личные местоимения образуются от разных основ определительных местоимений. В Евангелии на сарапульском наречии представлена форма *воч-*, тогда как в памятниках на глазовском наречии — *вич-*. Согласно данным словаря Ю. Вихманна, первый вариант был характерен для южных и срединных говоров, второй — для северных и бесермянских, ср. *vot′šš* (MU), *viʲt′śś-ak* (G, B), *voʲt′śś-ak* (S, J), *voˑʲt′śś-ak* (M), *voˑʲt′śś-ak* (U) ‘все; весь’ [Wichmann 1987: 324]. Подобные обобщенно-личные местоимения, образуемые посредством присоединения к краткой основе *выч-* ~ *вич-* собирательного суффикса *-на-* и лично-притяжательного суффикса, зафиксированы в современном слободском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2020: 269]. Близкие к указанным формам местоимения, состоящие из основ определительных местоимений *вичак* ‘все’ и *ван′* ~ *ӱан′* ‘весь, все’ и лично-притяжательных суффиксов, встречаются также в говорах среднечепецкого диалекта [там же].

Во-вторых, в переводах Евангелия от Матфея представлена форма *ӱан′мэс* ‘всех нас’, которая отличается от литературной нормы анлаутным согласным. Данная особенность, заключающаяся в употреблении в анлауте перед *а* билабиальной *ӱ* в соответствии с губно-зубной *в* в литературном, характерна для всех печатных Евангелий 1847 г. [Ившин 2010: 163—164]. Явление имеет архаичное происхождение и встречается в той или иной мере во всех современных наречиях удмуртского языка: в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия, в бесермянском наречии, в отдельных говорах южного наречия (нижнеижском, татышлинском, буйско-таныпском), спорадически в срединных говорах [Кельмаков 2006: 83].

2.6. Послеложно-личные местоимения

Послеложно-личные местоимения образуются от послелогов при помощи лично-притяжательных маркеров [УКК 2011: 121]. Каких-либо отклонений от литературных норм в памятниках не наблюдается:

[Матфей Сар.]: *азя̀дъ* (2) ‘перед тобой’ — лит. *азяд*, *азя̀зъ* (2) ‘перед ним’ — лит. *азяз*, *вылà̀дъ* (4) ‘ты на себя’ — лит. *вылад*, *вылà̀ды* (1) ~ *вылáды* (1) ‘вы на себя’ — лит. *вылады*, *серà̀зъ* (6) ‘он за собой’ — лит. *сьӧраз*, *серà̀ды* (1) ‘вы за собой’ — лит. *сьӧрады*;

[Матфей Глаз.]: *азя̀дъ* (1) ‘перед тобой’ — лит. *азяд*, *азя̀зъ* (2) ‘перед ним’ — лит. *азяз*, *азя́ды* (2) ‘перед вами’ — лит. *азяды*, *вылà̀мъ* (3) ‘я на себя’ — лит. *вылам*, *вылà̀дъ* (5) ‘ты на себя’ — лит. *вылад*, *вылáды* (1) ‘вы на себя’ — лит. *вылады*;

[Марк]: *азя̀мъ* (1) ‘передо мной’ — лит. *азям*, *азя̀дъ* (2) ‘перед тобой’ — лит. *азяд*, *азя̀зъ* (2) ‘перед ним’ — лит. *азяз*, *вылà̀дъ* ‘ты на себя’ (2) — лит. *вылад*, *вылà̀зъ* (11) ~ *вылáзъ* (4) ‘он на себя’ — лит. *вылаз*, *серáмъ* (1) ‘я за собой’ — лит. *сьӧрам* и др.

3. Выводы

Итак, как уже отмечалось выше, по мнению многих лингвистов, язык первых печатных Евангелий 1847 г. имеет «наддиалектный» характер: он не соотносится с определенным (указанным на обложках этих книг) наречием, его нельзя приравнять к какому-либо территориальному диалекту. В целом на основе проведенных исследований, посвященных анализу графико-фонетической и морфологической систем этих письменных источников, видно, что переводчиками и редакторами действительно была выполнена большая работа по возможному сближению языков данных памятников. В том числе, вероятно, на это указывает выявленная в нашей работе особенность употребления во всех Евангелиях маркера *-ыз* для образования аккузативной формы собственно-личного местоимения 3-го лица множественного числа. Несмотря на это, в системе личных местоимений нами были выделены некоторые явления, на основе которых можно судить о диалектной принадлежности рассмотренных текстов.

Так, для памятников на глазовском наречии [Марк; Матфей Глаз.] характерны следующие особенности, которые встречаются в современных северноудмуртских говорах:

1) маркировка аккузативных форм собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа суффиксами *-ды*, *-эс*;

2) наличие кратких форм датива собственно-личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа;

3) функционирование усилительно-личных местоимений множественного числа с основами *ач-* и *ас-*;

4) употребление усилительно-личных местоимений множественного числа в стяженной форме (*ачимэс*, *асмэс*; *ачидэс*, *астэс*; *ачизэс*, *ассэс*);

5) смягчение согласной *н* в формах счетно-личных местоимений, образованных от числительного *ог* ‘один’;

6) образование обобщенно-личных местоимений путем присоединения к основе определительного местоимения *вич-* собирательного суффикса *-на-* и лично-притяжательных суффиксов.

В памятнике на сарапульском наречии [Матфей Сар.] были выявлены следующие особенности, которые представлены в современных говорах южной диалектной зоны, охватывающей южноудмуртское наречие и южную часть срединных говоров:

1) маркировка аккузативных форм собственно-личных местоимений множественного числа суффиксом *-ыз*;

2) функционирование усилительно-личных местоимений множественного числа с основой *ас′-*;

3) употребление усилительно-личных местоимений множественного числа в стяженной форме (*ас′мэс*, *ас′тэс*, *ас′сэс*);

4) наличие краткой формы инструменталя собственно-личного местоимения 1-го лица единственного числа.

Стоит отметить, что явления, указанные в пп. 1 и 4, представлены не только в [Матфей Сар.], но и в [Матфей Глаз.], что, по нашему мнению, связано с историей создания Евангелия от Матфея на глазовском наречии, поскольку, как уже говорилось выше, глазовский перевод был выполнен позднее. Вероятнее всего, за основу был взят уже подготовленный сарапульский вариант, чем и объясняется наличие отдельных черт сарапульского перевода в глазовском варианте, отсутствующих в тексте Евангелия от Марка.

В приведенных в работе примерах можно заметить еще ряд отклонений от современных литературных норм, связанных с употреблением букв ***е***/***э***, ***ы***/***и***, ***ц***/***ч***, ***ъ***/***ь*** и др. Однако они, на наш взгляд, объясняются графико-орфографическим своеобразием печатных Евангелий 1847 г. (подробнее см. [Ившин 2010:

97—134]). В целом на материале рассмотренных письменных источников видна большая вариативность в написании одних и тех же слов, что указывает на отсутствие в удмуртском языке закрепленных норм правописания на момент издания этих книг.

Сокращения

Абес. — абессив
Абл. — аблатив
Адв. — адвербиаль
Акк. — аккузатив
Аппр. — аппроксиматив
Ген. — генитив
Дат. — датив
Инстр. — инструменталь
лит. — литературная форма
Ном. — номинатив

Диалекты по [Wichmann 1987]

G — глазовский диалект
B — бесермянский диалект
J — елабужский диалект
M — малмыжский диалект
MU — малмыжско-уржумский диалект
S — сарапульский диалект
U — уфимский диалект

Литература

Атаманов 2005 — *М. Г. Атаманов*. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырӟа, Эгра вера. Ижевск, 2005.

Безенова 2022а — *М. П. Безенова*. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022, 4 (47). С. 7—27.

Безенова 2022б — *М. П. Безенова*. Особенности оформления падежных маркеров в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, 4. С. 392—401.

Безенова 2022в — *М. П. Безенова*. Падежная система первых переводов Евангелий на удмуртский язык // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, 1. С. 7—16.

Безенова 2023 — *М. П. Безенова*. Диалектная основа одного из удмуртских переводов Евангелия от Луки начала XIX в. // Тенденции развития науки и образования. 2023, 97 (ч. 4). С. 29—31.

Безенова 2024 — *М. П. Безенова*. Диалектные особенности местоимений в удмуртских письменных памятниках второй половины XIX — начала XX в. // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, 3 (58). С. 417—425.

Бубрих 1949 — *Д. В. Бубрих*. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.

Ившин 2010 — *Л. М. Ившин.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск, 2010.

Ившин 2019 — *Л. М. Ившин.* Еще раз к вопросу о времени публикации первых книг на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, 2. С. 216—222.

Ившин 2023 — *Л. М. Ившин.* Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века. Ижевск, 2023.

Каракулов 1987 — *Б. И. Каракулов*. О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 103—107.

Каракулов 2000 — *Б. И. Каракулов*. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Материалы научной конференции (Сыктывар, 17—19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 467—469.

Каракулов 2004 — *Б. И. Каракулов*. Изучение послелогов в школьной и вузовской практике // Проблемы школьного и дошкольного образования: Тезисы VI региональной научно-практической конференции. Глазов, 2004. С. 76—77.

Каракулов 2006 — *Б. И. Каракулов*. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI дауръёс (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006.

Карпова 2020 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: Монография. Ижевск, 2020.

Карпова 2024 — *Л. Л. Карпова*. Особенности парадигматики личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, 4 (59). С. 646—656.

Кельмаков 1969 — *В. К. Кельмаков*. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. … канд. филол. наук. М., 1969.

Кельмаков 2004а — *В. К. Кельмаков*. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. Ижевск, 2004.

Кельмаков 2004б — *В. К. Кельмаков.* О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка I // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára / szerkesztő Csepregi Márta és Várady Eszter. Budapest, 2004. С. 537—546.

Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006.

Кельмаков 2007 — *В. К. Кельмаков.* Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. 2007, 5. С. 17—24.

Кельмаков 2008 — *В. К. Кельмаков.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. Ижевск, 2008.

Кельмаков 2020 — *В. К. Кельмаков.* «Песни и сказы твои останутся...» I: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск, 2020.

Кондратьева 2011 — *Н. В. Кондратьева.* Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011.

Луппов 1905 — *П. Н. Луппов.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

Луппов 1911 — *П. Н. Луппов.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Люкина 2016 — *Н. М. Люкина.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016.

Марк — От Марка святое Благовествование // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия. Казань, 1847.

Матфей Глаз. — От Матфея святое Благовествование // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия. Казань, 1847.

Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелиста Матфея на русском и вотякском языках, Сарапульского наречия. Казань, 1847.

Напольских 2001 — *В. В. Напольских.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001.

Насибуллин 1978 — *Р. Ш. Насибуллин.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151.

Серебренников 1963 — *Б. А. Серебренников.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Тараканов 2007 — *И. В. Тараканов.* Удмуртский язык: становление и развитие: Сборник статей. Ижевск, 2007.

Тепляшина 1965 — *Т. И. Тепляшина.* Памятники удмуртской письменности XVIII в. М., 1965.

Тепляшина 1970 — *Т. И. Тепляшина.* Язык бесермян. М., 1970.

Федюнева 2008 — *Г. В. Федюнева*. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург, 2008.

Шутов 1999 — *А. Ф. Шутов.* Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке: на материале двух евангелий // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск, 1999. С. 329—335.

Шутов 2004 — *А. Ф. Шутов.* Первые памятники удмуртской письменности: переводные с церковнославянского и русского евангелия и азбуки // Язык и общество: Материалы республиканской научно-практической конференции. Вып. 1. Ижевск, 2004. С. 6—7.

УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011.

Baker 1985 — *R. Baker.* The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985.

Bartens 2000 — *R. Bartens.* Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000.

Csúcs 2005 — *S. Csúcs.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Usacheva, Arkhangelskiy 2017 — *M. Usacheva*, *T. Arkhangelskiy.* Grammaticalization of new cases in Beserman Udmurt // Linguistica Uralica. 2017. Vol. 54 (1). P. 27—48.

Wichmann 1987 — *Y. Wichmann*. Wotjakischer Wortschatz / Aufg. *Y. Wichmann*; Bearb. *T. E. Uotila*, *M. Korhonen*; Hrsg. *M. Korhonen*. Helsinki, 1987.

Wiedemann 1884 — *F. J. Wiedemann*. Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakishen. St. Petersburg, 1884.

References

Atamanov 2005 — M. G. Atamanov. Pesni i skazy ushedshikh ehpokh. Izhevsk, 2005. {M. G. Atamanov. Songs and tales of bygone eras. Izhevsk, 2005.}

Baker 1985 — R. Baker. The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985.

Bartens 2000 — R. Bartens. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000.

Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. Morfologicheskie osobennosti pervykh pechatnykh Evangelii na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 4 (47). S. 7—27. {M. P. Bezenova. Morphological features of the first printed Gospels in Udmurt. In: Ural-Altaic Studies. 2022, 4 (47). P. 7—27.}

Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Osobennosti oformleniya padezhnykh markerov v pervykh pechatnykh Evangeliyakh na udmurtskom yazyke. In: Finno-ugorskii mir. 2022. T. 14, 4. S. 392—401. {M. P. Bezenova. Special features of case marking forms in the first printed Gospels in the Udmurt language. In: Finno-Ugric World. 2022. Vol. 14, 4. P. 392—401.}

Bezenova 2022v — M. P. Bezenova. Padezhnaya sistema pervykh perevodov Evangelii na udmurtskii yazyk. In: Vestnik ugrovedeniya. 2022. T. 12, 1. S. 7—16. {M. P. Bezenova. The case system of the first Gospel translations in Udmurt. In: Bulletin of Ugric Studies. 2022. Vol. 12, 1. P. 7—16.}

Bezenova 2023 — M. P. Bezenova. Dialektnaya osnova odnogo iz udmurtskikh perevodov Evangeliya ot Luki nachala XIX v. In: Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023, 97 (ch. 4). S. 29—31. {M. P. Bezenova. Dialectal basis of one of the Udmurt translations of the Gospel of Luke of the early 19th century. In: Trends in the development of science and education. 2023, 97 (Part 4). P. 29—31.}

Bezenova 2024 — M. P. Bezenova. Dialektnye osobennosti mestoimenii v udmurtskikh pis'mennykh pamyatnikakh vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. In: Vestnik ugrovedeniya. 2024. T. 14, 3 (58). S. 417—425. {M. P. Bezenova. Dialectal features of pronouns in Udmurt written monuments of the second half of the 19th — early 20th centuries. In: Bulletin of Ugric Studies. 2024. Vol. 14, 3 (58). P. 417—425.}

Bubrikh 1949 — D. V. Bubrikh. Grammatika literaturnogo komi yazyka. Leningrad, 1949. {D. V. Bubrikh. Grammar of the literary Komi language. Leningrad, 1949.}

Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka: Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

Csúcs 2005 — S. Csúcs. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Fedyuneva 2008 — G. V. Fedyuneva. Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykakh. Ekaterinburg, 2008. {G. V. Fedyuneva. Primary pronouns in the Permian languages. Ekaterinburg, 2008.}

Ivshin 2010 — L. M. Ivshin. Stanovlenie i razvitie udmurtskoi grafiki i orfografii v XVIII — pervoi polovine XIX veka. Ekaterinburg; Izhevsk, 2010. {L. M. Ivshin. Formation and development of the Udmurt graphics and orthography in the 18th — first half of the 19th centuries. Yekaterinburg; Izhevsk, 2010.}

Ivshin 2019 — L. M. Ivshin. Eshche raz k voprosu o vremeni publikatsii pervykh knig na udmurtskom yazyke. In: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii. 2019. T. 13, 2. S. 216—222. {L. M. Ivshin. Once again to the question of the time of publication of the first books in the Udmurt language. In: Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2019. Vol. 13, 2. P. 216—222.}

Ivshin 2023 — L. M. Ivshin. Leksika pamyatnikov udmurtskoi pis'mennosti XVIII veka. Izhevsk, 2023. {L. M. Ivshin. Vocabulary of monuments of Udmurt writing of the 18th century. Izhevsk, 2023.}

Karakulov 1987 — B. I. Karakulov. O dialektnykh osobennostyakh pamyatnikov udmurtskoi pis'mennosti XIX v. In: Permistika: Voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov. Izhevsk, 1987. S. 103—107. {B. I. Karakulov. On the dialectal features of the monuments of the Udmurt writing of the 19th century. In: Permistics: Issues of dialectology and history of Permian languages. Izhevsk, 1987. P. 103—107.}

Karakulov 2000 — B. I. Karakulov. Yazyk udmurtskogo perevoda Evangelii, izdannykh v 1847 godu. In: Korennye ehtnosy severa Evropeiskoi chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: Istoriya, sovremennost', perspektivy: Materialy nauchnoi konferentsii (Syktyvar, 17—19 maya 2000 g.). Syktyvkar, 2000. S. 467—469. {B. I. Karakulov. The language of the Udmurt translation of the Gospels published in 1847. In: Indigenous ethnic groups of the north of the European part of Russia on the threshold of the new millennium: History, modernity, prospects: Proceedings of the scientific conference (Syktyvar, May 17—19, 2000). Syktyvkar, 2000. P. 467—469.}

Karakulov 2004 — B. I. Karakulov. Izuchenie poslelogov v shkol'noi i vuzovskoi praktike. In: Problemy shkol'nogo i doshkol'nogo obrazovaniya: Tezisy VI regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii Glazov, 2004. S. 76—77. {B. I. Karakulov. Study of postpositions in school and university practice. In: Problems of school and preschool education: Theses of the VI regional scientific and practical conference. Glazov, 2004. P. 76—77.}

Karakulov 2006 — B. I. Karakulov. Udmurt literaturnoi kyllehn syuresehz: XVIII—XXI daur"es (Istoriya udmurtskogo literaturnogo yazyka: XVIII—XXI veka). Izhevsk, 2006. {B. I. Karakulov. History of the Udmurt literary language: 18th — 21st centuries). Izhevsk, 2006.}

Karpova 2020 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Izhevsk, 2020. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Izhevsk, 2020.}

Karpova 2024 — L. L. Karpova. Osobennosti paradigmatiki lichnykh mestoimenii v verkhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka. In: Vestnik ugrovedeniya. 2024. T. 14, 4 (59). S. 646—656. {L. L. Karpova. Features of paradigmatics of personal pronouns in the Upper Cheptsa dialect of the Udmurt language. In: Bulletin of Ugric Studies. 2024. Vol. 14, 4 (59). P. 646—656.}

Kel'makov 1969 — V. K. Kel'makov. Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka: Dis. … kand. filol. nauk. Moskva, 1969. {V. K. Kelmakov. Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis. Moscow, 1969.}

Kel'makov 2004a — V. K. Kel'makov. G. E. Vereshchagin i nekotorye problemy udmurtskogo yazykoznaniya. Izhevsk, 2004. {V. K. Kelmakov. G. E. Vereshchagin and some problems of Udmurt linguistics. Izhevsk, 2004.}

Kel'makov 2004b — V. K. Kel'makov. O yazyke i stile pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na "sarapul'skom narechii" udmurtskogo yazyka I. In: Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára. Budapest, 2004. S. 537—546. {V. K. Kelmakov. On the language and style of the first printed Gospel of Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language I. In: Permiek, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára. Budapest, 2004. P. 537—546.}

Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. Izhevsk, 2006. {V. K. Kelmakov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. Izhevsk, 2006.}

Kel'makov 2007 — V. K. Kel'makov. Ob "orfografii" pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na "sarapul'skom narechii" udmurtskogo yazyka. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2007, 5. S. 17—24. {V. K. Kelmakov. On the "spelling" of the first printed Gospel of Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language. In: Bulletin of the Udmurt University. 2007, 5. P. 17—24.}

Kel'makov 2008 — V. K. Kel'makov. Ocherki istorii udmurtskogo literaturnogo yazyka: Uchebnoe posobie. Izhevsk, 2008. {V. K. Kelmakov. Essays on the history of the Udmurt literary language: Textbook. Izhevsk, 2008.}

Kel'makov 2020 — V. K. Kel'makov. "Pesni i skazy tvoi ostanutsya..." I: Udmurtskie fol'klornye teksty, izdannye B. Gavrilovym. Izhevsk, 2020. {V. K. Kelmakov. "Your songs and tales will remain... " I: Udmurt folklore texts, published by B. Gavrilov. Izhevsk, 2020.}

Kondrat'eva 2011 — N. V. Kondrat'eva. Formirovanie padezhnoi sistemy v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. The formation of the case system in the Udmurt language. Izhevsk, 2011.}

Luppov 1905 — P. N. Luppov. O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya: Ocherk iz istorii inorodcheskikh perevodov. Kazan', 1905. {P. N. Luppov. On the first Votyak translations of the sources of christian enlightenment: An essay on the history of foreign translations. Kazan, 1905.}

Luppov 1911 — P. N. Luppov. Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX veka. Vyatka, 1911. {P. N. Luppov. Christianity among the Votyaks in the first half of the 19th century. Vyatka, 1911.}

Lyukina 2016 — N. M. Lyukina. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan. Izhevsk, 2016. {N. M. Liukina. Phonetic and morphological features of the language of the Lekma and Yunda Besermians. Izhevsk, 2016.}

Mark — Ot Marka svyatoe Blagovestvovanie. In: Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya. Kazan', 1847. {Holy Annunciation from Mark. In: Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazovsky dialect. Kazan, 1847.}

Matfey Glaz. — Ot Matfeya svyatoe Blagovestvovanie. In: Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya. Kazan', 1847. {Holy Annunciation from Mathew. In: Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazovsky dialect. Kazan, 1847.}

Matfey Sar. — Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelista Matfeya na russkom i votyakskom yazykakh, Sarapul'skogo narechiya. Kazan', 1847. {Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. Evangelist Matthew in Russian and Votyak languages, Sarapul dialect. Kazan, 1847.}

Napol'skikh 2001 — V. V. Napol'skikh. Udmurtskie materialy D. G. Messershmidta. Dnevnikovye zapisi, dekabr' 1726 g. Izhevsk, 2001. {V. V. Napolskikh. Udmurt materials of D. G. Messerschmidt. Diary entries, December 1726. Izhevsk, 2001.}

Nasibullin 1978 — R. Sh. Nasibullin. Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov. In: O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtskogo narechiya: Sbornik statei i materialov. Izhevsk, 1978. S. 86—151. {R. Sh. Nasibullin. Observations on the language of the Krasnoufim Udmurts. In: On dialects and subdialects of the South Udmurt dialect: Collection of articles and materials. Izhevsk, 1978. P. 86—151.}

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963.}

Shutov 1999 — A. F. Shutov. Slozhnopodchinennye predlozheniya v udmurtskom yazyke: na materiale dvukh evangelii. In: Problemy udmurtskoi i finno-ugorskoi filologii. Izhevsk, 1999. S. 329—335. {A. F. Shutov. Complex sentences in the Udmurt language: on the material of the two gospels. In: Problems of the Udmurt and Finno-Ugric philology. Izhevsk, 1999. P. 329—335.}

Shutov 2004 — A. F. Shutov. Pervye pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti: perevodnye s tserkovnoslavyanskogo i russkogo evangeliya i azbuki. In: Yazyk i obshchestvo: Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 1. Izhevsk, 2004. S. 6—7. {A. F. Shutov. The first monuments of Udmurt writing: translations from the Church Slavonic and Russian Gospels and the Alphabet. In: Language and society: Materials of the republican scientific and practical conference. Issue 1. Izhevsk, 2004. P. 6—7.}

Tarakanov 2007 — I. V. Tarakanov. Udmurtskii yazyk: stanovlenie i razvitie: Sbornik statei. Izhevsk, 2007. {I. V. Tarakanov. Udmurt language: formation and development: Collection of articles. Izhevsk, 2007.}

Teplyashina 1965 — T. I. Teplyashina. Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti XVIII v. Moskva, 1965. {T. I. Teplyashina. Monuments of Udmurt writing of the 18th century. Moscow, 1965.}

Teplyashina 1970 — T. I. Teplyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Teplyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskon izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) / Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. by N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

Usacheva, Arkhangelskiy 2017 — M. Usacheva, T. Arkhangelskiy. Grammaticalization of New Cases in Beserman Udmurt. In: Linguistica Uralica. 2017. Vol. 54 (1). P. 27—48.

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz / Aufg. Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987.

Wiedemann 1884 — F. J. Wiedemann. Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakishen. St. Petersburg, 1884.

DOI: 10.37892/2500-2902-2025-58-3-24-45

Д. Д. Белова, И. А. Хомченкова

Частица передачи речи *ре* в татышлинском говоре удмуртского языка

Белова Дарья Дмитриевна, Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); d.belova@iling-ran.ru
Хомченкова Ирина Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва); irina.khomchenkova@yandex.ru

В статье рассматриваются семантические и синтаксические свойства частицы *ре* в татышлинском говоре удмуртского языка (Республика Башкортостан) в сравнении со стандартным (литературным) удмуртским и бесермянским идиомами. Анализируется корпус текстов татышлинского удмуртского. С точки зрения семантических свойств частица *ре* является опциональным маркером репортативной эвиденциальности с широкой семантикой и используется в контекстах передачи информации «из вторых рук», слухов и фольклора. Также она маркирует передачу говорящим собственной речи; в стандартном удмуртском и бесермянском эта функция отведена отдельной частице. Прагматические и дискурсивные функции, засвидетельствованные в остальных идиомах, в татышлинском корпусе не встречаются. С точки зрения синтаксических свойств *ре* используется как в конструкциях с глаголом речи, так и без них. В подавляющем большинстве случаев частица представляет собой энклитику и занимает вторую позицию. Как правило, она не разрывает первую именную или послеложную группу, однако зафиксированы случаи, когда она располагается между адъективом *sə̂šе* ‘такой’ и именной вершиной. Второй по частоте позицией является приглагольная. В позиции перед глаголом *ре* может фонетически примыкать к нему и таким образом выступать проклитикой, чего не отмечалось в работах предшественников для других удмуртских идиомов. Также клитика может встречаться в клаузе больше одного раза. В таком случае она чаще всего занимает вторую позицию и следующую доступную позицию («X1 *ре* X2 *ре* (X3 X4…)»).

Ключевые слова: квотатив, цитатив, репортатив, косвенная засвидетельствованность, передача речи, клитика, удмуртский

REPORTED SPEECH PARTICLE *PE* IN TATYSHLY UDMURT

Daria D. Belova, Institute of Linguistics RAS, HSE University (Moscow); d.belova@iling-ran.ru
Irina A. Khomchenkova, Institute of Linguistics RAS (Moscow); irina.khomchenkova@yandex.ru

The paper examines the semantic and syntactic properties of the particle *pe* in the Tatyshly dialect of Udmurt (Republic of Bashkortostan) in comparison with the standard (literary) Udmurt and Besermyan language varieties. A corpus of Tatyshly Udmurt texts is analyzed. In terms of semantic properties, the particle is an optional marker of reportative evidentiality with broad semantics and is used in the contexts of reporting second-hand information, rumors, and folklore. It also marks the speaker’s transmission of his own speech; in standard Udmurt and Besermyan, this function is assigned to a separate particle. The pragmatic and discourse functions attested in the other language varieties are not found in the Tatyshly Udmurt corpus. In terms of syntactic properties, *pe* is used both in constructions with and without the verb of speech. In the vast majority of cases, the particle is an enclitic and occupies the second position. Generally, it does not break the first noun phrase or postpositional phrase but there are cases in which it is located between the adjective *sə̂šе* ‘such’ and the nominal head. The second most common position is the preverbal one. In the preverbal position, *pe* can phonetically attach to it and thus act as a proclitic, which was not stated in the works of predecessors for other Udmurt varieties. Also, the clitic can occur in a clause more than once. In this case, it most often occupies the second position and the next available position («X1 *ре* X2 *ре* (X3 X4…)»).

Keywords: quotative, citative, reportative, indirect evidence, speech report, clitic, Udmurt

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

1. Введение

В удмуртском, как и во многих языках мира, есть специальные показатели, использующиеся в контекстах передачи речи, т. е. в случаях, когда говорящий воспроизводит некоторый речевой акт с той или иной степенью точности. Одним из таких показателей выступает частица *ре* — «частица, обозначающая субъективную передачу чужой речи» [ГСУЯ 1962: 348]; см. пример (1) из Национального корпуса удмуртского языка (далее — НКУЯ). Помимо этого, встречается отдельная частица, используемая для передачи говорящим своей собственной речи, как *пöj* в примере (2) [ГСУЯ 1962: 348; Teptyuk 2019; 2021; Arkhangelskiy 2023a].

(1) Литературный удмуртский[1]
Нош Андрей мыным шу-и-з: «Мон, ***не****, уг малпа-ськы вал,*
но Андрей я.DAT говорить-PST-3SG я QUOT NEG.PRS.1SG думать-PRS быть.PST
сыче урод-эн мон-э кожа-ськo-д шуы-са».
такой плохой-INS я-ACC полагать-PRS-2SG говорить-CVB
‘Но Андрей мне сказал: «Я не думал, что ты так плохо обо мне подумаешь»’ [НКУЯ: Вячеслав Сергеев. Уйвötын усе лымы (1988)].

(2) Литературный удмуртский
Нош ик пукс-и-м ми воргоронъ-ёс-ын, бумага гожт-ӥ-м:
опять же сидеть-PST-1PL мы мужчина-PL-INS бумага писать-PST-1PL
Василич, ***пöй****, янгыш öвöл, озьы-озьы.*
Василич QUOT.SELF ошибка NEG так-так
‘Опять мы сели с мужиками, написали бумагу: Василич, мол, не неправ, так и так’ [НКУЯ: Вячеслав Ар-Серги. Сазь гурт (1993)].

Этимологически *ре* возводится к прапермской частице **рɛ* и имеет когнаты с теми же значениями в диалектах коми языка [ССКЗД 1961: 295; Лыткин 1962: 167; Лыткин, Гуляев 1970: 227]. Предполагается, что репортативные функции появились у показателя уже на прапермской стадии [Bartens 2000: 321]. Что касается *пöj* и ее фонетических вариантов, то убедительной версии происхождения этой частицы нет. В коми аналогичными функциями обладает не когнатная частица *mis'a* / *mes'a* [Teptyuk 2021]. Д. Тептюк выдвигает осторожное предположение, что *пöj* возникла как сращение частицы *ре* с показателем 1-го лица единственного числа *-j*, который встречается, например, в спрягаемом показателе отрицания прошедшего времени *öj* ‘NEG.PST.1SG’ [Teptyuk 2019: 120]. В бесермянском зафиксирована форма *pi* [Arkhangelskiy 2023c: 217], а в северных говорах, близких к бесермянскому, — формы *pə̂j*/*pə̈j*/*pij* [Карпова 2013: 403—404].

В татышлинском говоре удмуртского языка, данные которого будут описаны в настоящей статье, представлена только одна частица — *ре* (3). Мы рассмотрим ее семантические и синтаксические свойства на диалектологическом фоне. Татышлинский говор распространен на севере Республики Башкортостан в Татышлинском районе и входит в периферийно-южный диалект южного наречия [Кельмаков 1998]; он заметно отличается на всех языковых уровнях как от литературного удмуртского, так и от северных диалектов и бесермянского, для которого свойства частиц передачи речи описаны достаточно полно.

(3) *Pil'em-is' zor ke bə̂r-e, so,* ***pe****, šur-jos-is' no ošmes-jos-is' ʒ'ü-e.*
туча-EL дождь если кончиться-PRS.3SG тот QUOT река-PL-EL ADD родник-PL-EL пить-PRS.3SG
‘Когда у тучи кончается вода, она, говорят, пьет ее из рек и родников’ [Кельмаков 1978: 110].

Наше исследование основано на материале корпуса текстов татышлинского удмуртского[2] (далее — КТУ). Объем корпуса составляет около 54,8 тыс. словоупотреблений. Из них около 49,5 тыс. — в подкорпусе современных текстов, записанных в экспедициях в Татышлинский район Республики Башкор-

[1] Языковой материал в статье приводится следующим образом. Примеры из бесермянского и татышлинского удмуртского даются в латинской записи согласно фонетическим и фонологическим принципам, принятым в соответствующих исследовательских проектах. Прочие примеры из удмуртского даются в орфографической кириллической записи. Глоссирование всех примеров наше и может отличаться от глоссирования в источниках. Частица *ре* и ее диалектные варианты в тексте вне примеров всегда приводятся латиницей.

[2] Татышлинский корпус доступен по ссылке https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html, его последнее обновление на момент написания статьи — 03.04.2025.

тостан[3] в 2021—2024 гг., около 5,1 тыс. — в подкорпусе текстов, опубликованных в диалектологической литературе [Кельмаков 1978; 1998; Гильмаев 1981; 1982; Baidoullina 2003].

В наиболее полном на сегодняшний день грамматическом описании татышлинского говора частица *ре* включена в категорию «вводных частиц» и подробно не рассматривается [Baidoullina 2003: 114]. Данные татышлинского удмуртского также кратко обсуждаются в работе [Arkhangelskiy 2023a], посвященной положению дискурсивных клитик в клаузе в диалектах удмуртского языка. Стоит отметить, что на момент написания статьи Т. А. Архангельского КТУ насчитывал около 10 тыс. словоупотреблений, что практически в шесть раз меньше его нынешнего объема. Настоящее исследование призвано дополнить и уточнить результаты Т. А. Архангельского, а также выполнить задачи, выходящие за рамки его работы: подробно описать семантические контексты употребления частицы и вариативность ее синтаксических позиций.

Семантика и прагматика частиц передачи речи описаны достаточно полно для ряда удмуртских идиомов. В [Teptyuk 2019] употребление этих частиц рассматривается на материале удмуртского корпуса социальных сетей. Следовательно, в данном материале могут встречаться диалектные или разговорные черты, поэтому его нельзя считать литературным удмуртским, но можно ожидать некоторую степень нормирования. Ссылаясь на примеры из указанной работы, мы будем использовать обозначение «стандартный удмуртский», чтобы учесть эту особенность. Семантические свойства частиц в бесермянском описаны в [Arkhangelskiy 2023a; 2023b; 2023c].

С точки зрения синтаксических свойств частица *ре* представляет особенный интерес — это одна из немногих частиц в удмуртских идиомах, проявляющая свойства клитик второй позиции (ваккернагелевых), располагающихся после первой синтаксической составляющей [Arkhangelskiy 2023a; 2023b]. Хотя в целом клитики второй позиции встречаются в разных финно-угорских языках, их свойства практически не получали освещения в синтаксической перспективе, в отличие от языков со строгим положением ваккернагелевых клитик, например южнославянских или иранских. В работе [Nevis 1990] рассматривается ряд сентенциальных финно-угорских клитик (однако частица *ре* в ней не упоминается). Согласно приведенным данным, наряду со второй позицией клитики могут занимать положение в абсолютном конце клаузы или в предпоследней позиции, а также быть присловными (например, располагаться рядом с предикатом, независимо от его позиции в клаузе). Клитики строго второй позиции скорее характерны для прибалтийско-финских языков. В пермских же языках клитики, способные занимать вторую позицию, демонстрируют вариативность, причем когнатные клитики в разных языках могут проявлять различные свойства. Так, Дж. Невис сообщает, что условная клитика *ke* в коми-зырянском присоединяется к «первой или, спорадически, второй составляющей в клаузе», а *kä* в удмуртском — к первой, второй или последней, но фактически «просто к чему угодно» [ibid.: 362]. Положение частицы *ре* во второй позиции, согласно Т. А. Архангельскому, — это также тенденция, а не строгое ограничение. Соответственно, даже в близкородственных идиомах свойства этой частицы могут различаться.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 представлены типологические параметры, важные для классификации конструкций передачи речи, и дается описание базовых свойств частицы *ре* с точки зрения этих параметров. Раздел 3 посвящен семантико-прагматическим характеристикам частицы в татышлинском удмуртском в сравнении с данными стандартного удмуртского и бесермянского. В разделе 4 подробно рассмотривается, какие позиции занимает частица *ре* в клаузе. В разделе 5 подводятся итоги исследования.

2. Базовые свойства

Передача речи предполагает наличие двух (или более) коммуникативных ситуаций: одна связана с порождением исходного высказывания, передающеего чью-то речь, а другая — с порождением самого передаваемого высказывания. М. Ю. Князев называет их внешней и внутренней коммуникативной ситуациями соответственно [Князев 2017]. Такая конфигурация из двух речевых ситуаций может реализовываться с помощью разных языковых выражений. Вслед за [Spronck, Nikitina 2019] мы придерживаемся широкого понимания конструкций передачи речи (*reported speech*). В это понятие включаются и конструкции с прямой речью типа (4a), и с косвенной речью типа (4b) (см. о прямой и косвенной речи в [Evans 2012]), и конструкции с эвиденциальными выражениями (5). С синтаксической точки зрения конструкции (4) отличаются наличием вводящей предикации, т. е. клаузы, которая описывает речевой акт

[3] Населенные пункты Нижнебалтачево, Верхнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Уразгильды, Бигинеево, Старокальмиярово.

внешнего речевого события (см. [Подлесская 2018]). Далее подобные конструкции мы будем называть **квотативными**, а конструкции (5), где вводящей предикации нет, — **репортативными**[4].

(4) a. *Петя сказал: «Я люблю шоколад».*
b. *Петя сказал, что любит шоколад.*

(5) a. *Согласно Ване, Петя (якобы) любит шоколад.*
b. *Петя, мол, любит шоколад.*

Частица *pe* является клитикой (см. определения этого понятия, например, в [Плунгян 2003: 28—29; Haspelmath 2023]). Во-первых, она представляет собой связанную форму (*bound form*), т. е. не способна самостоятельно формировать высказывание. Во-вторых, она образует просодическое единство с опорной словоформой. В работах предшественников *pe* считается энклитикой (т. е. она примыкает к предыдущему слову) [Arkhangelskiy 2023a: 112, 2023c: 218]. В-третьих, данная частица обладает свойством «неизбирательности» (*nonselectivity*) — она может присоединяться к словам различных классов. Так, в примере (6) *pe* присоединяется к финитному глаголу, а в (8) — к местоимению (см. также раздел 4.1). Наконец, ее следует классифицировать как специальную клитику (в терминологии [Zwicky 1983: 510]), поскольку для нее не существует соответствующей полной ударной формы.

Частица *pe* встречается в КТУ 295 раз. Большинство употреблений — 256 — зафиксировано в устных текстах, собранных в ходе экспедиций (47 текстов, записанных от 28 говорящих). Остальные 39 вхождений извлечены из опубликованных источников (10 текстов).

Что касается репортативного употребления (без вводящей предикации), то в подкорпусе устных текстов насчитывается 117 таких случаев (см. (6)), а в подкорпусе опубликованных текстов — 26.

(6) *Ta ber-e in'i ǯ'ič'ə̂ az'-a-z pot-em no les't-e **pe** teč'an.*
этот за-ILL уже лиса перед-ILL/LOC-POSS.3SG выйти-PST2 ADD делать-PRS.3SG QUOT забор
‘Сейчас уже лиса навстречу вышла и делает плетень’ [КТУ: MIK-04082022_MW_volk-i-lisa].

При пересказе чужого нарратива говорящий может совмещать формы 3-го и 1-го лица, причем в рамках одного дискурса, иногда даже в соседних предложениях. Например, в (7) говорящая рассказывает о случае, произошедшем с ее учительницей; в первом предложении она использует местоимение 1-го лица (‘прошла рядом с нами’), в следующем — 3-го (‘они горох выбросили’).

(7) *«Vot, so прям **pe** mi vȯz-ə̈ti ik or²č'ə̂-sa košk-i-z».*
вот тот QUOT мы около-PROL же пройти-CVB уйти-PST-3SG
*Ta-jos **pe** kȯžə̈-zes ki-is't-ə̂zə̂ kušt-i-zə̂ no **pe** berl= ber-lan' **pe***
этот-PL QUOT горох-ACC.POSS.3PL рука-EL-POSS.3PL бросить-PST-3PL ADD QUOT назад-APPR QUOT
dor-a-zə̂ bertə̂-sa košk-i-zə̂, biz'ə̂-sa kə̂ška-sa.
около-LOC/ILL-POSS.3PL вернуться-CVB уйти-PST-3PL бежать-CVB бояться-CVB
‘Вот, она {призрак белой женщины} прошла прямо рядом с нами$_i$. Они$_i$ горох выбросили из рук и обратно домой побежали, испугавшись’ [КТУ: ShAA-13082022_VO_belaja-zhenshchina].

Квотативных употреблений (с вводящей предикацией) в устном подкорпусе зафиксировано 139, в опубликованном — 13. В рамках этих конструкций частица *pe* может появляться как в зависимой (8), так и в матричной (9) клаузе. Во всех подобных примерах в корпусе она вводит прямую речь.

(8) *As-se so šü-e: «Mon **pe** vord-is'k-emə̂n v'az' gurt-ə̂n».*
REFL-ACC.POSS.3SG он говорить-PRS.3SG я QUOT растить-DETR-RES Вязовка деревня-LOC
‘Про себя он говорил, что родился, мол, в деревне Вязовка’ [КТУ: ZZP-01082022_EK_Pukrokov].

(9) *I jua-lo **pe** so-les': «Kə̂tč'ə̂ mə̂n-is'ko-d ton, aldar?»*
и спросить-PRS.3PL QUOT он-GEN2 куда идти-PRS-2SG ты Алдар
‘И спрашивают его: «Куда ты идешь, Алдар?»’ [КТУ: SIM_05072019_EK_Aldar].

[4] В сфере классификации цитационных конструкций и в англоязычной, и в русскоязычной литературе наблюдается заметная терминологическая непоследовательность. Например, в русскоязычных работах в качестве зонтичного термина для всех показателей передачи речи могут использоваться термины «ренарратив» [Копотев 2014], «аппроксиматоры» [Подлесская, Егорова 2017] или «ксенопоказатели» [Арутюнова 2000; Плунгян 2008]. Термин «квотатив» может использоваться и в значении введения цитаты в конструкции с чужой речью [Майсак 2020], и в значении маркера только прямой речи [Урманчиева 2021]. В последнем значении также встречаются употребления терминов «репортив» [Подлесская 2018] и «цитатив» [Урманчиева 2021]. Краткое обсуждение этой терминологической зоны можно найти в [Лобина 2023].

В КТУ встречаются единичные случаи использования частицы *pe* в конструкциях прямой речи при отсутствии вводящей предикации. Так, в примере (10) из опубликованного подкорпуса нет ни одного глагола речи; внутренняя речевая ситуация выражена самостоятельным предложением, где частица *pe* фактически выступает единственным маркером цитации. Аналогично пример (11) по своей структуре напоминает квотативную конструкцию из двух клауз, но глагол речи в нем также отсутствует.

(10) *Pə̂r-e, min'č'o gur-is' iz bas'tə̂-sa pot-e və̂l-em in'i, so-les'*
зайти-PRS.3SG баня печь-ILL камень взять-CVB выйти-PRS.3SG быть-PST2 уже тот-GEN2
ki-ze tȯd'-ze dis'-en nə̂l kut-em.
рука-ACC.POSS.3SG белый-ACC.POSS.3SG одежда-INS девушка поймать-PST2
*«Mon, **pe**, so-lə̂ gine s'ot-o-Ø tatis' iz-ez, kin mon-e kə̂šno bas't-o-z».*
я QUOT тот-DAT только дать-FUT-1SG отсюда камень-ACC кто я-ACC жена взять-FUT-3SG
‘Заходит, и уже собрался выйти, схватив камень из каменки, {как} его за руку схватила девушка в белой одежде. Я, говорит, только тому дам отсюда камень, кто возьмет меня в жены’ [Кельмаков 1978: 104].

(11) *So-os mi šor-ə̂ u̇č'kə̈-sa dolka-sa kə̂l'l'-o*:
тот-PL мы середина-ILL смотреть-CVB уставиться-CVB лежать-PRS.3PL
*«Mar s'ain **pe** ton vera-Ø-d'?»*
что по QUOT ты говорить-PST-2SG
‘Они стояли удивленно смотрели на нас: «На каком языке ты разговариваешь?»’ [КТУ: GLZ-07082023_EK_udmurt-perevod].

3. Семантические свойства

3.1. Эвиденциальные контексты

Основной семантико-грамматической составляющей конструкций передачи речи является эвиденциальное значение репортативной засвидетельствованности[5] [Плунгян 2003; Aikhenvald 2004; 2020]. Данное значение, в свою очередь, классифицируется в зависимости от типа источника, из которого говорящий получил информацию. В [Willett 1988] выделяются следующие репортативные ситуации: «из вторых рук» (*second-hand*; говорящий утверждает, что получил информацию об описываемой ситуации от ее непосредственного свидетеля), «из третьих рук»/слухи (*third-hand*; говорящий утверждает, что получил информацию от кого-то, кто сам не является ее непосредственным свидетелем), фольклор (говорящий утверждает, что описываемая ситуация — часть устоявшейся устной традиции). (О фольклоре как эвиденциальной категории подробнее см. [Kittilä 2020].)

Частица *pe* встречается в КТУ во всех этих контекстах — как и в других описанных разновидностях удмуртского. Во-первых, *pe* может маркировать информацию «из вторых рук», т. е. пересказ опыта какого-то человека с его слов. Источник информации может быть эксплицитно указан в том же предложении, как в примерах с квотативной конструкцией (см. (8)—(9) в разделе 2), или в левом контексте (например, в начале рассказа) (12). Объем цитации может быть большим и включать целые нарративы (см. (7) в разделе 2).

(12) *Ta-iz anaj-len vera-n-ez* ⟨…⟩ *So-len az'-a-z tuž kuz'*
этот-POSS.3SG мать-GEN говорить-VN-POSS.3SG тот-GEN перед-LOC/ILL-POSS.3SG очень длинный
*pijosmurt pot-em. Tuž kuz', tuž vekč'i, s'öd dis'-en **pe***
мужчина выходить-PST2 очень длинный очень тонкий черный одежда-INS QUOT
val so, šu̇-i-z.
быть.PST тот говорить-PST-3SG
‘Это мамин рассказ ⟨…⟩ Навстречу ей вышел очень длинный мужик. Очень длинный, очень тощий, в черной одежде он был, говорила она’ [КТУ: ShMA-13082022_TD_nuleskuzo].

В отдельный семантический подкласс употреблений «из вторых рук» можно выделить так называемый ренарративный императив (см. [Гусев 2007: 436—437; Урманчиева 2021]). Говорящий использует

[5] Репортативная засвидетельствованность является частным случаем непрямой; к ней также относится инферентивная засвидетельствованность, т. е. сообщение информации, полученной говорящим путем логических заключений. Непрямая засвидетельствованность противопоставляется прямой — ситуации, в которой говорящий получил информацию об описываемом событии непосредственно с помощью своих органов чувств.

репортативную частицу с предикатом с иллокутивной функцией побуждения (например, в форме императива, оптатива и т. д.), чтобы сообщить, что он не выступает актором побуждения, а пересказывает чью-то просьбу. В примерах (13)—(14) проиллюстрировано употребление *ре* в этой функции в татышлинском и литературном удмуртском:

(13) *Kâz'ə̂ ul-i-dâ az'lo, si-je* ***pe*** *vera-Ø.*
как жить-PST-2PL раньше тот-ACC QUOT говорить-IMP
‘Как вы жили раньше, это, говорит, расскажи’ [КТУ: ShMM-12082022_TD_pro zhizn].

(14) Литературный удмуртский
Анай мон-э вера-ны кос-ӥ-з, дор-ын дыр-ыз дыр-ъя, ***не****, мед лу-о-д.*
мать я-ACC говорить-INF просить-PST-3SG сторона-LOC время-POSS.3SG время-ADV QUOT OPT быть-FUT-2SG
‘Мама меня просила передать: будь дома вовремя’ [Репина 2007: 66].

Частица *ре* может использоваться в пересказе своих же нарративов (*self-reported speech*), т. е. в случаях, когда говорящий реальной коммуникативной ситуации совпадает с говорящим репортативной коммуникативной ситуации (15). В литературном и бесермянском удмуртском, как упоминалось выше, эту функцию выполняют отдельные частицы — *пӧj* и *pi* соответственно [ГСУЯ 1962: 342; Arkhangelskiy 2023c]. См. наглядный пример разделения функций частиц *ре* и *pi* в бесермянском — цитирование диалогов, где частицы маркируют реплики говорящего и его собеседника (16).

(15) *Korobka-jez pâr-t-i no «Kär mə̂nə̂m mar, —*
коробка-ACC зайти-CAUS-PST.1SG ADD сейчас Я.GEN что
šu-is'ko-Ø, — s'ӧd-ez ***pe*** *tän'i?»*
говорить-PRS-1SG черный-POSS.3SG QUOT здесь
‘(Работница инкубатора уже успела подобрать черных гусят.) Занес коробку, и сейчас мне что, говорю, черных не осталось?’ [КТУ: AZA-07082023_TD_vstrecha-s-marijkoj].

(16) Бесермянский удмуртский
Mar ***pe*** *kabina-tek veĺt-iśkod no? — Oź oź* ***pi****, kə̂ma-śk-i-Ø, ta*
что QUOT кабина-CAR ходить-PRS.2SG ADD так так QUOT опрокинуть-DETR-PST-1SG этот
ber-e ***pi*** *kabina-jez evə̂l.*
зад-ILL QUOT.SELF кабина-POSS.3SG NEG
‘Почему {спрашивает} без кабины ездишь? Так, мол, и так, перевернулся, после этого кабины нет’ [Arkhangelskiy 2023c: 218].

Во-вторых, частица *ре* используется при пересказах информации «из третьих рук». Источник может быть известным и референтным, но не являться непосредственным свидетелем передаваемой информации (17). Так, в примере (18) говорящий пересказывает историю со слов своего родственника, которому, в свою очередь, одна знакомая женщина рассказала о встрече с русалкой; таким образом, возникает «цепочка» передачи нарратива из трех коммуникативных ситуаций. Отметим здесь смешение лиц, аналогичное наблюдавшемуся в примере (7) в разделе 2: хотя речь идет только о женщине — непосредственной свидетельнице событий, сначала употребляется глагол *ӵč'k-e* (смотреть-PRS.3SG) ‘смотрит’ в 3-м лице, а затем — глагол *vӥ-i-Ø* (прийти-PST-1SG) ‘подошла’ и местоимение *mon-e* (я-ACC) ‘меня’ 1-го лица.

(17) *Griškina-len kn'iga-ja-z gožt-emə̂n. So… Род Дукъя…*
Гришкина-GEN книга-LOC/ILL-POSS.3SG писать-RES тот
Ul-em ***pe*** *kə̂k s'ӥ is'kem… Южнее Казани, kazan'-len.*
жить-PST2 QUOT два сто верста Казань-GEN
‘В книге Гришкиной написано. Это… Род Дукъя… Жил… 200 километров… южнее Казани’ [КТУ: ВНМ-31072021_DB_istorija-udm].

(18) *Ӵč'k-e* ***pe****: jar dur-ə̂n odig nə̂l. Gord jə̂rs'i-jo, gol'ə̂k,*
смотреть-PRS.3SG QUOT обрыв край-LOC один девочка красный волосы-ATTR голый
šukna s'iz'ə̂m-ə̂n ǯ'ə̂rs'i-ze ***pe*** *sə̂na-sa kə̂l'l'-e. «Mat-a-z*
утро семь-LOC волосы-ACC.POSS.3SG QUOT расчесать-CVB лежать-PRS.3SG близко-LOC/ILL-POSS.3SG
mə̂nə̂-sa ***pe*** *vӥ-i-Ø no. Mon-e* ***pe*** *aʾǯ'-i-z: s'in-jos-ӟiz čʼagir* ***pe****».*
идти-CVB QUOT прийти-PST-1SG ADD я-ACC QUOT видеть-PST-3SG глаз-PL-POSS.3SG голубой QUOT
‘Смотрит: на берегу одна девушка. Рыжеволосая, голая, в семь утра сидит расчесывает волосы. Я подошла поближе. На меня посмотрела: у нее голубые глаза’ [КТУ: AZA-09072024_TD_rusalki].

Источник также может быть неизвестным или неважным для контекста (такие примеры относятся к классу слухов):

(19) *Borə̂ no **pe** van′ in′i.*
клубника ADD QUOT есть уже
‘И клубника уже, говорят, есть’ [КТУ: FVV_RFG_05072019_IKh_VD_dialog].

В-третьих, частица *pe* употребляется в текстах фольклорного жанра — сказках и легендах. Она встречается как при передаче прямой речи персонажей в квотативных конструкциях (20), так и в повествовательном нарративе (21).

(20) *«Ojdo **pe** kin žog-ges biz′-e, kin*
айда QUOT кто быстрый-COMP бежать-PRS.3SG кто
šäp-ges biz′-e», — šu̇-e č′ort.
бойкий-COMP бежать-PRS.3SG говорить-PRS.3SG черт
‘«Айда, мол, кто быстрее пробежит, кто быстрее пробежит», — говорит черт’ [КТУ: AZA-13082022_VO_balda-i-chort].

(21) *Gondə̂r-zə̂ bert-sa pə̂r-em no, u̇č′k-e no*
медведь-POSS.3PL вернуться-CVB входить-PST2 ADD смотреть-PRS.3SG ADD
***pe**, kin ke no muket murt van′ tatə̂n.*
QUOT кто INDEF ADD другой человек есть здесь
‘Медведь зашел, смотрит, что там есть кто-то другой’ [КТУ: ShIA_082023_NK_bear-girl1].

Промежуточной группой между слухами и фольклором являются приметы и общеизвестная мудрость (*conventional wisdom*), которые встречаются в подкорпусе опубликованных текстов (22). Частица *pe* здесь отсылает не к конкретному речевому акту, а к некоторому абстрактному «обобщенному говорящему» и «обобщенному речевому акту», сформированным на основании реальных речевых актов в прошлом, содержащих данную пропозицию; ср. аналогичное употребление бесермянской частицы (23) [Arkhangelskiy 2023c].

(22) *Vuž vil′ ar u̇j-in kᵾaz′ sez′ ke lu̇-i-z, emez′, **pe**, dalt-e.*
старый новый год ночь-LOC погода ясный если быть-PST-3SG малина QUOT уродиться-PRS.3SG
‘Если в ночь на новый год по старому стилю будет ясная погода — уродиться малине’ [Гильмаев 1981: 100].

(23) Бесермянский удмуртский
*Kurə̂t ogreź-ez **pe** śij-ono, so vij-ə̂l-e mikrob-ez.*
горький огурец-ACC QUOT есть-DEB тот убить-ITER-PRS.3SG микроб-ACC
‘Говорят, нужно есть горькие огурцы, они убивают микробы’ [Arkhangelskiy 2023c: 234].

Рассмотрим любопытный контекст (24) из подкорпуса опубликованных текстов, который допускает двоякую интерпретацию. С одной стороны, его можно анализировать как конструкцию с прямой речью. В этом случае частица располагается внутри цитаты, а вводящая предикация не содержит глагола речи. С другой стороны, данный контекст может трактоваться как пример **интерпретирующей** функции. Репортативные единицы в этой функции служат не для передачи чужой речи, а для выражения субъективной оценки или интерпретации мыслей, намерений или невербального поведения собеседника (ср. с русскими частицами *мол* и *дескать*, обладающими схожей семантикой (25)). Как отмечает Н. А. Николина: «Функция оценки содержания чужой речи сочетается у частиц *мол* и *дескать* с функцией интерпретации невербального поведения ⟨…⟩. Конструкции с частицами служат способом экспликации явных или скрытых интенций лица ⟨…⟩. Именно поэтому в бессоюзных предложениях или — шире — в тексте эти частицы выступают как сигнал пояснительных отношений» [Николина 2014: 66—67] (см. также [Арутюнова 2000]). Употребление частиц передачи речи в интерпретирующей функции зафиксировано также в стандартном удмуртском, см. пример (26) с частицей *pöj*.

(24) *So ber-e gozə̂ pum-jos-se vač′e pu̇n-e no šajtan pi-lə̂ s′ot-e*:
тот зад-ILL веревка конец-PL-ACC.POSS.3SG вдвоем свить-PRS.3SG ADD шайтан сын-DAT давать-PRS.3SG
*ma, **pe**, šed′tə̂-∅ ta gozə̂-les′ pum-ze.*
что QUOT найти-IMP этот веревка-GEN2 конец-ACC.POSS.3SG
‘Затем сплетает концы веревки вместе и отдает {веревку} шайтаненку: на, мол, найди концы этой веревки’ [Кельмаков 1978: 107].

(25) a. *Он сделал знак рукою:* ***мол****, подожди меня.*
b. *Лева как-то болезненно улыбнулся, беспомощно развел руки в стороны (****дескать****, что тут поделаешь!)* [Николина 2014: 67].

(26) СТАНДАРТНЫЙ УДМУРТСКИЙ
Ки-ын-ым шонт-ӥ-Ø — пук-т-о-м, ***пӧй****!*
рука-INS-POSS.1SG махать-PST-1SG сидеть-CAUS-FUT-1PL QUOT.SELF
‘Я махнул рукой — посадим, мол!’ [Teptyuk 2019: 120].

Отметим, что ни в одном из перечисленных контекстов употребление частицы не обязательно. Ниже приведены примеры передачи информации от референтного источника «из вторых рук» в квотативном контексте (27), от нереферентного источника «из третьих рук» в репортативном контексте (28) и общеизвестной мудрости (29), в которых нет частицы *ре*, а соответствующие функции выполняет глагол *шӥӓпӓ* ‘говорить’.

(27) *Kel'a-kə̂,* ***šӥ-е****, kuregpuz-ez no pȯz'-tə̂-sa ȯj vӥ-t-is'kə̂*
провожать-CVB.SIM говорить-PRS.3SG яйцо-ACC ADD вариться-CAUS-CVB NEG.PST.1SG успеть-CAUS-PRS
n'i, kuregpuz-e pȯz'ə̂-sa ȯz vӥ, bas'tə̂-sa košk-i-zə̂, puks'ə̂-sa košk-i-z.
уже яйцо-POSS.1SG вариться-CVB NEG.PST.3SG успеть взять-CVB уйти-PST-3PL сесть-CVB уйти-PST-3SG
‘Когда провожала, говорит {бабушка}, даже яйца не успела сварить, яйца не успели свариться, забрали, сел в машину и уехал’ [КТУ: ATN-29072021_VI_13_babushka].

(28) *Otə̂n danak,* ***šӥ-о*** *tin'i, baltač'-ə̂n kutə̂-l-o.*
там много говорить-PRS.3PL вот Нижнебалтачево-LOC ловить-ITER-PRS.3PL
‘Там много, говорят вот, в Балтачево ловят {рыбу}’ [КТУ: GMK-03082021_VI_10_eda].

(29) *El'in də̂r-oz' ug ǯ'ara,* ***šӥ-о****, s'iə̂-nə̂.*
Ильин время-TERM NEG.PRS.3 годиться говорить-PRS.3PL есть-INF
‘До Ильина дня нельзя есть, говорят’ [КТУ: ShIA-03082022_MW_Iljinden2].

Частота использования *ре* при пересказе больших нарративов — будь то истории «из вторых рук» или фольклор — варьируется в зависимости от конкретного текста и отдельного носителя языка. Например, в сказке «Семь братьев» [MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka] частица *ре* употребляется регулярно как в квотативных, так и в репортативных контекстах — 45 вхождений на 175 клауз. Напротив, в пересказе «Сказки о рыбаке и рыбке» [GOM-072019_VI_rybka] *ре* не встречается ни разу на 176 клауз, несмотря на то что оба текста содержат как повествовательные фрагменты, так и диалоги между персонажами. Гипотетически на обязательность употребления частицы может влиять граммема прошедшего времени. Так называемое второе прошедшее, в отличие от первого, имеет эвиденциальную репортативную и инферентивную семантику [Baidoullina 2003: 90; Kubitsch 2022]. Таким образом, с одной стороны, репортативная частица и предикат во втором прошедшем совпадают по контекстам употребления, а с другой — их совместное использование может восприниматься как избыточное. Однако в корпусных данных не выявлено очевидных закономерностей, подтверждающих или опровергающих эту гипотезу. Частица *ре* встречается с глаголами и в первом прошедшем времени (30), и во втором (31).

(30) *Rad'io* ***pe*** *kes'e-s'k-i-z vojna-jə̂n.*
радио QUOT кричать-DETR-PST-3SG война-LOC
‘Радио, мол, прокричало на войне’ [КТУ: ShMM-12082022_TD_pro zhizn].

(31) *Крестить kar-em-les' pe*ˀ*ǯ'ə̂-sa* ***pe*** *lə̂kt-il'l'a-m.*
делать-PTCP.PST-GEN2 убежать-CVB QUOT прийти-2/3PL-PST2
‘Убежали от крещения’ [КТУ: ВНМ-31072021_DB_istorija-udm].

3.2. Неэвиденциальные контексты

Модели полисемии эвиденциальных средств в языках мира зачастую включают ряд смежных функций, выходящих за рамки собственно указания на источник информации или добавляющих к нему дополнительные семантические компоненты [Travis 2006; Cruschina, Remberger 2008].

Во-первых, это дубитативная функция (*dubitative*), т. е. выражение говорящим сомнения, несогласия или недовольства передаваемой информацией. Близкой к ней является функция хеджирования — смягчения утверждения, дистанцирования говорящего от высказываемой пропозиции [Bary, Maier 2021]. Обе

функции отмечаются у частицы *ре* в стандартном удмуртском [ГСУЯ 1962: 342; Teptyuk 2019]. К примеру, предложение (32) из работы Д. Тептюка возникает в ходе рассказа о путешествии автостопом: говорящий, описывая, как его подвозил водитель на дорогой машине, передает слова последнего, одновременно выражая сомнение в их достоверности. В примере (33) говорящий использует *ре*, чтобы вежливо противоречить предыдущему комментатору, — здесь частица позволяет смягчить конфликтный характер высказывания.

(32) Стандартный удмуртский
Пияш ***не*** *студент.*
мальчик QUOT студент
‘(Следующая машина была BMW.) Парень, по его словам, студент’ [Teptyuk 2019: 116].

(33) Стандартный удмуртский
Мария, смысл-эз, ***не,*** *не в том кин первой-гес нунал кусп-ын опубликуется.*
Мария смысл-POSS.3SG QUOT кто первый-CMPR день промежуток-LOC
‘Мария, смысл как бы не в том, кто первый опубликуется’ [ibid.: 119].

В КТУ также зафиксированы случаи употребления частицы *ре* в эмоционально окрашенных высказываниях, однако определить источник модального компонента непросто. Рассмотрим пример (34). Информант рассказывает о расстраивающей его ситуации — изменении облика деревни из-за запрета выпускать на улицу гусей — и выражает свое несогласие с обоснованием этого решения. Здесь частица *ре*, как кажется, использована в своей основной функции: она отсылает к реальным речевым актам, с которыми говорящий сталкивался ранее. В отличие от специализированных дубитативно-репортативных показателей, как, например, в финском языке [Kaiser 2022], в нашем случае невозможно с уверенностью приписать модальный компонент именно частице, а не, допустим, импликатуре. См. также обсуждение обязательств говорящего (*commitment*) при передаче речи в [Spronck, Nikitina 2019: 129—134].

(34) *Ǯ'äǯ'e^{ʔ}-ǯ'os-tə̂ uram-e pot-tə̂-nə̂ ug lez'-o*
гусь-PL-ACC улица-ILL выйти-CAUS-INF NEG.PRS.3 пускать-PRS.3PL
ni. ⟨…⟩ *Ǯ'äǯ'e^{ʔ}-ǯ'os* ***pe*** *tara-t-o как будто птичий gripp-ez.*
уже гусь-PL QUOT разлетаться-CAUS-PRS.3PL грипп-ACC
‘Не разрешают выпускать гусей на улицу ⟨…⟩ Гуси распространяют как будто птичий грипп’ [КТУ: AZA-29072023_EK_gusi].

Во-вторых, это функция наименования (*labelling*): эвиденциальная единица применяется в конструкции, которую можно передать русским *скажем* или английским *so-called*. Как указывает Т. А. Архангельский, в бесермянском частица *ре* выполняет эту функцию. Так, в примере (35) говорящий, описывая мультфильм, называет одного из героев-медведей отцом не потому, что это слово используется в мультфильме, а потому что сам считает это наименование подходящим и логичным. В примере (36) частица *ре* маркирует высказывание-уточнение, которое говорящий считает необходимым для адекватного понимания контекста слушателем. Такое уточнение может не в полной мере отражать мнение говорящего, но быть достаточным для коммуникативных целей. В КТУ, в отличие от бесермянского, контексты с функцией наименования не обнаружены.

(35) Бесермянский удмуртский
Samoj zę̣k-ez gondə̂r-ez, ataj ***pe****, vera-*Ø.
самый большой-POSS.3SG медведь-POSS.3SG отец QUOT говорить-PRS.3SG
‘Самый большой медведь — назовем его отцом — говорит’ [Arkhangelskiy 2023c: 233].

(36) Бесермянский удмуртский
So ber-e mašina śot-i-zə̂, molokovoz ***pe****.*
тот зад-ILL машина дать-PST-3PL молоковоз QUOT
‘(После армии меня отправили учиться на шофера.) Потом мне машину дали, молоковоз, мол’ [ibid.: 232][6].

Таким образом, с точки зрения семантики частицу *ре* можно охарактеризовать как универсальный показатель репортативной эвиденциальности. Она употребляется при передаче информации, полученной «из вторых» и «из третьих рук», независимо от статуса источника, включая контексты общеизвестной мудрости, слухов и фольклорных нарративов. Кроме того, в подкорпусе опубликованных текстов зафик-

[6] Анонимный рецензент указывает, что этот пример можно интерпретировать и как стандартный репортативный случай: те, кто дал говорящему машину, сказали, что это молоковоз.

сировано использование частицы *pe*, которое можно рассматривать как интерпретирующую функцию, не связанную напрямую с передачей речи. В то же время другие прагматические функции (наименование и хеджирование), засвидетельствованные у соответствующих частиц в литературном удмуртском и бесермянском идиомах, в КТУ не встретились.

4. Синтаксические свойства

4.1. Частица *pe* как энклитика второй позиции

Т. А. Архангельский отмечает, что частица *pe* в удмуртском языке представляет собой энклитику нестрогой второй позиции; она может занимать и другие позиции в предложении, а также встречаться в клаузе несколько раз [Arkhangelskiy 2023a: 112; 2023c: 218].

Термин «клитика 2-й позиции» (2P clitic) был предложен в работе [Wackernagel 1892], где было показано, что в древнегреческом языке клитики располагаются после первого ударного слова в клаузе. В этом случае, если первая составляющая является неоднословной, происходит ее разрыв. В разных языках поведение клитик второй позиции может варьироваться. Например, в чешском языке [Fried 1994] клитики размещаются после первой составляющей, и если она содержит более одного слова, разрыва не происходит. В то же время в сербохорватском [Schütze 1994] возможны оба варианта: клитики могут следовать как после первого ударного слова, так и после первой составляющей. Расположение после первого слова называется 2W (от англ. *second word*), а после первой составляющей — 2D (от англ. *second* (*constituent*) *daughter*) [Halpern 1998: 110].

В таблицах 1 и 2 представлены количественные данные по позициям частицы *pe* в подкорпусах современных и опубликованных текстов. Репортативные контексты (без вводящей предикации) и квотативные контексты, в которых *pe* расположена внутри зависимой клаузы, рассматриваются отдельно от квотативных контекстов, где *pe* находится внутри матричной клаузы (в таблицах они обозначены как «rep» и «matrix» соответственно).

Таблица 1. Позиция частицы *pe* в предложении:
данные подкорпуса современных текстов

	rep	matrix
Вторая позиция	119 (68,8 %)	18 (21,7 %)
Другое	54 (31,2 %)	67 (80,7 %)
Всего	173	83

Таблица 2. Позиция частицы *pe* в предложении:
данные подкорпуса опубликованных текстов

	rep	matrix
Вторая позиция	26 (76,5 %)	1 (20 %)
Другое	8 (23,5 %)	4 (80 %)
Всего	34	5

Сначала рассмотрим репортативные контексты (без вводящей предикации) и квотативные контексты, где *pe* расположена внутри зависимой клаузы. В подкорпусе современных текстов эта частица занимает вторую позицию почти в 70 % случаев. Данные подкорпуса опубликованных текстов подтверждают эту тенденцию: *pe* находится во второй позиции в 76,5 % случаев.

В 94 случаях частица *pe* присоединяется после первого слова, см. примеры с существительным — однословной именной группой (37), финитным глаголом (38), инфинитивом (39), деепричастием, в том числе в составе сложного глагола (40).

(37) *Vospitat'el'n'ica-les'* ***pe*** *uʔ* *kə̂ld-is'k-o.*
воспитательница-GEN2 QUOT NEG.PRS.3 слушать-DETR-PRS.3PL
‘Не слушаются воспитательницу’ [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

(38) *Kazaldə̂r-i-∅* ***pe****.*
оставлять-PST-1SG QUOT
‘Оставила, мол (пусть, мол, так и остаются)’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_2_kapusta].

(39) *Okt-ânə* ***pe*** *nu-e.*
хоронить-INF QUOT нести-PRS.3SG
‘Хоронить несет (кладбище далеко было, опять…)’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

(40) *Äʒ'ämi lâkt-e no so-os-les' van'-ze=*
человек прийти-PRS.3SG ADD он-PL-GEN2 весь-ACC.POSS.3SG
lâkt-e no kɨjlä-sa ***pe*** *kel't-e.*
прийти-PRS.3SG ADD настроить-CVB QUOT оставить-PRS.3SG
‘Человек приходит и всё… приходит и обратно чинит. (То, что медведь разрушил.)’ [КТУ: SIN-03082023_DB_pcholy].

Опорным словом для частицы *pe* также могут служить отрицательные вспомогательные глаголы (41). Согласно [ГСУЯ 1962: 47; Winkler 2011: 22], в конструкции с коннегативными формами смыслового глагола они являются безударными; ударение падает на первый слог смыслового глагола. Несмотря на это, вспомогательные глаголы способны выступать в роли опорного слова для клитик и даже образовывать самостоятельное высказывание (42). Кроме того, частица *pe* может присоединяться после оптативных вспомогательных глаголов (43).

(41) *Uˀ* ***pe*** *tod-is'kâ ni, kâz'ə mânam val berâkt-is'k-em.*
NEG.PRS/FUT.1SG QUOT знать-PRS уже как я.GEN лошадь вернуть-DETR-PST2
‘Уже не помню, говорит, как моя лошадь развернулась’ [КТУ: ShMA-13082022_TD_nuleskuzo].

(42) *Ȯj* ***pe,*** *bert-âsa pe košk-i-∅.*
NEG.PST.1SG QUOT вернуться-CVB QUOT уйти-PST-1SG
‘Нет, мол, домой ушла’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_1_malina].

(43) *Kazaldâr-i-∅ pe, med* ***pe*** *kazal-o-z in'i ta-jos-âz.*
оставлять-PST-1SG QUOT OPT QUOT остаться-FUT-3SG уж этот-PL-POSS.3SG
‘Оставила, мол, пусть, мол, так и остаются’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_2_kapusta].

В 23 примерах *pe* располагается после первой неоднословной именной или послеложной группы, как в (44).

(44) *Ǯ'üs' s'äin* ***pe*** *vera-s'kâ-sa kuraˀǯ'-o, šü-e no.*
русский по QUOT говорить-DETR-CVB мучиться-PRS.3PL сказать-PRS.3SG ADD
‘По-русски пытаются разговаривать, говорит {учительница}’ [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

Т. А. Архангельский отмечает, что в бесермянском удмуртском клитика *pe* не разрывает именную группу с адъективным модификатором или послеложную группу / группу с реляционным именем [Arkhangelskiy 2023c: 218], т. е. *pe* ведет себя как клитика 2D, а не 2W. Однако в КТУ встретилось два примера, где *pe* находится внутри именной группы (45)—(46), при этом в обоих случаях *pe* присоединяется после словоформы *sâše* ‘такой’[7].

(45) *A всё, sâše* ***pe*** *pravilo pot-i-z.*
такой QUOT правило выйти-PST-3SG
‘А всё, такое, мол, правило вышло’ [КТУ: ATN-29072021_VI_6_jazyk].

(46) *S'erekja-nâ kuč'k-i-z: «Sâše* ***pe*** *dama* ***pe*** *mân-e*
смеяться-INF начать-PST-3SG такой QUOT дама QUOT идти-PRS.3SG
šl'apa-jen i velos'iped-en», — šü-e, s'erem kad'.
шляпа-INS и велосипед-INS сказать-PRS.3SG смешной как
‘Смеяться начала: «Такая дама едет в шляпе и на велосипеде», — говорит, смешная’ [КТУ: ShZT-05082022_AS_dubna].

Как показано в [Spencer, Luís 2012: 52], в некоторых языках типа 2D могут встречаться отдельные исключения. Например, в финском языке клитика *-han*/*-hän* присоединяется после первой составляющей, но в именной группе, содержащей вопросительное слово, она располагается скорее после него [Nevis 1986: 20, 31], см. (47). Таким образом, учитывая, что в подавляющем большинстве примеров с неоднословной именной группой частица *pe* ее не разрывает, ее все еще можно считать клитикой 2D.

[7] Анонимный рецензент указывает, что аналогичные конфигурации с клитикой и адъективом *сыӵе* встречаются и в корпусе литературного удмуртского НКУЯ. Мы благодарим его за это замечание.

(47) ФИНСКИЙ
*Mi-ssä=**hän** maa-ssa / ??mi-ssä ma-ssa-**han** me olemme nyt?*
что-IN=PTCL земля-IN что-IN земля-IN=PTCL мы быть.PRS.1PL сейчас
‘Интересно, в какой стране мы сейчас находимся?’ [ibid.: 20].

Теперь обратимся к случаям употребления частицы *pe* в матричной клаузе в квотативных конструкциях (86 вхождений *pe* в устном подкорпусе и 5 — в опубликованном). В [Arkhangelskiy 2023a: 112] утверждается, что в татышлинском удмуртском *pe* чаще всего встречается на границе между зависимой и матричной клаузами (ср. (48)). Если рассматривать все вхождения *pe*, то это утверждение неверно: *pe* находится в этой позиции в 53 случаях из 257. (В опубликованном подкорпусе — 2 из 39.) Таким образом, наблюдение Т. А. Архангельского, по-видимому, справедливо только для контекстов, где *pe* располагается в матричной клаузе, следующей после зависимой.

Можно предположить, что в таких случаях позиция *pe* также является второй, если рассматривать предшествующую зависимую клаузу как что-то неделимое, однако см. обсуждение в разделе 4.2.

(48) *«Mə̑nam tod-em-e van'», — **pe** šü-e kijon.*
я.GEN знать-PTCP.PST-POSS.1SG имеется QUOT сказать-PRS.3SG волк
‘«У меня есть знания», — говорит волк’ [КТУ: MIK-04082022_MW_volk-i-lisa].

Если матричный глагол находится до зависимой клаузы, в большинстве случаев *pe* располагается во второй позиции, как в (49). Обобщения представлены в таблицах 3 и 4.

(49) *I bazar-ə̑n **pe** kes'ä-s'kə̑-sa vetl-o*
и базар-LOC QUOT кричать-DETR-CVB ходить-PRS.3PL
‘И на базаре ходят кричат: («Кто зерно на пепел поменяет, кто зерно на пепел поменяет»)’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

Таблица 3. Позиция частицы *pe* в предложении в матричной клаузе: данные современного подкорпуса

	(rep) matrix	matrix (rep)
Вторая позиция	3 (5,35 %)	15 (55,6 %)
После rep	52 (92,85 %)	—
Другое	1 (1,8 %)	12 (44,4 %)
Всего	56	27

Таблица 4. Позиция частицы *pe* в предложении в матричной клаузе: данные опубликованного подкорпуса

	(rep) matrix	matrix (rep)
Вторая позиция	0	1 (33,3%)
После rep	2 (100 %)	—
Другое	0	2 (66,7 %)
Всего	2	3

Рассмотрим также примеры с двойным употреблением частицы *pe* (всего 12 случаев). Во всех примерах первое вхождение *pe* находится во второй позиции. В 10 примерах второе вхождение *pe* находится после второй составляющей (50)—(51), при этом в клаузе могут быть доступны и другие позиции. Например, в (51) частица *pe* могла бы занять позицию после деепричастия.

(50) *Otə̑n **pe** jegit nə̑l **pe** puk-e.*
там QUOT молодой девушка QUOT сидеть-PRS.3SG
‘Там, мол, сидит молодая девушка’ [КТУ: SIM_05072019_EK_rusalka].

(51) *Pes'aj **pe** tuž **pe** šumpotə̑-sa vera-Ø-z.*
бабушка QUOT очень QUOT радоваться-CVB говорить-PST-3SG
‘(После того как мама пришла с работы,) бабушка с такой радостью рассказала’ [КТУ: ATN-29072021_VI_1_bio].

Лишь в двух примерах из этой группы второе вхождение частицы *pe* располагается в других позициях. В (52) это позиция после четвертой составляющей (доступны также позиции после местоимений *mon* ‘я’ и *tânâd* ‘тебе’), в (53) — после третьей составляющей (доступна также позиция после слова *baʔǯ'ə̂mez*). Интересно, что в обоих случаях второе вхождение *pe* наблюдается в предглагольной позиции. (Вторая и приглагольная позиции типологически являются самыми частотными для клитик уровня предложения, см., например, [Halpern 1998: 109].)

(52) *«Jegenč'i* ***pe*** *mon tânâd baʔǯ'ə̂m-ze* ***pe*** *bas't-o-Ø»*, — *šu̇-e*.
в_следующий_раз QUOT я ты.DAT большой-ACC.POSS.3SG QUOT брать-FUT-1SG говорить-PRS.3SG
‘«В следующий раз я тебе большую куплю», — говорит’ [КТУ: RVV-10072024_IKh_foto-podarok].

(53) *So ber-e vera-Ø-zə̂, mil'am* ***pe*** *baʔǯ'ə̂m-ez*
он за-ILL сказать-PST-3PL мы.GEN QUOT большой-ACC
«zȯk» ***pe*** *šu̇-o šu̇-sa vera-Ø-zə̂*.
QUOT сказать-PRS.3PL сказать-CVB сказать-PST-3PL
‘Потом сказали, что у нас-де слово «большой» говорят «zȯk»’ [КТУ: GRG-072019_VI_besermanjos].

4.2. Частица *pe* в приглагольной позиции

В наших данных прослеживается тенденция, согласно которой *pe* часто находится в приглагольной позиции.

В репортативных контекстах и в квотативных контекстах, где *pe* расположена внутри зависимой клаузы, *pe* употреблена до предиката в 24 контекстах (54), после — в 8 (55). В 10 примерах, как в (56), позиция *pe* не была связана с глаголом.

(54) *Odig-en pi oʔ-na-z odig s'iz'ə̂m voz* ***pe*** *das'a-m.*
один-INS мальчик один-COLL-POSS.3SG один семь воз QUOT готовить-PST2
‘Одинокий парень в одиночку заготовил примерно семь возов’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

(55) *Kȯžə̈, kȯžə̈ bič'a-lo* ***pe***.
горох горох собрать-PRS.3SG QUOT
‘(Пошли в поле, там выращивали горох, кажется, так было,) горох, горох собирают’ [КТУ: ShAA-13082022_VO_belaja-zhenshchina].

(56) *«Tän'i, — šu̇-e, — u̇č'k-Ø=ej, mon tânâd* ***pe*** *šâd-on mašina bas't-i-Ø».*
вот говорить-PRS.3SG смотреть-IMP=PTCL я ты.DAT QUOT играть-VN машина взять-PST-1SG
‘«Вот, — говорит, — смотри, я тебе игрушечную машину купил»’ [КТУ: RVV-10072024_IKh_foto-podarok].

Для квотативных контекстов, в которых частица *pe* расположена в матричной клаузе, следует отдельно рассмотреть два случая — когда зависимая клауза предшествует матричной и когда она следует после нее. Во всех примерах, где *pe* употребляется после зависимой клаузы, она занимает позицию перед глаголом (см. (46) из раздела 4.1). Когда матричная клауза предшествует зависимой, *pe*, помимо второй позиции, может располагаться как до глагола (57), так и после него, вне зависимости от позиции глагола (ср. (55) и (58)); в (55) глагол находится на последнем месте, а в (58) после глагола следует непрямое дополнение.

(57) *A so vakât-e ik uzi̯r baj mužik bazar-is'* ***pe*** *bert-e.*
а тот время-ILL же богатый богатый мужик базар-EL QUOT вернуться-PRS.3SG
‘А в это же время богатый мужик с базара возвращается’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

(58) *Odig pol s'uranaj šu̇-e* ***pe*** *pes'ataj-ez-lə̂.*
один раз мачеха говорить-PRS.3SG QUOT дедушка-POSS.3SG-DAT
‘Однажды мачеха говорит старику: («Иди, вези дочку»)’ [КТУ: ShIA_082023_NK_bear-girl1].

Обобщение данных, представленное в таблице 5, позволяет выявить следующее: по позициям частицы *pe* группа репортативных и квотативных контекстов с *pe* в зависимой клаузе («rep») сближается с группой квотативных контекстов с *pe* в матричной клаузе, которая предшествует зависимой («matrix (rep)»). Группа контекстов «(rep) matrix» существенно отличается: здесь доминирует приглагольная позиция, а не вторая.

Таблица 5. Позиция частицы *pe* в предложении:
данные современного подкорпуса

	rep	(rep) matrix	matrix (rep)
Вторая позиция	119 (68,8 %)	3 (5,4 %)	15 (55,6 %)
До глагола	32 (18,5 %)	53 (94,6 %)	6 (22,2 %)
После глагола	9 (5,2 %)	0	5 (18,5 %)
Другое	13 (7,5 %)	0	1 (3,7 %)
Всего	173	56	27

В подкорпусе опубликованных текстов в репортативных и квотативных контекстах с *pe* в зависимой клаузе частица шесть раз была употреблена в позиции перед глаголом, дважды — в другой позиции (без учета примеров со второй позицией *pe*). В квотативных контекстах с *pe* в матричной клаузе в двух примерах частица была употреблена после зависимой клаузы перед глаголом; один раз во второй позиции и дважды в предглагольной, когда матричная клауза располагалась до зависимой (см. таблицу 6).

Таблица 6. Позиция частицы *pe* в предложении:
данные опубликованного подкорпуса

	rep	**(rep) matrix**	**matrix (rep)**
Вторая позиция	26 (76,5 %)	0	1 (33,3%)
До глагола	6 (17,6 %)	2 (100 %)	2 (66,7 %)
Другое	2 (5,9 %)	0	0
Всего	34	2	3

Примечательно, что в случаях, когда *pe* находится в предглагольной позиции, она может просодически примыкать к последующему глаголу, а не к предшествующему слову, что ранее в работах по удмуртскому не отмечалось. Например, в (59) после слова *aldar* фиксируется пауза; *pe* примыкает к слову *mân-e* ‘идет’ (см. рис. 1, где пауза обозначена угловыми скобками с указанием длительности в секундах; «hes» маркирует заполненную паузу хезитации).

(59) *Kâtân aldar… **pe** mân-e uram-eti.*
где Алдар QUOT идти-PRS.3SG улица-PROL
‘(И она рассказывала такую сказку,) где Алдар идет по улице, (а люди сруб делают)’ [КТУ: SIM_05072019_EK_Aldar].

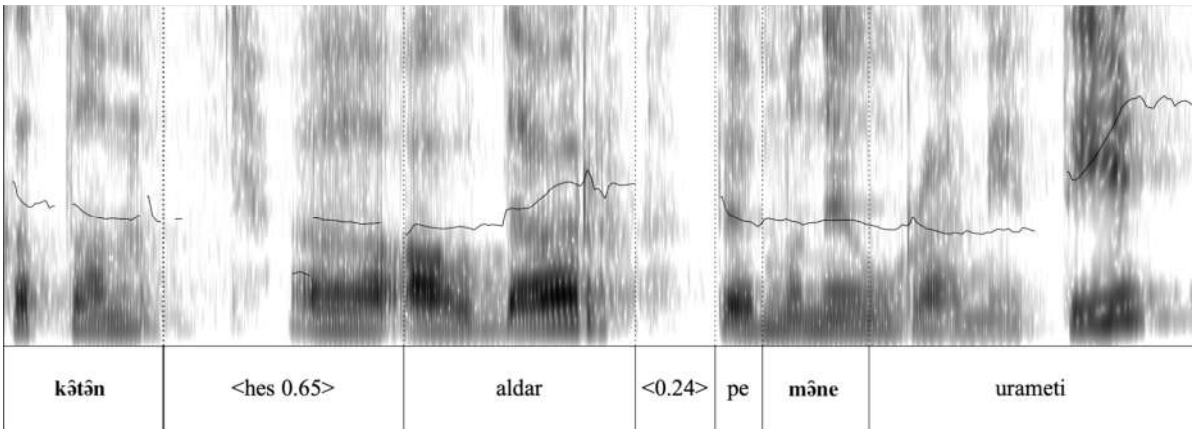


Рис. 1. Интонационный контур примера (59)

Аналогичные примеры представлены ниже. В (60) между зависимой клаузой и *pe* также фиксируется пауза; других межсловных пауз в высказывании нет (см. рис. 2).

(60) *«Gondâr-ez va-il'l'a-m i ektâ-t-o», — **pe** šu-e.*
медведь-ACC принести-2/3PL-PST2 и танцевать-CAUS-PRS.3PL QUOT сказать-PRS.3SG
‘«Привели медведя и заставляют танцевать», — говорит’ [КТУ: SIM_05072019_EK_Aldar].

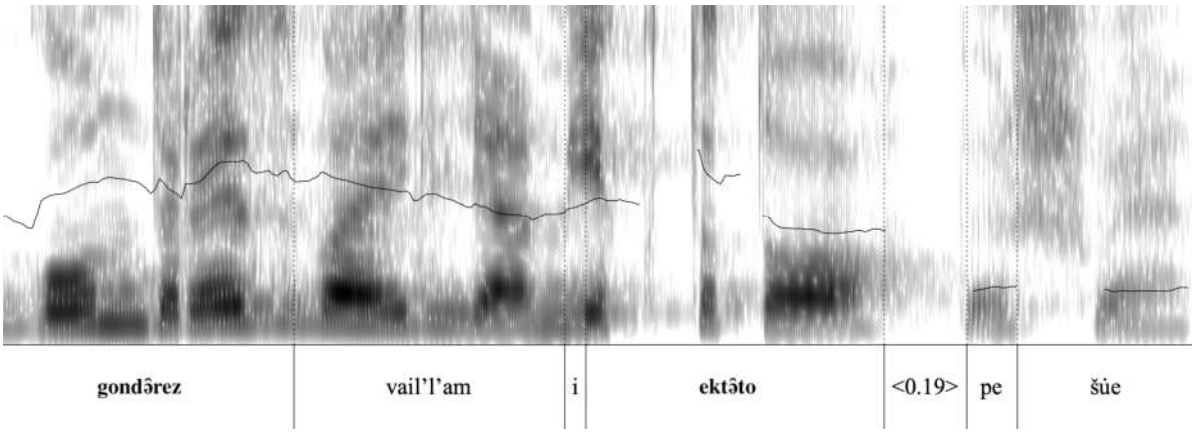


Рис. 2. Интонационный контур примера (60)

В (61) зависимая клауза отделена от матричной смехом, а далее — паузой (см. рис. 3). После такого большого «отрыва» очевидно, что опорным словом выступает следующий за частицей конверб, а не зависимая клауза.

(61) *«Ma-lâ kubâsta-jez taz'ə̂-a mertt-o so-je?», —*
что-DAT капуста-ACC так-Q высаживать-PRS.3PL тот-ACC
pe *šü-sa* ***pe*** *ǯ'ua-Ø-z.*
QUOT говорить-CVB QUOT спросить-PST-3SG
‘«Капусту так что ли сажают?» — дескать, спросила’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_2_kapusta].

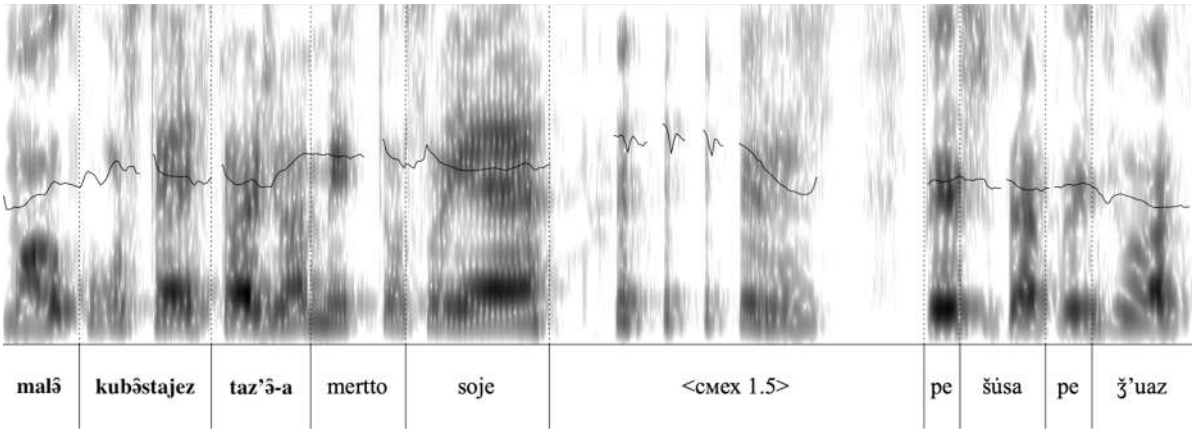


Рис. 3. Интонационный контур примера (61)

Случаи, когда клитика может примыкать и к предыдущему, и к последующему слову, отмечались в литературе (см., например, [Циммерлинг 2013: 54—56]). Так, в чешском языке личные клитики могут просодически присоединяться к следующему слову, если предшествующая именная группа является длинной и образует самостоятельную просодическую единицу [Toman 1996].

Отметим, что, согласно [Haspelmath 2023: 15], проклитиками считаются только единицы, способные занимать абсолютное начало клаузы. В КТУ не зафиксировано ни одного примера, в котором частица *pe* располагалась бы в абсолютном начале высказывания. Наиболее подходящие случаи представлены в (62) и (63), однако даже они содержат фонологический материал слева от *pe*.

(62) *I...* ***pe*** *šü-e: «Mar ti tatə̂n uža-sa kâl'l'-is'ko-dâ?»*
и… QUOT сказать-PRS.3SG что вы здесь работать-CVB лежать-PRS-2PL
‘И говорит: «Что вы тут работаете (букв.: работая находитесь)?»’ [КТУ: SIM_05072019_EK_Aldar].

(63) *«O, —* ***pe*** *šü-o s'iz'ə̂m-en pi-jos, — mi no vožmas'k-is'ko-m».*
о QUOT сказать-PRS.3PL семь-INS мальчик-PL мы ADD завидовать-PRS-1PL
‘«О, — говорят семеро парней, — мы тоже завидуем (нас тоже научишь?)»’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

4.3. Клитические кластеры с частицей *pe*

Частица *pe* сочетается с другими частицами, образуя клитический кластер. Согласно [Arkhangelskiy 2023a: 112], во всех диалектах удмуртского *pe* практически всегда присоединяется справа от остальных клитик, что типологически предсказуемо: «Когда кластеры включают как клитики уровня составляющей, так и клитики второй позиции, то ожидается, что первые будут предшествовать последним» [Luraghi 2013: 170].

Из клитик уровня составляющей, которые сочетаются с частицей *pe*, в устном подкорпусе КТУ встретились рестриктивная частица *gäne* ‘только’ (64) и аддитивная частица *no* (65); во всех случаях *pe* занимает позицию справа от этих клитик.

(64) *Vü= vu tulkâm* ***gäne*** ***pe*** *kâl'-i-z na tanâp= marâm-e.*
вода вода волна только QUOT остаться-PST-3SG еще Танып HES-ILL
‘Только волны остались на этой самой... Таныпа’ [КТУ: AZA-09072024_TD_rusalki].

(65) *Mil'am s'erem* ***no*** ***pe*** *ug potâ ni.*
мы.GEN смешной ADD QUOT NEG.PRS.3 выйти уже
‘(В коридор вышли мы,) нам и смеяться не хочется’ [КТУ: SIN-12082022_NK_sorvala-urok].

Кроме того, частица *pe* присоединяется после частицы *no* в сочинительных конструкциях:

(66) *Mon-e aʾǯ'-em ber-a-z tanâp-e v= vas'k-i-z* ***no*** ***pe*** *košk-i-z.*
я-ACC видеть-PTCP.PST зад-LOC/ILL-POSS.3SG Танып-ILL спуститься-PST-3SG ADD QUOT уйти-PST-3SG
‘После того как она меня увидела, она спустилась к Таныпу и уплыла’ КТУ: AZA-09072024_TD_rusalki].

В подкорпусе опубликованных текстов, помимо упомянутых частиц, встретилась частица (*j*)*ik* со значением эмфатического утверждения идентичности (в терминах [König 1991]), которая также располагалась до *pe*:

(67) *Berlo-s'-se pi-ze oktâ-kâ-zâ no oz'* ***ik***, ***pe***, *tel'mâr-i-z uk.*
потом-EL-ACC.POSS.3SG сын-ACC.POSS.3SG убрать-CVB.SIM-POSS.3PL ADD так же QUOT молить-PST-3SG ведь
‘На похоронах предыдущего сына так и, говорит, молила ведь: («Пожил бы хоть до шестнадцати лет, увидеть бы {мне} хоть твою свадьбу»)’ [Кельмаков 1978: 111].

(68) *Äǯ'ämi vâl-e üč'k-em no, zem-ze* ***jik***, ***pe***, *n'âlpü-ən šajtan puskar-ez van'.*
человек верх-ILL смотреть-PST2 ADD правда-ACC.POSS.3SG же QUOT пихта-LOC бес гнездо-POSS.3SG имеется
‘Человек посмотрел вверх, и вправду на пихте есть «шайтаново гнездо»’ [там же: 105].

В корпусе зафиксировано три случая, где *pe* занимает позицию левее других частиц: с частицей *es'* ‘ведь’ (69) — «энимитивной» (в терминах [Panov 2020]) — и частицей *in'i* ‘уже’ (70)—(71).

Пример (69) также приводится в [Arkhangelskiy 2023a]; такой порядок частиц объясняется тем, что *es'* маркирует в этом случае пропозицию ‘говорят, в Москве учимся’, т. е. описывает точку зрения текущего (внешнего) говорящего, передающего чужую речь, а не авторов передаваемой речи (внутренних говорящих) [ibid.: 112—113]:

(69) *Moskva-jân dâšet-s'k-is'ko-m* ***pe*** ***jes'*** *tin'i.*
Москва-LOC учить-DETR-PRS-1PL QUOT ENIM здесь
‘Говорят же вот, в Москве учимся’ [КТУ: ShKI_GRG_03072019_VI_MW_dialog].

Примеры (70)—(71) с частицей *in'i* интересны тем, что, согласно [Arkhangelskiy 2023a: 111], в бесермянском удмуртском *n'i* ‘уже’ демонстрирует другое поведение, занимая позицию перед частицей *pe*. (В корпусе удмуртской прессы и блогов, по [Зубова 2019: 74], зафиксированы формы *ни*, *ини*, *инь*, в бесермянском корпусе — только форма *ни*. В татышлинском удмуртском встречаются все три варианта.)

(70) *И вот, bert-o* ***pe*** ***in'i*** *ta-os gurt-eti.*
вернуться-PRS.3PL QUOT уже этот-PL деревня-PROL
‘И вот возвращаются они {домой} по деревне’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

(71) *Pi bȯrd-emn'äs'k-e* ***pe*** ***in'i****: «oj, mân-es't-âm luška-l'l'a-m».*
мальчик плакать-FICT-PRS.3SG QUOT уже ой я-GEN2-POSS.1 украсть-2/3PL-PST2
‘Парень прослезился: «Ой, у меня украли»’ [КТУ: MIK_040822_MW_7-bratjev_skazka].

Корпусные данные показывают, что частица *in'i* чаще всего употребляется после предиката (см. примеры (10) в разделе 2, (19) в разделе 3.1, (43) в разделе 4.1), но также встречается и во второй позиции (см., например, (72) = (6)). Этим и можно объяснить возможность ее расположения после частицы *ре*. Т. А. Архангельский отмечает, что в коми языке когнатная частица *ӧin* может следовать за частицей *ӧe*, поскольку *ӧin* также способна занимать вторую позицию в клаузе [Arkhangelskiy 2023a: 113].

(72) *Ta ber-e* ***in'i*** *ǯ'ič'ə̑ az'-a-z pot-em no les't-e pe teč'an.*
этот за-ILL уже лиса перед-LOC/ILL-POSS.3SG выйти-PST2 ADD делать-PRS.3SG QUOT забор
‘Сейчас уже лиса навстречу вышла и делает плетень’ [КТУ: MIK-04082022_MW_volk-i-lisa].

5. Заключение

Таким образом, в татышлинском говоре частица *ре* демонстрирует существенные отличия от стандартного удмуртского и бесермянского идиомов. В отличие от них, в татышлинском отсутствует отдельная частица для передачи собственной речи (*self-reported speech*). Одна универсальная частица *ре* покрывает эти функции, а также другие контексты репортативной эвиденциальности, свойственные аналогичным частицам в других идиомах: передачу чужой речи «из вторых» и «из третьих рук», слухов и фольклора. При этом во всех контекстах употребление частицы *ре* не является обязательным и может быть заменено конструкциями с глаголами речи. В бесермянском и стандартном удмуртском у частицы *ре* зафиксированы прагматические и модальные функции, которые в нашем материале не встретились: дубитативная (выражение сомнения или несогласия с цитируемой информацией), функция наименования (присвоение контекстного обозначения) и функция хеджирования (выражение вежливости). Не исключено, однако, что отсутствие этих контекстов объясняется жанровой несбалансированностью КТУ.

Как и в прочих удмуртских идиомах, основной для частицы *ре* является вторая позиция в клаузе, хотя возможны и другие варианты ее расположения. В большинстве случаев она не разрывает первую именную/послеложную группу, а в клитических кластерах располагается в конце. Вторая по частотности позиция для *ре* — приглагольная. Нами также было обнаружено, что в предглагольной позиции *ре* может просодически примыкать к следующему слову, что не отмечалось предшественниками. Кроме того, частица *ре* может встречаться в клаузе больше одного раза. В таком случае она чаще всего занимает вторую позицию и следующую доступную позицию («X1 *ре* X2 *ре* (X3 X4…)»).

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
ACC — аккузатив
ADD — аддитивная частица
ADV — адвербиалис
APPR — аппроксиматив
ATTR — атрибутивизатор
CAR — каритив
CAUS — каузатив
COLL — собирательное числительное
COMP — компаратив
CVB — деепричастие
CVB.SIM — деепричастие одновременности
DAT — датив
DEB — дебитив
DETR — детранзитив
EL — элатив
ENIM — энимитивная частица
FICT — фиктивность
FUT — будущее время
GEN — генитив
GEN2 — второй генитив
HES — маркер хезитации
ILL — иллатив
IMP — императив
IN — инессив
INDEF — неопределенное местоимение
INF — инфинитив
INS — инструменталис
ITER — итератив
LOC — локатив
NEG — отрицание
OPT — оптатив
PL — множественное число
POSS — посессив
PROL — пролатив
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
PST2 — второе прошедшее время
PTCL — частица
PTCP — причастие
Q — вопросительная частица
QUOT — частица передачи речи
QUOT.SELF — частица передачи своей речи
REFL — рефлексив
RES — результатив
SG — единственное число
TERM — терминатив
VN — отглагольное имя

Литература

Арутюнова 2000 — *Н. Д. Арутюнова*. Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол* // Н. Д. Арутюнова (ред.). Язык о языке: Сборник статей. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437—449.

Гильмаев 1981 — *А. В. Гильмаев*. Татышлинский диалект I // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск: Удм. НИИ, 1981. С. 97—102.

Гильмаев 1982 — *А. В. Гильмаев*. Татышлинский диалект II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1982. С. 167—170.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / *П. И. Перевощиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев* (ред.). Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.

Гусев 2007 — *В. Ю. Гусев*. Эвиденциальность в нганасанском языке // *В. С. Храковский* (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 415—444.

Зубова 2019 — *Ю. Н. Зубова*. Вариации в использовании модальных частиц в литературном удмуртском языке и в бесермянском диалекте // Урало-алтайские исследования. 2019, 4 (35). С. 71—90.

Карпова 2013 — *Л. Л. Карпова*. Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2013.

Кельмаков 1978 — *В. К. Кельмаков*. Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект // *P. Alvre, A. Künnap, P. Palmeos* (ред.). Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению. Тарту: Тартуский государственный университет, 1978. С. 101—122.

Кельмаков 1998 — *В. К. Кельмаков*. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Ижевск: Удмуртия, 1998.

Князев 2017 — *М. Ю. Князев*. Конструкции передачи чужой речи в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017, 13 (1). С. 71—109.

Копотев 2014 — *М. В. Копотев*. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta Linguistica Petropolitana. 2014, 2. С. 712—740.

Лобина 2023 — *Ю. А. Лобина.* Прагматика новых маркеров ренарратива: результаты и перспективы исследований // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2023, 17 (2). С. 41—49

Лыткин 1962 — *В. И. Лыткин*. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Лыткин, Гуляев 1970 — *В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев*. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

Майсак 2020 — *Т. А. Майсак.* Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2020, 3 (1). С. 77—94.

Николина 2014 — *Н. А. Николина*. Функционирование частиц мол, де, дескать в современной речи // Русский язык в школе. 2014, 12. С. 64—69.

Плунгян 2003 — *В. А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Плунгян 2008 — *В. А. Плунгян*. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: ‘мол’, ‘якобы’ и другие // *B. Wiemer, B. A. Плунгян* (ред.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. München; Wien: Otto Sagner, 2008. С. 285—311.

Подлесская 2018 — *В. И. Подлесская.* Чужая речь в свете корпусных данных // Вопросы языкознания. 2018, 4. С. 47—73.

Подлесская, Егорова 2017 — *В. И. Подлесская, М. А. Егорова.* От полнозначного имени — к частице: аппроксиматор типа в зеркале корпуса с просодической разметкой // *Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман* (ред.). Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции. М.: Буки Веди: ИППиП, 2017. С. 283—288.

Репина 2007 — *Т. Ю. Репина*. Императив и его морфолого-прагматические особенности функционирования в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2007, 5 (1). С. 63—68.

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / *В. А. Сорвачева* (ред.). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961.

Урманчиева 2021 — *А. Ю. Урманчиева*. Квотативные и цитативные формы в северных селькупских говорах: от исконных к заимствованным // Acta Linguistica Petropolitana. 2021, 17 (2). С. 229—276.

УРС 2008 — Удмурт-ӟуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета.

Циммерлинг 2013 — *А. В. Циммерлинг.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013.

Aikhenvald 2004 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aikhenvald 2020 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality and information source // *C. Lee, J. Park* (eds.). Evidentials and modals. Leiden: Brill, 2020. P. 19—40.

Arkhangelskiy 2023a — *T. Arkhangelskiy*. Dialectal variation of Udmurt discourse clitics // Linguistica Uralica. 2023, 59 (2). P. 100—129.

Arkhangelskiy 2023b — *T. Arkhangelskiy*. Etymology of the Udmurt enimitive uk and grammaticalization of discourse particles // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2023, 99. P. 9—38.

Arkhangelskiy 2023c. — *T. Arkhangelskiy*. Reported speech and its extensions in Beserman // Journal of Uralic Linguistics. 2023, 2 (2). P. 213—240.

Baidoullina 2003 — *A. Baidoullina*. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu, 2003.

Bartens 2000 — *R. Bartens*. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys [Structure and development of Permic languages]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000.

Bary, Maier 2021 — *C. Bary*, *E. Maier*. The landscape of speech reporting // Semantics and pragmatics. 2021, 14. P. 1—54.

Cruschina, Remberger 2008 — *S. Cruschina*, *E. M. Remberger*. Hearsay and reported speech: Evidentiality in Romance // RGG. Rivista di grammatica generativa. 2008, 33. P. 95—116.

Evans 2012 — *N. Evans*. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach // *D. Brown, M. Chumakina, G. G. Corbett* (eds.). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 66—98.

Fried 1994 — *M. Fried*. Second-position clitics in Czech: Syntactic or phonological? // Lingua. 1994, 94. P. 155—175.

Halpern 1998 — *A. Halpern*. Clitics // *A. Spencer, A. M. Zwicky* (eds.). The Handbook of morphology. Oxford: Blackwell, 1998. P. 101—122.

Haspelmath 2023 — *M. Haspelmath*. Types of Clitics in the World's Languages // Linguistic Typology at the Crossroads. 2023, 3 (2). P. 1—59.

Kaiser 2022 — *E. Kaiser*. On the communicative functions of the reportative evidential *kuulemma* and the dubitative marker *muka* // Journal of Uralic Linguistics. 2022, 1 (1). P. 67—120.

Kittilä 2020 — *S. Kittilä*. Folklore as an evidential category // Folia Linguistica. 2020, 54 (3). P. 697—721.

König 1991 — *E. König*. The meaning of focus particles. A comparative perspective. London; New York: Routledge, 1991.

Kubitsch 2022 — *R. Kubitsch*. The semantic profile of the past evidential in Udmurt in contemporary texts // *L. Baranzini, L. de Saussure* (eds.). Aspects of tenses, modality, and evidentiality. Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 262—287.

Luraghi 2013 — *S. Luraghi*. Clitics // *S. Luraghi, C. Parodi* (eds.). The Bloomsbury Companion to Syntax. London, New York: Bloomsbury, 2013. P. 165—193.

Nevis 1986 — *J. A. Nevis*. Finnish Particle Clitics and General Clitic Theory. PhD thesis. The Ohio State University, 1986.

Nevis 1990 — *J. A. Nevis*. Sentential clitics in Finno-Ugric // Folia Linguistica. 1990, 24 (3—4). P. 349—371.

Panov 2020 — *V. Panov*. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive // Acta Linguistica Hafniensia. 2020, 52 (1). P. 1—44.

Schütze 1994 — *C. Schütze*. Serbo-Croatian Second Position Clitic Placement and the Phonology-Syntax Interface // *A. Carnie, H. Harley, T. Bures* (eds.). MIT Working Papers in Linguistics 21, Papers on phonology and morphology. 1994. P. 373—473.

Spencer, Luís 2012 — *A. Spencer*, *A. R. Luís*. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Spronck, Nikitina 2019 — *S. Spronck*, *T. Nikitina*. Reported speech forms a dedicated syntactic domain // Linguistic typology. 2019, 23 (1). P. 119—159.

Teptyuk 2019 — *D. Teptyuk*. Quotative indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian). Tartu: University of Tartu Press, 2019.

Teptyuk 2021 — *D. Teptyuk*. Self-quotative markers in Permic and Hungarian // Linguistica Uralica. 2021, 57 (3). P. 213—232.

Toman 1996 — *J. Toman*. A note on clitics and prosody // *A. Halpern, A. M. Zwicky* (eds.). Approaching second: Second position clitics and related phenomena. Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 505—510.

Travis 2006 — *C. Travis*. Dizque: a Colombian evidentiality strategy // Linguistics. 2006, 44 (6). P. 1269—1297.

Wackernagel 1892 — *J. Wackernagel*. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892, 1. P. 333—436.

Willett 1988 — *T. Willett*. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in Language. 1988, 12 (1). P. 51—97.

Winkler 2011 — *E. Winkler*. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

Zwicky 1983 — *A. M. Zwicky*. Cliticization vs. Inflection: English N'T // Language. 1983, 59 (3). P. 502—513.

References

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aikhenvald 2020 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality and information source. In: C. Lee, J. Park (eds.). Evidentials and modals. Leiden: Brill, 2020. P. 19—40.

Arkhangelskiy 2023a — T. Arkhangelskiy. Dialectal variation of Udmurt discourse clitics. In: Linguistica Uralica. 2023, 59 (2). P. 100—129.

Arkhangelskiy 2023b — T. Arkhangelskiy. Etymology of the Udmurt enimitive uk and grammaticalization of discourse particles. In: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja.2023, 99. P. 9—38.

Arkhangelskiy 2023c — T. Arkhangelskiy. Reported speech and its extensions in Beserman. In: Journal of Uralic Linguistics. 2023, 2 (2). P. 213—240.

Arutyunova 2000 — N. D. Arutyunova. Pokazateli chuzhoy rechi *de*, *deskat'*, *mol*. In: N. D. Arutyunova (red.). Yazyk o yazyke: sbornik statey. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 2000. S. 437—449. {N. D. Arutyunova. reported speech markers *de*, *deskat'*, *mol*. In: N. D. Arutyunova (ed.). Yazyk o yazyke: collection of articles. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 437—449.}

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Magisterskaya dissertatsya. Tarty, 2003. {A. Baidoullina. Tatyshly dialect of the Udmurt language: phonetics and morphology. MA thesis. Tarty, 2003.}

Bartens 2000 — R. Bartens. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys [Structure and development of Permic languages]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000.

Bary, Maier 2021 — C. Bary, E. Maier. The landscape of speech reporting. In: Semantics and pragmatics. 2021, 14. P. 1—54.

Cruschina, Remberger 2008 — S. Cruschina, E. M. Remberger. Hearsay and reported speech: Evidentiality in Romance. In: RGG. Rivista di grammatica generativa. 2008, 33. P. 95—116.

Evans 2012 — N. Evans. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach. In: D. Brown, M. Chumakina, G. G. Corbett (eds.). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 66—98.

Fried 1994 — M. Fried. Second-position clitics in Czech: Syntactic or phonological? In: Lingua. 1994, 94. P. 155—175.

Gilmayev 1981 — A. V. Gilmayev. Tatyshlinskiy dialekt I. In: Materialy po udmurtskoy dialektologii: Obraztsy rechi. Izhevsk: Udm. NII, 1981. S. 97—102. {A. V. Gilmayev. Tatyshly dialect I. In: Materials on Udmurt dialectology: speech samples. Izhevsk: Udm. NII, 1981. P. 97—102.}

Gilmayev 1982 — A. V. Gilmayev. Tatyshlinskiy dialekt II. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk: NII pri Sov. Min. Udm. ASSR, 1982. S. 167—170. {A. V. Gilmayev. Tatyshly dialect II. In: Udmurt speech samples. Izhevsk: NII pri Sov. Min. Udm. ASSR, 1982. P. 167—170.}

GSUYa 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. In: P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (red.). Izhevsk: Izhevskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1962. {P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (eds.). Grammar of the Modern Udmurt language. Izhevsk: Izhevskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1962.}

Gusev 2007 — V. Yu. Gusev. Evidentsialnost v nganasanskom yazyke. In: V. S. Khrakovskiy (red.). Evidentsialnost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreyevny Kozintsevoy. Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. S. 415—444. {V. Yu. Gusev. Evidentiality in Nganasan. In: V. S. Khrakovskiy (ed.). Evidentiality in languages of Europe and Asia. Collection of articles in memory of Natalia Andreyevna Kozintseva. Saint Petersburg: Nauka, 2007. P. 415—444.}

Halpern 1998 — A. Halpern. Clitics. In: A. Spencer, A. M. Zwicky (eds.). The Handbook of morphology. Oxford: Blackwell, 1998. P. 101—122.

Haspelmath 2023 — M. Haspelmath. Types of Clitics in the World's Languages. In: Linguistic Typology at the Crossroads. 2023, 3 (2). P. 1—59.

Kaiser 2022 — E. Kaiser. On the communicative functions of the reportative evidential kuulemma and the dubitative marker muka. In: Journal of Uralic Linguistics. 2022, 1 (1). P. 67—120.

Karpova 2013 — L. L. Karpova. Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka. Srednechepetskiy dialekt. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2013. {L. L. Karpova. Vocabulary of the Northern dialect of the Udmurt language. Srednechepetsky dialect. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2013.}

Kelmakov 1978 — V. K. Kelmakov. Obraztsy udmurtskoy rechi I: Tatyshlinskiy dialekt. In: P. Alvre, A. Künnap, P. Palmeos (red.). Fenno-Ugristica. Trudy po finno-ugrovedeniyu. Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, 1978. S. 101—122. {V. K. Kelmakov. Udmurt speech samples I: Tatyshlinskiy dialect. In: P. Alvre, A. Künnap, P. Palmeos (eds.). Fenno-Ugristica. Finno-Ugric studies. Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, 1978. P. 101—122.}

Kelmakov 1998 — V. K. Kelmakov. Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedeniye. Fonetika. Morfologiya. Dialektnyye teksty. Izhevsk: Udmurtiya, 1998. {V. K. Kelmakov. Short course of the Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Izhevsk: Udmurtiya, 1998.}

Kittilä 2020 — S. Kittilä. Folklore as an evidential category. In: Folia Linguistica. 2020, 54 (3). P. 697—721.

Knyazev 2017 — M. Yu. Knyazev. Konstruktsii peredachi chuzhoy rechi v bashkirskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017, 13 (1). S. 71—109. {M. Yu. Knyazev. Constructions of reported speech in Bashkir. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017, 13 (1). P. 71—109.}

Kopotev 2014 — M. V. Kopotev. Evolyutsiya russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? In: Acta Linguistica Petropolitana. 2014, 2. S. 712—740. {M. V. Kopotev. Evolution of Russian renarrative markers: syntax or lexicon? In: Acta Linguistica Petropolitana. 2014, 2. P. 712—740.}

König 1991 — E. König. The meaning of focus particles. A comparative perspective. London; New York: Routledge, 1991.

Kubitsch 2022 — R. Kubitsch. The semantic profile of the past evidential in Udmurt in contemporary texts. In: L. Baranzini, L. de Saussure (eds.). Aspects of tenses, modality, and evidentiality. Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 262—287.

Lobina 2023 — Yu. A. Lobina. Pragmatika novykh markerov renarrativa: rezultaty i perspektivy issledovaniy. In: Aktualnyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. 2023, 17 (2). S. 41—49. {Yu. A. Lobina. Pragmatics of new renarrative markers: results and perspectives of studies. In: Current problems of philology and methodology of teaching foreign languages. 2023, 17 (2). P. 41—49.}

Luraghi 2013 — S. Luraghi. Clitics. In: S. Luraghi, C. Parodi (eds.). The Bloomsbury Companion to Syntax. London, New York: Bloomsbury, 2013. P. 165—193.

Lytkin 1962 — V. I. Lytkin. Komi-yazvinskiy dialekt. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. {V. I. Lytkin. Komi-Yazva dialect. Moscow: Izdatel'stvo Academy of Sciences USSR, 1962.}

Lytkin, Gulyayev 1970 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyayev. Kratkiy etimologicheskiy slovar komi yazyka. Moskva: Nauka, 1970. {V. I. Lytkin, E. S. Gulyayev. Short etymological dictionary of the Komi language. Moscow: Nauka, 1970.}

Maisak 2020 — T. A. Maysak. Vybor klitiki v zavisimosti ot vido-vremennoy formy predikata: dannyye andiyskogo yazyka. In: Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. 2020, 3 (1). S. 77—94. {T. A. Maysak. Choice of a clitic depending on a tense-aspect predicate form: Andi data. In: Typology of morphosyntactic parameters. 2020, 3 (1). P. 77—94.}

Nevis 1986 — J. A. Nevis. Finnish Particle Clitics and General Clitic Theory. PhD thesis. The Ohio State University, 1986.

Nevis 1990 — J. A. Nevis. Sentential clitics in Finno-Ugric. In: Folia Linguistica. 1990, 24 (3—4). P. 349—371.

Nikolina 2014 — N. A. Nikolina. Funktsionirovaniye chastits *mol*, *de*, *deskat'* v sovremennoy rechi. In: Russkiy yazyk v shkole. 2014, 12. S. 64—69. {N. A. Nikolina. Functionning of the particles mol, de, deskat' in modern speech. In: Russian language in schools. 2014, 12. P. 64—69.}

Panov 2020 — V. Panov. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive. In: Acta Linguistica Hafniensia. 2020, 52 (1). P. 1—44.

Plungian 2003 — V. A. Plungyan. Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku. Moskva: Editorial URSS, 2003. {V. A. Plungyan. General morphology: introduction into problematics. Moscow: Editorial URSS, 2003.}

Plungian 2008 — V. A. Plungyan. O pokazatelyakh chuzhoy rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: 'mol', 'yakoby' i drugiye. In: B. Wiemer, V. A. Plungyan (red.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. München; Wien: Otto Sagner, 2008. S. 285—311. {V. A. Plungyan. About markers of reported speech and unreliability in Russian: 'mol', 'yakoby' and others. In: B. Wiemer, V. A. Plungyan (eds.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. München; Wien: Otto Sagner, 2008. P. 285—311.}

Podlesskaya 2018 — V. I. Podlesskaya. Chuzhaya rech v svete korpusnykh dannykh. In: Voprosy yazykoznaniya. 2018, 4. S. 47—73 {V. I. Podlesskaya. Reported speech in light of corpus data. In: Voprosy yazykoznaniya (Topics in the study of language). 2018, 4. P. 47—73.}

Podlesskaya, Egorova 2017 — V. I. Podlesskaya, M. A. Egorova. Ot polnoznachnogo imeni — k chastitse: approksimator tipa v zerkale korpusa s prosodicheskoy razmetkoy. In: E. V. Pechenkova, M. V. Falikman (red.). Kognitivnaya nauka v Moskve: novyye issledovaniya: materialy konferentsii. Moskva: Buki Vedi: IPPiP, 2017. S. 283—288. {V. I. Podlesskaya, M. A. Egorova. From full-meaning noun to a particle: approximator tipa in corpus with prosodic annotation. In: E. V. Pechenkova, M. V. Falikman (eds.). Cognitive science in Moscow: new research: conference data. Moscow: Buki Vedi: IPPiP, 2017. P. 283—288.}

Repina 2007 — T. Yu. Repina. Imperativ i ego morfologo-pragmaticheskiye osobennosti funktsionirovaniya v udmurtskom yazyke. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya". 2007, 5 (1). S. 63—68. {T. Yu. Repina. Imperative and its morphological-pragmatic features in Udmurt. In: Bulletin of Udmurt university. History and philology. 2007, 5 (1). P. 63—68.}

Schütze 1994 — C. Schütze. Serbo-Croatian Second Position Clitic Placement and the Phonology-Syntax Interface. In: A. Carnie, H. Harley, T. Bures (eds.). MIT Working Papers in Linguistics 21, Papers on phonology and morphology. 1994. P. 373—473.

Spencer, Luís 2012 — A. Spencer, A. R. Luís. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Spronck, Nikitina 2019 — S. Spronck, T. Nikitina. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. In: Linguistic typology. 2019, 23 (1). P. 119—159.

SSKZD 1961 — Sravnitelnyy slovar komi-zyryanskikh dialektov. In: V. A. Sorvacheva (red.). Syktyvkar: Komi knishnoye izdatel'stvo, 1961. {V. A. Sorvacheva (ed.). Comparative dictionary of Komi-Zyryan dialects. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. 1961}

Teptyuk 2019 — D. Teptyuk. Quotative indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian). Tartu: University of Tartu Press, 2019.

Teptyuk 2021 — D. Teptyuk. Self-quotative markers in Permic and Hungarian. In: Linguistica Uralica. 2021, 57 (3). P. 213—232.

Toman 1996 — J. Toman. A note on clitics and prosody. In: A. Halpern, A. M. Zwicky (eds.). Approaching second: Second position clitics and related phenomena. Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 505—510.

Travis 2006 — C. Travis. Dizque: a Colombian evidentiality strategy. In: Linguistics. 2006, 44 (6). P. 1269—1297.

Urmanchiyeva 2021 — A. Yu. Urmanchiyeva. Kvotativnyye i tsitativnyye formy v severnykh selkupskikh govorakh: ot iskonnykh k zaimstvovannym. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2021, 17 (2). S. 229—276. {A. Yu. Urmanchiyeva. Quotative and citative forms in northern Selkup dialect: from native to borrowed. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2021, 17 (2). P. 229—276.}

URS 2008 — Udmurt-ӟuch kyllyukam = Udmurtsko-russkiy slovar': ok. 50 000 slov. Izhevsk: Izdatel’stvo Udmurtskogo universiteta, 2008. {Udmurt-Russian dictionary. 50 000 words. Izhevsk: Izdatel’stvo Udmurtskogo universiteta, 2008.}

Wackernagel 1892 — J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. In: Indogermanische Forschungen. 1892, 1. P. 333—436.

Willet 1988 — T. Willett. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. In: Studies in Language. 1988, 12 (1). P. 51—97.

Winkler 2011 — E. Winkler. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

Zimmerling 2013 — A. V. Zimmerling. Sistemy poryadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2013. {A. V. Zimmerling. Slavic word order systems in a cross-linguistic perspective. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2013.}

Zubova 2019 — Yu. N. Zubova. Variatsii v ispolzovanii modalnykh chastits v literaturnom udmurtskom yazyke i v besermyanskom dialekte. In: Uralo-altayskiye issledovaniya. 2019, 4 (35). S. 71—90. {Yu. N. Zubova. Variations and use of modal particles in Standard Udmurt and the Besermyan dialect. In: Ural-Altaic studies. 2019, 4 (35). P. 71—90.}

Zwicky 1983 — A. M. Zwicky. Cliticization vs. Inflection: English N'T. In: Language. 1983, 59 (3). P. 502—513.

DOI: 10.37892/2500-2902-2025-58-3-46-55

Э. Л. Гасанов

О значении письменных источников в изучении средневекового историко-культурного наследия Гянджи

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана; el-hasanov@mail.ru

Статья посвящена исследованию многочисленных архивных материалов, имеющих большое значение для изучения исторического прошлого, а также культурного наследия Азербайджана в эпоху позднего Средневековья. Особенно богатыми сведениями об этом периоде страны, в том числе о ее основных городах — центров ханств, — располагают архивы РФ, одним из которых является Российский государственный военно-исторический архив.

Стоит отметить, что различные документы данного архива служат важным историческим источником для изучения истории и культурного наследия одного из древних городов Азербайджана — Гянджи в указанный период. В архиве сохранились сведения о крепостных стенах, дворцах, караван-сараях, банях, домах, мостах не только Гянджи, но и ряда других построек азербайджанских городов.

В архиве имеется множество документов по истории и культурным традициям Гянджинского ханства. Официальные военные документы бывшей Российской империи содержат подробные исторические сведения об экономике, культуре, демографии и политической истории Гянджинского ханства в целом и города Гянджи в частности.

Следует особо отметить, что отдельные материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива в сочетании с другими источниками того периода позволяют объективно осветить историю и культурное наследие Гянджинского ханства. Всестороннее изучение многочисленных архивных документов, а также ряда исторических источников позволило выявить важные сведения о прошлом этого древнего города, факты которые ранее не были предоставлены широкой научной общественности.

Ключевые слова: культурное наследие, Азербайджан, история, Гянджа, архитектура, архив, письменные источники, город, крепость

THE SIGNIFICANCE OF WRITTEN SOURCES IN THE STUDY OF THE MEDIEVAL HISTORIC-CULTURAL HERITAGE OF GANJA

Elnur L. Hasanov, Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences; el-hasanov@mail.ru

This paper is devoted to archival materials and their importance in studying the historical and cultural heritage of Azerbaijan in the late Middle Ages. The Russian Federation's archives in particular contain a wealth of information about the development of the state's main cities as centres of khanates during this historical period. One such archive is the Russian State Military History Archive.

The archive's documents are important historical sources for studying the history and cultural heritage of one of Azerbaijan's ancient cities, Ganja, during this period. For the first time, written documents, such as archival sources from the late Middle Ages, have been investigated as important sources for studying the historic, cultural and architectural heritage of the city of Ganja. They provide information about fortress walls, palaces, caravanserais, baths, houses, bridges and other buildings not only in Ganja, but also in other Azerbaijani cities.

The archive contains many documents about the history and cultural traditions of the Ganja Khanate. Official military documents from the former Russian Empire include detailed historical data on Ganja's economy, culture, demographics and political history, as well as that of the Khanate.

Academic materials in the archives, together with other sources from this period, provide an objective insight into the history and cultural heritage of the Ganja Khanate. Due to the exact research of so many archival documents and historical sources, new important information about the historical past of this ancient city has been uncovered.

Keywords: cultural heritage, Azerbaijan, history, Ganja, architecture, archive, written sources, city, castle

Введение

Город Гянджа — родина многих великих личностей — расположен на северо-восточных склонах Малого Кавказа, по обоим берегам реки Гянджачай. На протяжении столетий он был не только свидетелем, но и центром ключевых политических событий в истории Азербайджана. Благодаря выгодному географическому положению уже с раннего Средневековья Гянджа становилась столицей независимых государств или центром крупных административных провинций. Во второй половине XVIII в. здесь было образовано Гянджинское ханство — одно из независимых азербайджанских ханств. Из-за своего политического и экономического значения Гянджа постоянно находилась в центре внимания как внутренних, так и внешних сил. Ханство часто становилось ареной борьбы между различными политическими группировками, что обусловило насыщенность и многообразие его политической истории.

При изучении и реконструкции истории Гянджинского ханства используются различные источники. В историографии предпочтение традиционно отдается местным материалам, однако существенную роль играют и русскоязычные документы, особенно применительно к периоду XVIII—XIX вв. Так, начиная с конца XVIII в. Российская империя, проявлявшая интерес к Азербайджану [Hasanov 2024a: 117], направляла в нашу страну купцов, послов и собирала через них ценные сведения. Эти материалы, наряду с другими документами, относящимися к истории XVIII — начала XIX в., хранятся в различных архивах России [Mustafazada 2018: 28] и остаются важным источником для исследований.

Среди этих архивов одно из главных мест занимает Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Его документы имеют важное значение для изучения истории Азербайджана периода ханств. В фондах РГВИА хранятся ценные материалы по истории Азербайджана XVIII—XIX вв., в том числе уникальные документы о Гянджинском ханстве и городе Гянджа [ИИ. НА, ф. 1795, д. 3: 478]. Эти источники содержат богатую информацию о политическом, экономическом и социальном развитии региона [Hasanov 2024b: 20—21].

В вышеупомянутом архиве можно получить обширные сведения о крепостных стенах, дворцах, караван-сараях, банях, жилых домах, мостах и других постройках Гянджи, относящихся к XVIII в. Таким образом, материалы фондов РГВИА, связанные с городом и крепостью Гянджа, позволяют детально исследовать градостроительство и архитектурный ландшафт региона в указанный период. Эти документы дают возможность не только определить общий характер развития города, но и получить подробные исторические данные о его экономике, культуре, демографии и политической истории.

Информация, содержащаяся в фондах РГВИА, охватывает период с конца XVII — начала XVIII в. Поскольку в то время Гянджа являлась частью Гянджинского ханства, эти материалы в основном отражают экономическую, политическую и военную жизнью данного государственного образования. В архиве хранятся официальная дипломатическая переписка между Гянджинским ханством и Российской империей, военные донесения, прошения на имя императора, торговые договоры, а также сводки военных походов и документы периода военных действий. Особую ценность представляют материалы, связанные с походом русских войск в Азербайджан в 1796 г. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286: 49—51], большинство из которых собрано в фонде 41 РГВИА. В этих документах отражены как сам поход на Гянджу, так и его результаты, что позволяет извлечь подробные сведения об истории города XVII—XIX вв.

Материалы и методы исследования

Основное внимание в архиве уделяется сохранению планов крепостей и городов Азербайджана. В фондах РГВИА хранятся чертежи и планы таких городов-крепостей, как Баку, Гянджа, Шемаха, Шуша, Шеки, Губа, Ленкорань, Нахичевань, относящиеся к различным историческим периодам [РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3329—3345].

Среди этих материалов для нас особый интерес представляет план города и крепости Гянджа, составленный военными картографами в ходе военной кампании. В 1796 г. под руководством графа Валериана Зубова началось продвижение российских войск в Азербайджан. В составе русской армии, помимо солдат и офицеров, находилось значительное количество инженеров-картографов [ИИ. НА, ф. 1795, д. 2: 463], чьей задачей являлась подготовка схем и чертежей азербайджанских городов, крепостей, укреплений, мостов и дорог.

В XVIII в. на территории Азербайджана существовало множество оборонительных сооружений. Одним из городов с наиболее мощными крепостными стенами была Гянджа [РГВИА, ф. 1105, оп. 80: 14].

План города Гянджи, хранящийся в архиве, был первоначально составлен в 1797 г. в рамках военной экспедиции под руководством Зубова. Главной целью данной кампании было завоевание основных городов Азербайджана. В результате успешных военных действий российским войскам удалось занять

Дербент, Баку, Губу, Шемаху и Мугань [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286: 50]. Для обеспечения успеха операции были предприняты комплексные подготовительные мероприятия. Особое внимание уделялось изучению местных условий, организации навигации и снабжения войск. По личному указанию Зубова проводилась документация всех объектов, представлявших военный интерес, включая составление чертежей укреплений. Чертеж Гянджинской крепости стал одним из таких важных документов [Mustafazada 2013a: 208].

На плане в деле № 6055 рабочей папки № 12 фонда 349 РГВИА отмечено, что данный чертеж был составлен инженер-майором Иваном Гартингом 24 февраля 1797 г. Генеральный план Гянджинской крепости из указанного фонда содержит детальную информацию об архитектуре города. В частности, дело № 6055 включает описание городской Джума-мечети с подробной характеристикой ее структуры, прилегающей площади и архитектурного ансамбля. На плане отображены медресе, входящее в комплекс мечети, кладбище, расположенное за ее пределами, а также баня, примыкающая к западной стороне здания [Саламзаде 1964: 126].

Примечательно, что план демонстрирует сходство градостроительной композиции Гянджи с другими городами Азербайджана. Так, расположение Джума-мечети в непосредственной близости от главной рыночной площади отражает характерную черту градостроительства азербайджанских городов периода позднего Средневековья.

Анализ плана позволяет заключить, что Гянджа занимала значительную территорию, а окружавшая город оборонительная крепость представляла собой мощное укрепленное сооружение. Согласно чертежу, Гянджинская крепость имела форму шестиугольника с тремя главными въездными воротами, обозначенными на плане как Иреванские, Шушинские и Тифлисские ворота [Саламзаде 1964: 28]. Названия ворот, вероятнее всего, соответствовали направлениям, в которые они вели [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286, ч. 1: 212].

В рассматриваемый период крепость состояла из двух линий стен, причем расстояние между ними достигало 70—80 м. Основной оборонительной линией являлась внутренняя стена с шестью башнями. Пригородная зона называлась Наринґала. Ханский дворец, окруженный крепостными стенами, располагался в центральной части города и представлял собой крупный архитектурный комплекс [Ehmedov 2007: 126, 227].

Наличие нескольких водных бассейнов на территории дворца, безусловно, свидетельствует о высоком уровне развития архитектурной культуры. Уникальной особенностью Гянджи, отличавшей ее от других азербайджанских городов того времени, была регулярная планировка с прямыми улицами, ориентированными по сторонам света — с запада на восток и с юга на север, тогда как в других городах преобладали извилистые улицы. Это говорит о том, что строительство города было хорошо продуманно. Планировка Гянджи свидетельствует о высоком уровне архитектурного мастерства не только исследуемого исторического периода.

План Гянджи, составленный в 1797 г., обладает значительной ценностью и для изучения экономической жизни города. Особого внимания заслуживает отображение на плане многочисленных садов как внутри города, так и в его окрестностях. Эта деталь дает возможность получить важные сведения о деятельности населения города и системе продовольственного обеспечения Гянджи.

Таким образом, высокая точность картографической работы позволяет утверждать, что Российская империя тщательно готовилась к вторжению в Гянджу [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6055: 78—83]. В ходе военной экспедиции Зубова в Азербайджан город Гянджа и его крепостные сооружения были подробно изучены.

В архивных фондах сохранились планы Гянджи и более позднего периода. Так, в 12-й рабочей папке фонда 349 на листе 6057 находится план города 1804 г., который практически не отличается от предыдущего. После взятия города в 1804 г. чертежу крепости не уделялось такого внимания, как ранее. Это подтверждают два более поздних плана, составленные в период, когда Гянджа уже была переименована в Елизаветполь. Хотя точная дата ни на одном из этих планов не указана, они озаглавлены как «План города Елизаветполя» [РГВИА, ф. 1105, оп. 80: 14—15]. Оба плана являются неполными, однако на них также отражены ключевые объекты: центральная пятничная мечеть и баня-медресе.

Помимо градостроительной документации, в фондах архива содержатся материалы, отражающие политическое положение Гянджинского ханства. Эти документы позволяют оценить его роль и значение на Кавказе в тот период. Ценными историческими источниками являются не только официальная государственная переписка, но и различные сводки и описания. В этом отношении особый интерес представляет 23-страничное сочинение Степана Бурнашева, полковника и шпиона царской армии, изданное в Курске в 1793 г. под названием «Описание азербайджанских провинций в Персии и их политического положения» [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286, ч. 1: 212].

Особого внимания заслуживает большое количество донесений и писем Степана Бурнашева, хранящихся в архиве. Будучи военным представителем и шпионом в Тифлисе, С. Бурнашев оставил ценные

документальные свидетельства, подписанные лично, которые содержат подробную информацию о политическом и экономическом положении всего Азербайджана, включая Гянджинское ханство.

В своей опубликованной работе С. Бурнашев дает общие сведения об азербайджанских ханствах и важных политических силах региона. Он указывает, что территория Азербайджана граничила с Картли-Кахетинским царством на севере, Каспийским морем и провинцией Гилян — на востоке и Османской империей — на западе [Мустафазаде 2020: 204].

С. Бурнашев упоминает Гянджинское ханство и подчеркивает статус его столицы как крупного торгового центра. Он описывает борьбу за контроль над Гянджей между Ибрагимхалил-ханом Шушинским и царем Картли-Кахети Ираклием II, отмечая, что в итоге власть в ханстве перешла к Джавад-хану. Согласно данным С. Бурнашева, в городе и его окрестностях проживало 3000 семей. Помимо значения как центра торговли, он указывает на ключевую роль Гянджи в организации торговых связей Тбилиси с Ираном и Индией. Он также отмечает, что Гянджа исторически была столицей Карабахского бейлярбекства и что Газах, Шамшадиль и Шамкир подчинялись ей [Мустафазаде 2018: 209—210].

Сравнительный анализ записей С. Бурнашева с другими архивными документами показывает, что в Гянджинском ханстве была развита как экономика, так и торговля. В частности, русские источники свидетельствуют, что при Джавад-хане в ханстве функционировало десять искусственных каналов [Мустафаев 1989: 11].

Согласно документам, Гянджинское ханство административно делилось на пять округов [там же: 15]. О значительном торговом статусе Гянджи свидетельствует постоянное присутствие на городских рынках русских купцов, что подтверждает ее роль одного из ключевых торговых центров Южного Кавказа. Важнейшим узлом русско-кавказской торговли являлся город Кизляр, где осуществлялась торговля между русскими, азербайджанскими, грузинскими и дагестанскими купцами. Через Кизляр и Дербент российские товары поступали в Шемаху, Шеки, Губу, Гянджу, Карабах и Грузию [там же: 24].

Таким образом, рынки Гянджи представляли собой уникальный пример товарообмена между Востоком и Россией. Наряду с восточными здесь активно торговали русскими товарами, такими как меха, мед, воск, ткани, бархат и т. д. Примечательно, что через Кизляр осуществлялся и ввоз гянджинских товаров на ярмарки Москвы и Нижнего Новгорода [там же: 28].

Особое положение города Гянджи в политике России на Южном Кавказе определялось не только торговыми интересами. В связи с этим Гянджинское ханство как неотъемлемая часть территории постоянно находилось в поле внимания российских властей. Таким образом, начиная с середины XVIII в. Гянджа являлась одним из главных торговых и производственных центров экономически развивающегося региона [Ehmedov 2007: 19].

В период ханства значительно увеличилось производство шелка и других ремесленных изделий. Расположение Гянджи на пересечении основных сухопутных торговых путей, соединявших соседние страны, также способствовало развитию торговли. Большинство караванных маршрутов из Азербайджана в Иран проходило через Гянджу, благодаря чему этот путь часто называли «Гянджинской дорогой». Подробные сведения о данном пути содержатся в фонде 52 РГВИА [д. 416, л. 353], где указаны расстояния: от Тбилиси до Гянджи — 110 верст, до Карабаха — 225 верст, до Шуши — 265 верст, от Гянджи до Дербента — тоже 265 верст. В этом важном документе также отмечается, что дорога из Гянджи в Тбилиси ответвлялась от Красного моста в Иреване, а другой путь вел в Шушу на расстоянии 22 км от Гянджи [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 331, ч. 6: 17].

Итак, архивные материалы подтверждают, что Гянджа являлась ключевым торговым узлом, связывающим Тбилиси с Ираном и другими восточными странами.

Основными источниками дохода Гянджинского ханства были ежедневные сборы, взимаемые за проход по мостам на этих дорогах, а также контроль над торговыми путями. Например, один только Красный мост, находившийся под контролем правителя Гянджинского ханства, приносил значительный доход. На территории ханства через рукава Куры были построены мосты из красного кирпича и дерева [Бабазаде 2012: 84].

Среди архивных материалов, особенно в фонде 52, известном как «Фонд Потемкина», содержится большое количество документов, относящихся к Гянджинскому ханству. Именно эти материалы проливают свет на наиболее сложный период ханства, включая его шестилетнюю зависимость от Картли-Кахетинского и Карабахского ханств и период правления без хана [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286, ч. 1: 212].

Как уже отмечалось ранее, в фонде сохранились многочисленные донесения и письма, направленные С. Бурнашевым генерал-фельдмаршалу Григорию Потемкину, главнокомандующему русскими войсками на юге [там же, оп. 366, ч. 2: 224].

В этих документах российский военный представитель в Тифлисе описывает борьбу картли-кахетинского царя Ираклия II, карабахского хана Ибрагимхалил-хана, шекинского хана Мухаммадгасан-хана за контроль над Гянджей, их походы на этот стратегически важный город [там же, оп. 1, д. 286, ч. 1: 212].

Донесения С. Бурнашева содержатся на листах 50—70 дела № 281 описи № 1 фонда 52 РГВИА, а также в деле № 286 того же фонда. В этих документах отражено, что Ираклий II информировал императорский двор России о своих попытках захвата Гянджинского ханства. Как следует из донесений, царь опасался предпринимать военные действия против Гянджи в одиночку и поэтому вступил в военный союз с Ибрагимхалил-ханом [там же, д. 281: 43].

На листах 45—46 дела № 281 содержатся сведения об осаде Гянджинской крепости силами союзников в начале 1780 г. Силы обороны крепости под руководством Мамед-хана не смогли длительное время противостоять союзной армии. Согласно документу, сам хан и его семья были взяты в плен, а его имущество конфисковано. Союзники назначили своих представителей для управления Гянджинским ханством: Ибрагимхалил-хан выбрал Хазратгулу-бея, а Ираклий II — князя Кейхосрова Андроникашвили [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 281: 43; Мустафаев 1989: 8].

Установив контроль над Гянджинским ханством, союзники тем не менее настороженно относились к местному населению и содержали на его территории значительные военные силы. Из донесений С. Бурнашева известно, что в ханстве размещалось войско численностью 3000 человек под единоличным командованием князя Кейхосрова Андроникашвили [ИИ. НА, ф. 1795, д. 1: 420].

Действия союзников вызывали недовольство других азербайджанских ханов, особенно Фатали-хана Губинского. Именно по этому поводу были направлены официальные жалобы российскому правительству. Посол Гаджи Юзбаши-бей, действующий от имени Фатали-хана, требовал от российских властей отозвать Ираклия II из Гянджи [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 281: 43].

К 1783 г. отношения между союзниками значительно обострились, и между ними установилось взаимное недоверие [там же, оп. 1/194, д. 281: 61].

Конфликт между союзниками усугубился из-за стремления каждого из них к единоличному контролю над ханством. Их противостояние спровоцировало народное восстание под предводительством Гаджибея из рода Зиядоглу. В результате восстания, завершившегося в 1783 г., Гянджа была освобождена, и Гаджи-бей установил единоличную власть в ханстве [Бабазаде 2012: 94].

Грузинский царь Ираклий II, не смирившийся с потерей влияния над Гянджой, обратился к российскому правительству с просьбой о защите от дагестанских народов и даже требовал передачи Нахичевани под свой контроль [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 331: 6, 17].

Военные действия серьезно повлияли на экономическую ситуацию в Гянджинском ханстве. В письмах к Григорию Потемкину Ираклий II жаловался, что борьба за Гянджу усугубила экономическое положение Картли-Кахетинского царства, а также привела к потере контроля над Шамкиром, Гянджей и неподчинению Газахского и Шамседдинского султанатов [там же, оп. 366: 2, 251—252].

В 1786 г. союзники предприняли новую попытку захвата Гянджи. Хотя и Ираклий II, и Ибрагим-хан изначально стремились к единоличному контролю, вмешательство российского представителя в Тифлисе С. Бурнашева заставило Ибрагим-хана предложить грузинскому царю совместное управление Гянджой [там же: 2, 252—253]. После переговоров стороны признали превосходство Карабахского хана и согласились признать Рагим-хана правителем Гянджи [там же: 4, 5—7].

В 1787 г. военный отряд под командованием полковника Бурнашева был направлен в Карабахское ханство для посредничества между Ибрагимхалил-ханом и грузинским царем. Однако отряд был остановлен у Гянджи [Mustafazada 2020: 14]. Мощные укрепления города и крепостные сооружения вынудили их отступить.

Следует отметить, что наряду с внешними угрозами, в Гянджинском ханстве продолжалась внутренняя борьба за власть. Население Гянджи сопротивлялось восстановлению прямой зависимости от внешних сил, что обострило внутриполитическую ситуацию. В результате правление Рагим-хана продлилось всего один год — он был свергнут своим братом Джавад-ханом. Независимая политика нового правителя и его нежелание подчиняться Картли-Кахетинскому царству стали поводом для повторного похода Ираклия II на Гянджу. На этот раз грузинский царь начал искать новых союзников на востоке и нашел поддержку у Губинского хана Фатали-хана и Шекинского хана Мухаммад-Хасан-хана [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 366: 1, 248—251].

В декабре 1788 г. объединенные силы Фатали-хана, Ираклия II и Мухаммад-Хасан-хана осадили Гянджу. В начале 1789 г. грузинские войска под командованием царевича Вахтанга, сына Ираклия, нанесли поражение Джавад-хану. Царь Картли-Кахети планировал сместить непокорного Джавад-хана и установить в Гяндже прямое правление [там же, д. 286: 212]. Но его союзники воспротивились этим планам, и в результате переговоров Джавад-хан сохранил власть при условии выплаты ежегодной дани Ираклию II и его союзникам. С ослаблением Губинского и Шекинского ханств выплаты прекратились, и накануне похода Ага-Мухаммед-шаха Джавад-хан уже не платил ежегодную дань [Зайцев 2014: 78].

Важным событием в политической истории Гянджинского ханства стал поход русского экспедиционного корпуса под командованием графа Валериана Зубова в Азербайджан в 1796 г. Документы об этом походе сохранилась в фонде 41 РГВИА, в частности в папках № 614а и 629. Эти материалы включают переписку главнокомандующего В. А. Зубова, его брата П. А. Зубова и командующего русскими войсками на Кавказской линии генерала И. В. Гудовича, данные о численности войск, рапорты командиров, донесения и письма генералов С. Булгакова, Г. Рахманова и И. Савельева, а также личные дневниковые записи В. А. Зубова, детально отражающие ход многомесячной военной кампании [Мамедова 2003: 3].

Изучение этих документов и их сопоставление с другими историческими источниками позволяют более подробно и точно реконструировать военную экспедицию Зубова в Азербайджан, включая операции против Гянджинского ханства. Эти материалы дают возможность проанализировать численность армии, ход военных действий и причины, приведшие к прекращению экспедиции [РГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 628: 1].

Архивные документы также содержат ценную информацию о сопротивлении населения Гянджинского ханства. Согласно листам 331 и 332 дела № 614а, описи 200 фонда 41 РГВИА, военная экспедиция Зубова планировала войти в Азербайджан из Дербента через Дарьяльский перевал, потом занять Баку, Шемаху и Мугань, после чего двинуться на Гянджу.

В этот период Кавказский корпус со стороны Грузии должен был начать наступление, в то время как другие силы планировали занять Гянджу и соединиться там. Отсюда русская армия должна была двинуться на Карабах [Hasanov 2023: 207]. Как видно из военных планов, Гянджа занимала стратегически важное положение. Россия не могла установить полный контроль над Азербайджаном, не захватив этот город. Однако организационные трудности помешали полной реализации этого плана [ИИ. НА, ф. 1796, д. 3: 444].

Зубов, вошедший в Азербайджан через Дербент, получил подкрепление 7 октября 1796 г. После этого он намеренно отправил к хорошо укрепленной Гяндже отряд численностью 1000 человек под командованием генерала Римского-Корсакова [Мамедова 2003: 21].

13 декабря 1796 г. Кавказский корпус достиг Гянджи. Ослабленное феодальными междоусобицами Гянджинское ханство не смогло противостоять русской армии, оснащенной современным вооружением. Гянджинский хан Джавад-хан вышел из города для встречи с Римским-Корсаковым за городскими стенами [Mustafazada 2013a: 141]. После того как Кавказский корпус выдвинулся к Гяндже, основные силы русских войск 21 ноября покинули Ени-Шемаху и расположились на зимовку в районе слияния рек Араз и Кура [ibid.: 142].

Российское командование придавало Гяндже исключительное значение как одной из главных крепостей Азербайджана. Именно поэтому в 1804 г. русская армия под предводительством Цицианова предприняла целенаправленное наступление на Гянджу. После полного овладения городом началось дальнейшее движение российских войск вглубь Азербайджана, что ознаменовало новый этап в истории региона.

Заключение

Российский государственный военно-исторический архив, таким образом, является одним из ключевых источников для изучения истории Гянджинского ханства и его столицы в XVIII—XIX вв. Материалы архива убедительно свидетельствуют, что военное, экономическое и политическое значение Гянджи как центра ханства сохранило свою актуальность не только для Азербайджана, но и для всего Кавказского региона. Архивные фонды содержат комплексные данные об историческом облике, архитектуре и хозяйственной жизни города. Особую ценность представляют документы конца XVIII в., позволяющие реконструировать различные аспекты жизни Гянджи. Эти материалы дают возможность всесторонне изучить положение города-крепости в исследуемый период. Важно отметить, что планы города, составленные военными специалистами, преимущественно отражают оборонительные аспекты, что несколько ограничивает изучение экономической и культурной истории. Однако другие документы архива — отчеты, переписка, статистические данные — восполняют эти пробелы, позволяя исследователям комплексно изучать историю Гянджинского ханства. Разнообразные документы РГВИА, как видим, образуют ценную источниковую базу для всестороннего изучения истории Гянджинского ханства, дополняя и обогащая существующие представления о данном регионе.

Сокращения

ИИ.НА — Институт Истории. Научный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Литература

Бабазаде 2012 — *Э. Т. Бабазаде.* Из истории Гянджинского ханства. Баку: MSA, 2012.

Высокородному и высокопревосходительному господину генерал-поручику действительному камергеру и лестных орденов кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину рапорт. Получено 28 июля 1783 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Ч. 1. Л. 212.

Высокородному и высокопревосходительному господину генерал-поручику действительному камергеру и лестных орденов кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину рапорт. Получено ноября 21 дня 1783 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Л. 60.

Высокородному и высокопревосходительному господину генерал-поручику действительному камергеру и лестных орденов кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину. Рапорт // РГВИА. Ф. 52. Оп. 366. Ч. 2. Л. 252—253; Ч. 4. Л. 5—7.

Донесение возвратившегося из Карабаги армянина Капреля Гараханова о происходящих там обстоятельствах // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 366. Ч. 1. Л. 248—251.

Донесение генерала, графа Валериана Зубова его светлости командующему войсками в Крыму и южных губерниях расположенными и флотами на Черном и Каспийском морях генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину // РГВИА. Ф. 41. Оп. 200. Д. 628. Л. 1.

Его светлости командующему войсками в Крыму и южных губерниях расположенными и флотами на Черном и Каспийском морях генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину. Рапорт // РГВИА. Ф. 52. Оп. 366. Ч. 2. Л. 224.

Его светлости командующему войсками в Крыму и южных губерниях расположенными и флотами на Черном и Каспийском морях генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину. Рапорт // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 281. Л. 43.

Зайцев 2014 — *И. В. Зайцев.* Из истории российско-грузинских отношений. К 230-летию заключения Георгиевского трактата: сборник документов. М.: Древлехранилище, 2014.

Записка поданная от присланного Дербендского Фатх-Али-хана посланника Аджи Юзбаши Бека // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Ч. I. Л. 32.

Мамедова 2003 — *Г. Мамедова.* О походе В. Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Элм, 2003.

Мустафаев 1989 — *Дж. Мустафаев.* Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII — начало XIX в). Баку: Элм, 1989.

Мустафазаде 2018 — Россия и Азербайджанские ханства во второй половине XVIII — начале XIX веков (Сборник документов). Т. 1 (1751—1775 гг.) / Сост. *Т. Т. Мустафазаде.* Баку: Турхан, 2018.

Мустафазаде 2020 — Россия и Азербайджанские ханства во второй половине XVIII — начале XIX веков (Сборник документов). Т. 2 (1776—1800 гг.) / Сост. *Т. Т. Мустафазаде.* Баку: Турхан, 2020.

Обзор Политического Состояния Грузино-Имеретинской губернии, Каспийской Области и Дербендского Военно-Окружного Управления // ИИ. НА. Ф. 1795. Д. № 3. С. 478.

Ордер господину генералу майору и кавалеру Пасветаеву // ИИ. НА. Ф. 1796. Д. № 3. С. 444.

От времен Императрици Екатерины II до Царствования Павла Петровича с 1763 до 1890 (30 лет) // ИИ. НА. Ф. 1795. Д. № 2. С. 463.

Писмо царя Ираклия генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 331. Ч. 6. Л. 17.

Письмо Кайхосрова К. Андроникова губернатора Генжи к его высочеству. 1784 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 331. Ч. 8. Л. 8.

Письмо посланного к его светлости царю Ираклию ноября 11-го дня 1783 года // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Л. 49—51.

Письмо царя Ираклия генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Ч. 1. Л. 34; Д. 366. Ч. 2. Л. 155, 251—252.

План города Елисаветполя // РГВИА. Ф. 1105. Оп. 2. Д. 80. Л. 1—2, 14—15.

План Гянджинской крепости // РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 6055. Л. 78—83.

Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи // РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 3329, 3334, 3338, 3339, 3345.

Приказ от Императрицы Екатерины II генералу и графу Валериану Зубову // РГВИА. Ф. 41. Оп. 200. Д. 614а. Л. 331—332.

Рапорт высоководному и высокопревосходительному господину генерал-поручику и действительному камергеру, Саратовского и Кавказского генерал губернатору Павлу Сергеевичу Потемкину // ИИ. НА. Ф. 1795. Д. № 1. С. 420.

Рапорт Его светлости командующему войсками в Крыму и южных губерниях расположенными и флотами на Черном и Каспийском морях генералу и кавалеру князю Григорию Александровичу Потемкину // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 281. Л. 61.

Саламзаде 1964 — *А. Саламзаде.* Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1964.

Ehmedov 2007 — *F. M. Əhmədov.* Gəncənin tarix yaddaşı. Gəncə: Elm, 2007.

Hasanov 2023 — *E. L. Hasanov.* Innovative study of historical heritage of Ganja city based on cultural-literary materials // Manuscript and Book Heritage of Ukraine. 2023, 31. P. 271—286.

Hasanov 2024a — *E. L. Hasanov.* Significance of the written sources in study of medieval heritage of Ganja // Manuscript and Book Heritage of Ukraine. 2024, 32 (1). P. 116—134.

Hasanov 2024b — *E. L. Hasanov.* Research of historic-cultural heritage of medieval Ganja based on information about the Nizami Ganjavi family // Pravnehistoricke Studie. 2024, 54 (1). P. 19—29.

Mustafazada 2013a — *T. T. Mustafazadə.* Azərbaycan-Rusiya münasibətləri XVIII əsrin ikinci yarısı — XIX əsrin əvvəllərində. Bakı: Şərq-Qərb, 2013.

Mustafazada 2013b — *T. T. Mustafazadə.* XVIII—XXI əsrin əvvəllərində Azərbaycanın beynəlxalq siyasi münasibətləri (tarixi oçerklər). Bakı: Avrora, 2013.

References

Babazade 2012 — E. T. Babazade. Iz istorii Gyandjinskogo khanstva. Baku: MSA, 2012. {E. T. Babazade. From the history of Ganja khanate. Baku: MSA, 2012.}

Donesenie generala, grafa Valeriana Zubova ego svetlosti komandujushemu voiskamy v Krimu i Juzhnikh gubernijakh raspolozhennimy i flotami na Chjornom i Kaspijskom moriakh generalu u kavaleru knajziu Grigori'ju Aleksandrovichu Potjomkinu. In: RGVIA. F. 41. Op. 200. D. 628. S. 1. {Report of General, Count Valerian Zubov to His Excellency the Commander of the Troops in Crimea and the Southern Provinces and the Fleets on the Black and Caspian Seas, General and Knight Prince Grigory Alexandrovich Potyomkin. In: RSMHA. Coll. 41. Op. 200. D. 628. P. 1.}

Donesenie vozvrativshegosja iz Karabaga armyanina Kapreliya Garakhanova o proiskhodiashikh tam obstojatel'stvakh. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 366. Ch. 1. S. 248—251. {Report of the Armenian Kaprel Garakhanov, who returned from Karabakh, about the circumstances occurring there. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 366. Part 1. P. 248—251.}

Ego svetlosti komandujeshomu voiskamy v Krimu i juzhnikh guberniyakh raspolojennimy i flotami na Chjornom i Kaspijskom moriakh generalu u kavaleru knajziu Grigori'ju Aleksandrovichu Potjomkinu. Raport. In: RGVIA. F. 52. Op. 366. Ch. 2. S. 224. {To His Excellency the Commander of the Troops in the Crimea and Southern Provinces and the Fleets on the Black and Caspian Seas, General and Cavalier Prince Grigory Alexandrovich Potyomkin. Report. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 366. Part 2. P. 224.}

Ego svetlosti komandujeshomu voiskamy v Krimu i juzhnikh guberniyakh raspolojennimy i flotami na Chjornom i Kaspijskom moriakh generalu u kavaleru knajziu Grigori'ju Aleksandrovichu Potjomkinu. Raport. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 281. S. 43. {To His Excellency the Commander of the Troops in Crimea and the Southern Provinces and the Fleets on the Black and Caspian Seas, General and Cavalier Prince Grigory Alexandrovich Potemkin, Report. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 281. P. 43.}

Ehmedov 2007 — F. M. Ehmedov. Gyandjanin tarikh yaddashy. Ganja: Elm, 2007. {F. M. Ehmedov. Historical mind of Ganja. Ganja: Elm, 2007.}

Hasanov 2023 — E. L. Hasanov. Innovative study of historical heritage of Ganja city based on cultural-literary materials. In: Manuscript and Book Heritage of Ukraine. 2023, 31. P. 271—286.

Hasanov 2024a — E. L. Hasanov. Significance of the written sources in study of medieval heritage of Ganja. In: Manuscript and Book Heritage of Ukraine. 2024, 32 (1). P. 116—134.

Hasanov 2024b — E. L. Hasanov. Research of historic-cultural heritage of medieval Ganja based on information about the Nizami Ganjavi family. In: Pravnehistoricke Studie. 2024, 54 (1). P. 19—29.

Mamedova 2003 — G. Mamedova. O pokhode V. Zubova v Azerbaidjan v 1796 g. Baku: Elm, 2003. {G. Mamedova. About V. Zubov's campaign in Azerbaijan in 1796. Baku: Elm, 2003.}

Mustafayev 1989 — J. Mustafayev. Severniye khanstva Azerbaidjana i Rossia (konets XVIII — nachalo XIX v.). Baku: Elm, 1989. {J. Mustafayev. Northern Khanates of Azerbaijan and Russia (late 18th — early 19th centuries). Baku: Elm, 1989.}

Mustafazada 2013a — T. T. Mustafazada. Azerbaijan-Rusiia munasibatlari XVIII asrin ikinci yarisi — XIX asrin avvallarinda. Baku: Sharg-Garb, 2013. {T. T. Mustafazada. Azerbaijan-Russian relations during the second half of 18 — early 19 centuries. Baku: Sharg-Garb, 2013.}

Mustafazada 2013b — T. T. Mustafazada. XVIII—XXI asrin avvallarinda Azerbaijanin beynalxalq siyasi munasibatlari (tarixi ocherkler). Baku: Avrora, 2013. {T. T. Mustafazada. International political relations of Azerbaijan during 18 — early of 21 centuries (historical essays). Baku: Avrora, 2013.}

Mustafazada 2018 — T. T. Mustafazada. Rossia i Azerbaidjanskiye khanstva vo vtoroi polovine XVIII — XIX vekov (Sbornik dokumentov). T. 1 (1751—1775). Baku: Turhan, 2018. {T. T. Mustafazada. Russia and the Azerbaijani

Khanates in the Second Half of the 18th — 19th centuries (Collection of documents). Vol. 1 (1751—1775). Baku: Turhan, 2018.}

Mustafazada 2020 — T. T. Mustafazada. Rossia i Azerbaidjanskiye khanstva vo vtoroi polovine XVIII — XIX vekov (Sbornik dokumentov). T. 2 (1776—1800). Baku: Turhan, 2020. {T. T. Mustafazada. Russia and the Azerbaijani Khanates in the Second Half of the 18th — 19th centuries (Collection of documents). Vol. 2 (1776—1800). Baku: Turhan, 2020.}

Obzor politicheskogo sostoianiya Gruzino-Imeretinskoy gubernii, Kaspiyskoi oblasti i Derbendskogo Voienno-okruzhnogo upravlenia. In: Institut Istorii. Nauchniy Archiv. F. 1795. D. 3. S. 478. {Review of the Political State of the Georgian-Imereti Province, the Caspian Region and the Derbent Military District Administration. In: Institute of History. Scientific Archive. Coll. 1795. D. 3. P. 478.}

Order gospodinu generalu maioru i kavaleru Pasvetaevu. In: Institut Istorii. Nauchniy Archiv. F. 1796. D. 3. S. 444. {Warrant to Mr. Major General and Cavalier Pasvetaev. In: Institute of History. Scientific Archive. Coll. 1796. D. 3. P. 444.}

Ot vremion Imperatritsi Ekateriny II do tsarstvovania Pavla Petrovicha s 1763 do 1890 (30 let). In: Institut Istorii. Nauchniy Archiv. F. 1795. D. 2. S. 463. {From the time of Empress Catherine II to the reign of Pavel Petrovich from 1763 to 1890 (30 years). In: Institute of History. Scientific Archive. Coll. 1795. D. 2. P. 463.}

Pis'mo Kaikhosrova K. Andronikova gubernatora Gendji k ego visochestvu. 1784 g. In: RGVIA. F. 52. D. 331. Ch. 8. S. 8. {Letter from Kaikhosrov K. Andronikov, Governor of Genji, to His Highness. 1784. In: RSMHA. Coll. 52. D. 331. Part 8. P. 8.}

Pis'mo poslannogo k ego svetlosti tsar'ju Irakliju noyabria 11-go dnia 1783 goda. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 286. S. 49—51. {Letter sent to His Serene Highness King Irakli on November 11, 1783. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 286. P. 49—51.}

Pis'mo tsaria Iraklia generalu i kavaleru knazju Grigoriju Aleksandrovichu Potiomkinu. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 331. Ch. 6. S. 17. {Letter from Tsar Irakli to the general and cavalier Prince Grigory Alexandrovich Potyomkin. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 331. Part 6. P. 17.}

Pis'mo tsaria Iraklia generalu i kavaleru knazju Grigoriju Aleksandrovichu Potiomkinu. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 286. Ch. 1. S. 34; D. 366. Ch. 1. S. 155, 251—252. {Letter from Tsar Irakli to General and Cavalier Prince Grigory Alexandrovich Potyomkin. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 286. Part 1. P. 34; D. 366. Part. 2. P. 155, 251—252.}

Plan goroda Elisavetpolia. In: RGVIA. F. 1105. D. 80. S. 1—2, 14—15. {Plan of the Ganja fortress. In: RSMHA. Coll. 1105. Op. 80. P. 1—2, 14—15.}

Plan Gyandjinskoi kreposti. In: RGVIA. F. 349. Op. 12. D. 6055. S. 78—83. {Plan of the Ganja fortress. In: RSMHA. Coll. 349. Op. 12. D. 6055. P. 78—83.}

Plani i opisania gorodov, krepostei, seleniy i drugikh naselennikh punktov bivshei Rossiskoi imperii. In: RGVIA. F. 349. Op. 3. D. 3329, 3334, 3339, 3345. {Plans and descriptions of cities, fortresses, villages and other populated areas of the former Russian Empire. In: RSMHA. Coll. 349. Op. 3. D. 3329, 3334, 3338, 3339, 3345.}

Prikaz ot Imperatritsy Ekateriny II generalu i grafu Valerianu Zubovu. In: RGVIA. F. 41. Op. 200. D. 614a. S. 331—332. {Order from Empress Catherine II to General and Count Valerian Zubov. In: RSMHA. Coll. 41. Op. 200. D. 614a. P. 331—332.}

Raport ego svetlosti komandujushemu voiskamy v Krimu i Juzhnikh gubernijakh raspolozhennimy i flotami na Chjornom i Kaspijskom moriakh generalu u kavaleru knajziu Grigori'ju Aleksandrovichu Potjomkinu. In: RGVIA. F. 52. Op. 1/194. D. 281. S. 61. {Report of His Highness the Commander of the troops in Crimea and the southern provinces located and the fleets on the Black and Caspian Seas, General and Cavalier Prince Grigory Alexandrovich Potyomkin. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1/194. D. 281. P. 61.}

Raport visokorodnomu i visokoprevoskhoditel'nomu gospodinu general-poruchiku deistvitel'nomu kemergeru, Saratovskogo i Kavkazskogo general gubernatoru Pavlu Sergeevichu Potyomkinu. In: Institut Istorii. Nauchniy Archiv. F. 1795. D. 1. S. 420. {Report to the Most Excellent and Most Excellent Mr. Lieutenant General and Actual Kamerger, Saratov and Caucasus Governor General Pavel Sergeevich Potyomkin. In: Institute of History. Scientific Archive. Coll. 1795. D. 1. P. 420.}

Salamzade 1964 — A. Salamzade. Arkhitektura Azerbaidjana XVI—XIX v. Baku: Izdatell'stvo AN Azerbajdzhanskoj SSR, 1964. {A. Salamzada. Architecture of Azerbaijan in XVI—XIX. Baku: Izdatell'stvo AN Azerbajdzhanskoj SSR, 1964.}

Visokorodnomu i visokoprevoskhoditel'nomu gospodinu general-poruchiku deistvitel'nomu kemergeru i lestnikh ordenov kavaleru Pavlu Sergeevichu Potiomkinu. Raport. Poluchenu 28 iyulia 1783 g. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 286. Ch. 1. S. 212. {To the highly-born and most excellent Mr. Lieutenant General, Actual Kamerger and Knight of Flattering Orders, Pavel Sergeevich Potyomkin. Report. Received on July 28, 1783. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 286. Part 1. P. 212.}

Visokorodnomu i visokoprevoskhoditel'nomu gospodinu general-poruchiku deistvitel'nomu kemergeru i lestnikh ordenov kavaleru Pavlu Sergeevichu Potiomkinu. Raport. Poluchenu noyabria 21 dnia 1783 g. In: RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 286. S. 60. {To the highly-born and most excellent Mr. Lieutenant General, Actual Kamerger and Knight of Flattering Orders, Pavel Sergeevich Potyomkin. Report. Received on November 21, 1783. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 286. P. 60.}

Visokorodnomu i visokoprevoskhoditel'nomu gospodinu general-poruchiku deistvitel'nomu kemergeru i lestnikh ordenov kavaleru Pavlu Sergeevichu Potiomkinu. Raport. In: RGVIA. F. 52. Op. 366. Ch. 2. S. 252—253; Ch. 4. S. 5—7. {To the highly-born and most excellent Mr. Lieutenant General, Actual Kamerger and Knight of Flattering Orders, Pavel Sergeevich Potyomkin. Report. Received on November 21, 1783. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 366. Part 2. P. 252—253; Part 4. P. 5—7.}

Zaitsev 2014 — I. V. Zaitsev. Iz istorii rossisysko-gruzinskikh otnoshenii. K 230-letiyu zaklyuchenija Georgiyevskogo traktata: sbornik dokumentov. Moskva: Drevlekhranilishche, 2014. {I. V. Zaitsev. From the history of Russian-Georgian relations. On the 230th anniversary of the conclusion of the Treaty of Georgievsk: collection of documents. Moscow: Drevlekhranilishche, 2014.}

Zapiska podannaja ot prislannogo Derbendskogo Fatkh-Ali-khana poslannika Adzhy Juzbashy Beka. RGVIA. F. 52. Op. 1. D. 286. Ch. 1. S. 32. {Note submitted by the envoy of Derbent Fath-Ali Khan, Aji Yuzbashi Bek. In: RSMHA. Coll. 52. Op. 1. D. 286. Part I. P. 32.}

DOI: 10.37892/2500-2902-2025-58-3-56-83

А. В. Колмогорова, П. А. Налобина

Исследования тюркско-русского билингвизма в русскоязычном научном поле: контрастивный библиометрический анализ

Колмогорова Анастасия Владимировна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург; akolmogorova@hse.ru
Налобина Полина Алексеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург; pnalobina@hse.ru

Статья посвящена библиометрическому анализу российских публикаций по тюркско-русскому билингвизму за 2014—2024 гг. на фоне двух англоязычных публикационных полей: по тюркско-национальному билингвизму и билингвизму в целом. Использованы три корпуса данных: 159 русскоязычных статей из агрегаторов научных статей Elibrary и Cyberleninka, 1453 англоязычных публикации по тюркско-национальному билингвизму и 5500 работ по билингвизму вообще из реферативной базы данных Dimensions. Цель исследования — выявить специфические тренды предметного поля изучения тюркско-русского двуязычия в отечественной лингвистике.

Результаты, полученные с помощью методов библиометрического анализа и компьютерного тематического моделирования, демонстрируют, что отечественные исследователи тюркско-русского билингвизма сосредоточены на вопросах языковой политики и образования в конкретных регионах России, а также на корпусных и лингводидактических исследованиях. В то же время англоязычные публикации по тюркско-национальному билингвизму акцентируют внимание на его когнитивных и психолингвистических механизмах, а также на проблемах языковой адаптации в условиях миграционных процессов. Последняя тема связана с тем, что в число лидеров по публикациям в данной сфере входят страны Северной Европы, принимающие большое количество мигрантов. На фоне общего тренда выявлен дефицит российских исследований речевого здоровья билингвов, выполненных с использованием методов нейролингвистики.

Анализ позволил описать специфические черты изучения тюркско-русского билингвизма в России, выделив одновременно лакуны и перспективы возможного дальнейшего развития.

Ключевые слова: тюркская семья языков, билингвизм, предметное поле науки, библиометрия, русский язык

RESEARCH OF TURKIC-RUSSIAN BILINGUALISM IN THE RUSSIAN-SPEAKING SCIENTIFIC FIELD: CONTRASTIVE BIBLIOMETRIC ANALYSIS

Anastasia V. Kolmogorova, National Research University “Higher School of Economics” — Saint Petersburg; akolmogorova@hse.ru
Polina A. Nalobina, National Research University “Higher School of Economics” — Saint Petersburg; pnalobina@hse.ru

This study conducts a bibliometric analysis of Russian publications on the subject of bilingualism between speakers of various Turkic languages and Russian, from 2014—2024, and contextualized against two English-language publication fields: studies on bilingualism in L1 speakers of these Turkic languages, and general bilingualism research. The study employs three corpora: 159 Russian articles publications on bilingualism in speakers of these Turkic languages from Elibrary and Cyberleninka, 1,453 English publications on the same subject and 5,500 general bilingualism works from Dimensions, a database containing academic publications. The research aims to identify specific trends and characteristics of Turkic-Russian bilingualism studies in Russian linguistics. The methodological framework combines bibliometric analysis with computational topic modeling in R.

The results show that Russian researchers predominantly focus on sociolinguistic aspects of Turkic-Russian bilingualism, including language policy and education issues with distinct regional emphasis, as well as corpus linguistics and L2 pedagogy research. In contrast, English-language publications on Turkic-national bilingualism emphasize its cognitive and psycholinguistic mechanisms, along with language adaptation in migration contexts. This latter focus reflects the fact that, besides Turkey, Northern European countries receiving large numbers of migrants are leaders in this research field. Compared to general bilingualism research trends, the analysis reveals notable gaps in Russian studies, particularly in neurolinguistic approaches and research on language impairments in bilingual children and adults.

The conducted analysis has made it possible to describe the specific features of studying Turkic-Russian bilingualism in Russia, while also identifying gaps and prospects for potential further development.

Keywords: Turkic language family, bilingualism, subject field of science, bibliometry, Russian language

Статья подготовлена в рамках проекта № 24-00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2025 г.

Введение

Билингвизм представляет собой тему, которая, с одной стороны, является весьма сложной для обсуждения, а с другой стороны, с каждым годом становится все более актуальной.

В самом общем виде феномен определяется как возможность использования одним и тем же индивидом нескольких языков для решения коммуникативной задачи [Вайнрайх 1979; Мечковская 1983]. Между тем однозначного определения билингвизма (или двуязычия) в научной литературе не существует, поскольку детализация дальнейшей дефиниции встречает на своем пути множество непростых вопросов: каким должен быть уровень владения первым и вторым языками, чтобы можно было говорить о билингвизме [Edwards 2014]? каково влияние типа коммуникативной ситуации, при котором происходит переключение кодов [Ritchie, Bhatia 2014] (например, идет ли речь об учебной коммуникативной ситуации или реальной [Muysken 2020])? чем коллективный билингвизм отличается от индивидуального [Escobar 2012]? и др.

За последние несколько десятилетий сформировался ряд основных методологических направлений изучения билингвизма. Во-первых, это проблематика билингвизма как «достояния индивида» [Залевская 2009]: 1) нейролингвистические основы билингвизма [Gullberg, Indefrey 2006; Adamou, Matras 2021]; 2) влияние билингвизма на когнитивную деятельность индивида [Javier 2007; Rothweiler 2007; Буб, Артеменко 2019] и его социальную жизнь [Day, Wagner 2007]; 3) специфика языкового сознания билингва [Pavlenko 2009; Шадрина 2014; Резанова и др. 2020].

Во-вторых, в фокусе внимания исследователей находятся вопросы распределения и перераспределения функций языков в би- и полилингвальном коммуникативном сообществе [Боргоякова 2013; Дырхеева, Цыбенова 2020; Hickey 2020; Mufwene, Escobar 2022].

Кроме того, в рамках хорошо известных исследовательских школ формируются направления, в которых интерес ученых обусловлен спецификой взаимодействующих языков, например их статусом в типологической или генеалогической классификации [Джусупов 2016; Dybo et al. 2019].

В целом Российская Федерация — уникальная территория с большим разнообразием би- и полилингвальных языковых ситуаций. Как отмечают [Шайгерова и др. 2019: 3]: «В республиках России, наряду с русским языком, национальные языки являются государственными или официальными, кроме них существует множество других языков, не имеющих официального статуса. Такая этнолингвистическая ситуация предоставляет широкие возможности для всестороннего изучения русско-национального двуязычия».

В свою очередь, тюркско-русский билингвизм на территории Российской Федерации представлен чрезвычайно разнообразно, поскольку языки тюркской языковой семьи значительно превосходят как по количеству самих языков, так и по числу их носителей. Согласно данным [Коряков и др. 2022], на сегодняшний день на территории России наряду с русским сосуществуют следующие тюркские языки: чувашский, кумандинский, тубаларский, челканский, телеутский, алтай-кижи, теленгитский, узбекский, караимский, карачаево-балкарский, крымскотатарский, крымчакский, кумыкский, башкирский, сибирскотатарский, татарский, казахский, ногайский, киргизский, хакасский, шорский, нижнечулымский, азербайджанский, ахыскинский, гагаузский, туркменский, тофаларский, тувинский, долганский, якутский.

Специфика их взаимодействия с русским языком как в пределах отдельного индивидуального языкового сознания, так и в масштабах языкового коллектива является исключительно важным предметом изучения. Подчеркнем, что в настоящее время мы наблюдаем изменение угла зрения на данную проблему: исследовательский акцент сдвигается с вопросов так называемого поглощения русским языком национальных языков к обсуждению процессов выстраивания их экологичного со-бытия — «экологию языка следует определять как сферу, где изучается взаимодействие какого-либо языка и его окружения» [Haugen 2001 325].

Таким образом, в задачи нашего исследования, результаты которого представлены в статье, входило провести контрастивный библиометрический анализ литературы, опубликованной на русском языке за период с 2014 по 2024 г. и посвященной проблематике тюркско-русского билингвизма, использовав в качестве фона англоязычные публикации по тюркско-национальному билингвизму и билингвизму в целом, чтобы выявить специфические тренды и черты этого предметного поля в отечественной лингвистике, а также — некоторые векторы, возможно приближающие отечественных исследователей к мировым тенденциям.

Актуальность такой задачи обусловлена тем, что в российском научном сообществе еще не проводилась систематизация релевантного во временно́м плане (последнее десятилетие) исследовательского поля, связанного с проблемой изучения тюркско-русского билингвизма: нет полной информации о ведущих научных школах, их лидерах, составе научных коллективов; о том, в каких учреждениях науки и образования преимущественно разрабатывается данная тематика, где географически расположены эти инсти-

туции; отсутствует представление о ключевых тематических трендах, разрабатываемых внутри обсуждаемой сферы исследований, о журналах, предоставляющих свои площадки для обсуждения проблематики, их уровне и специализации.

Новизна полученных результатов заключается в том, что мы заполняем вышеназванные лакуны, намечая абрис того фрагмента «карты науки», который отражает в отечественном исследовательском поле проблематику изучения тюркско-русского билингвизма. При этом важным представляется тот факт, что полученный фрагмент «карты науки» одновременно становится объектом контрастивного анализа: по ключевым рубрикам данная «карта» сопоставляется с зарубежными публикациями более широкого поля тюркско-национального билингвизма, а с точки зрения тематических трендов — и с зарубежными работами, охватывающими билингвизм в целом. Такой «вложенный» характер контрастивного анализа позволяет выявить некоторые специфические черты объекта исследования, выступающие при фоновом сопоставлении. Однако подчеркнем, что в статье не ставится задача сравнения выборок — в силу разного объема и специфической конфигурации (в зарубежных трудах достаточно мало внимания уделяется теме именно тюркско-р у с с к о г о билингвизма); выборки из зарубежных баз данных используются для лучшего профилирования специфики предметного поля в российских научных изданиях.

Материал и методы

Материалом исследования послужили три корпуса текстов.

Основной корпус (далее — корпус1) представляет собой коллекцию научных статей, отобранных из крупнейших русскоязычных агрегаторов научных публикаций Elibrary[1] и Cyberleninka[2] за период с 2014 по 2024 г. Выбор именно статей в специализированных научных журналах (а не монографий или сборников материалов конференций) как целевого жанра обусловлен тем, что перед публикацией в журнале тексты статей проходят обязательную процедуру рецензирования, что призвано обеспечить несколько более высокое качество публикуемых материалов по сравнению с упомянутыми выше типами научных текстов. Кроме того, именно статьи в журналах являются ведущим показателем отчетности для большинства грантовых проектов и государственных заданий, а также для оценки эффективности работы научного сотрудника и преподавателя. Наконец, именно журналы обладают выраженными наукометрическими показателями, допускающими количественную обработку (импакт-фактор, индексация в наукометрических базах данных разного уровня, квартильность и т. д.).

В качестве ключевых слов для поиска статей в периодических научных изданиях на русском языке выступали: *русско-тюркский билингвизм* / *тюркско-русский билингвизм*, *русско-тюркское двуязычие* / *тюркско-русское двуязычие*, *русско-*(название одного из языков РФ тюркской группы) *билингвизм* / (название одного из языков РФ тюркской группы)-*русский билингвизм*, а также запросы, основанные на регулярных выражениях «билингвизм AND русский язык AND название одного из языков РФ тюркской группы», «интерференция AND тюркские языки AND русский язык», «языковое контактирование AND тюркские языки AND русский язык», «языковые контакты AND тюркские языки AND русский язык».

В результате ручного поиска и обработки (Elibrary и Cyberleninka не позволяют формировать автоматически таблицы библиометрических данных по запросу) в корпус попало 159 статей. В табличный файл csv мы собрали следующие метаданные по каждой статье: ссылка на электронный ресурс; название статьи; ФИО автора/авторов; тип учреждения, с которым аффилиированы авторы (У — университет, Ш — школа, О — общественные организации, И — исследовательские учреждения); город, где находится учреждение; год издания статьи; количество источников в списке литературы; название журнала; его основная тематика по тематическим категориям РИНЦ; уровень журнала (ВАК, РИНЦ, Scopus, Web of Science), его импакт-фактор по РИНЦ; ключевые слова; аннотация; полный текст статьи.

Второй корпус (далее — корпус2) составили статьи на английском языке, отобранные из англоязычного агрегатора научных публикаций Dimensions[3]. Первоначальной нашей идеей было сравнить, чем отличаются публикации по тюркско-русскому билингвизму в русско- и англоязычных журналах, однако поиск по запросам, аналогичным тем, которые использовались для корпуса русскоязычных статей, не дал результатов — в выдачу попали названия и аннотации на английском языке статей, уже учтенных в нашей русскоязычной выборке. В связи с этим в англоязычной выборке мы решили применить более общие запросы, например: *bilingualism AND Turkic languages*, *bilinguals AND Turkic languages*, *language contact AND Turkic languages*, *Slavic languages AND Turkic languages*. Полученная выборка англоязычных

[1] https://elibrary.ru

[2] https://cyberleninka.ru/

[3] https://www.dimensions.com/

статей применялась в качестве референтного фона, который условно можно назвать «как изучают тюркские языки в билингвальной перспективе в англоязычных исследованиях». За тот же временно́й период, что и статьи в корпусе1 (с 2014 по 2024 г.), общее количество публикаций составило 1453 единицы. Данный корпус стал основой для контрастивного анализа (включая и тематическое моделирование), чтобы увидеть специфику тем, определяющих содержание русскоязычных статей о тюркско-русском двуязычии, на фоне того, зачем и как тюркские языки в целом изучаются в контексте проблем билингвизма в работах зарубежных авторов.

В третий корпус (далее — корпус3) вошли статьи на английском языке из англоязычного агрегатора научных публикаций Dimensions по запросам *bilingualism* и *bilinguals* за 2014—2024 гг. Общий объем корпуса3 составил 5500 статей (по 500 статей по каждому году, отобранных по критерию релевантности (Relevance)).

Таким образом, у нас получилась своего рода «матрешка» из данных: во-первых, это наиболее узкая тема тюркско-русского билингвизма и контактирования русского и тюркских языков — она релевантна преимущественно для российских исследователей; предметная область, выступающая как бы более общим фоном для первой из упомянутых тем, — это исследование за рубежом любых пар языков, включающих тюркские языки в перспективе билингвизма; наконец, третий тип данных охватывает еще более широкую проблематику — изучение билингвизма вообще, безотносительно к тюркским языкам. Цель такого тройственного сравнения — увидеть специфику «внутреннего» взгляда на проблему тюркско-русского билингвизма, сложившуюся в российском научном сообществе, на фоне работ по тюркско-национальному билингвизму в других языковых парах, чтобы затем сравнить эти исследовательские оптики не только между собой, но и с самыми общими трендами билингвальных исследований и ответить на вопрос, насколько специфичны в целом исследования тюркско-русского и тюркско-национального двуязычия.

Дальнейший анализ выполнен в рамках парадигмы библиометрических исследований. Библиометрия занимается «изучением документов на основе количественного анализа первичных и вторичных источников информации с помощью формализованных методов с целью получения данных об эффективности, динамике, структуре и закономерностях развития исследуемых областей» [Фокеев 2008: 49]. В качестве ведущего метода анализа мы использовали протокол обзора предметного поля (scoping review), цель которого — определение его границ и основных тенденций [Литвинова 2021: 74]. Инструментом для реализации этого метода послужил пакет Bibliomertrix[4] на языке программирования R, успешно апробированный в рамках методологии обзора предметного поля в социальных науках [Aria, Cuccurullo 2017; Aria et al. 2020].

В качестве вспомогательных методов, инкорпорированных в протокол обзора предметного поля, применялись методы компьютерной лингвистики на основе программного пакета R. В частности, был использован метод компьютерного тематического моделирования на основе модели Structural Topic Modeling[5] [Roberts et al. 2014], позволяющий построить тематическую модель коллекции текстовых документов, которая описывает каждый документ дискретным вероятностным распределением на множестве тем, а каждую тему — дискретным вероятностным распределением на множестве слов [Булатов 2020: 14]. В результате применения метода исследователь получает информацию о том, какие неслучайные группы слов встречаются в текстовой коллекции и какой вес та или иная неслучайная группа слов имеет в данном тексте. Кроме того, метод дает возможность кластеризовать тексты по принадлежности к определенной теме.

Результаты

Динамика числа публикаций

На первом этапе анализа обратимся к динамике количества публикаций по годам. На рис. 1 представлена динамика для русскоязычных публикаций из нашей коллекции (корпус1) по тюркско-русскому билингвизму. Визуализация демонстрирует общую тенденцию к росту числа публикаций за интересующий нас период (последние десять лет), однако этот рост имеет скачкообразный характер: небольшие пики наблюдаются в 2015 и 2017 гг., значительные в масштабе данной выборки — в 2019 и 2022 гг. В 2023 г. заметно снижение количества публикаций, что связано с небыстрым процессом индексации статей, а не с их фактическим отсутствием.

[4] https://www.bibliometrix.org/home/

[5] https://www.structuraltopicmodel.com/

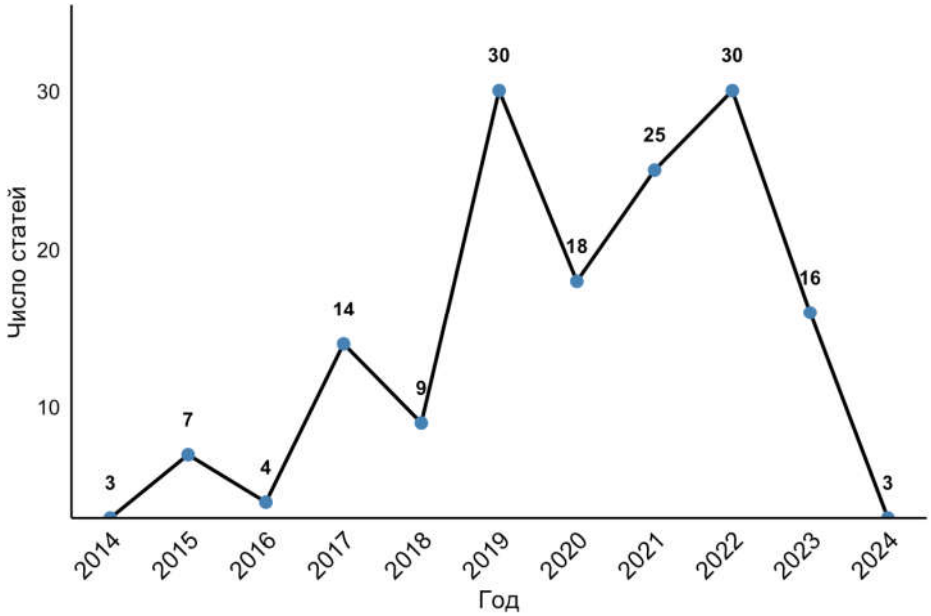


Рис. 1. Динамика количества публикаций по тюркско-русскому билингвизму на русском языке по данным Elibrary и Cyberleninka[6]

Аналогичные тенденции наблюдаем в англоязычных публикациях по тюркско-национальному билингвизму за 2014—2024 гг. (см. рис. 2): первый пик, как и в корпусе русскоязычных публикаций, зафиксирован в 2017 г., следующие — в 2020 и 2022 гг., а затем заметен некоторый спад, вызванный длительным периодом индексации статей.

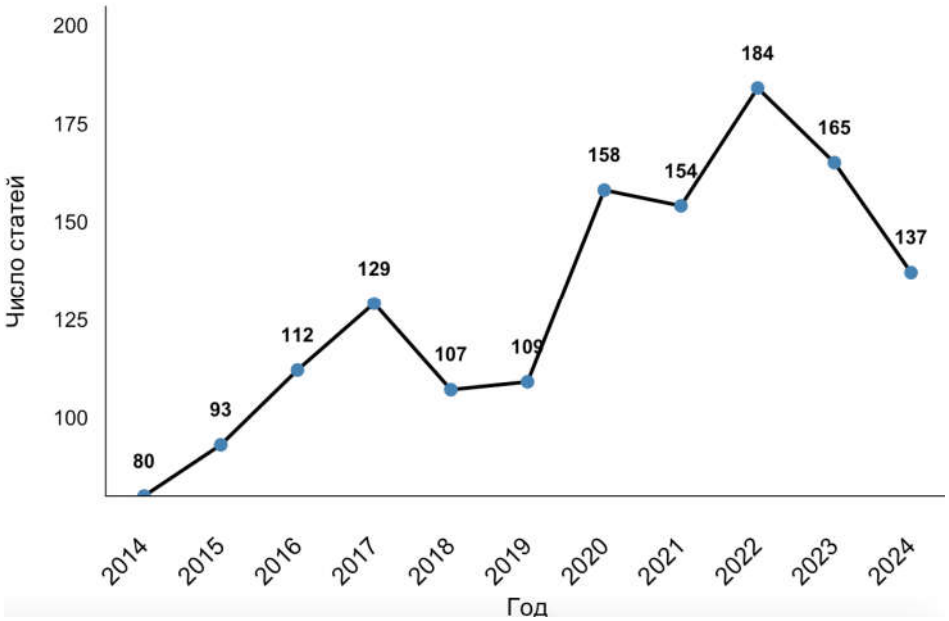


Рис. 2. Динамика количества публикаций по тюркско-национальному билингвизму в англоязычных научных журналах по данным Dimensions

[6] Здесь и в других визуализациях анализируются данные за 2014—2024 гг.

Тематика и уровень журналов

Обратимся к тематике журналов, в которых публикуются русскоязычные статьи по тюркско-русскому билингвизму. Согласно рубрикатору РИНЦ, в основном это журналы, позиционирующие себя как междисциплинарные, затем — журналы по лингвистике, замыкают тройку лидеров журналы по гуманитарным наукам (см. таблицу 1). В журналах по филологии публикации немногочисленны, а по педагогике и социологии — единичны.

В корпусе англоязычных публикаций по тюркско-национальному билингвизму преобладают собственно лингвистические журналы из тематических категорий Language, Communication and Culture, Linguistics, Language Studies. Журналы по психологии, когнитивным наукам и образованию публикуют значительно меньше статей по интересующей нас тематике, чем лингвистические издания.

Таблица 1. Тематика журналов, в которых публикуются русскоязычные статьи по тюркско-русскому билингвизму vs. англоязычные статьи по тюркско-национальному двуязычию

Корпус русскоязычных статей по тюркско-русскому билингвизму		Корпус англоязычных статей по тюркско-национальному билингвизму	
Тематика	Количество статей	Тематика	Количество статей
Междисциплинарная	60	Language, Communication and Culture	454
Лингвистика	44	Linguistics	398
Гуманитарные науки	25	Language Studies	276
Филология	12	Psychology	111
Педагогика	7	Cognitive and Computational Psychology	114
Социология	3	Human Society	37
Язык и литература	9	Education	34
		Biological Psychology	29

По-видимому, тяготение русскоязычных публикаций по данной тематике к общегуманитарным и междисциплинарным журналам обусловлено тем, что в российском исследовательском сообществе либо еще не до конца сформировалось концептуальное понимание того, на какой научной площадке должны обсуждаться проблемы тюркско-русского билингвизма, либо сам уровень статей не позволяет им быть опубликованными в профильных журналах, имеющих высокие входные требования к исследовательским результатам и инструментарию. Можно было бы предположить, что междисциплинарных журналов по гуманитарным наукам зарегистрировано в РИНЦ в целом больше, чем, например, журналов по языкознанию, но это не так — они распределены примерно одинаково: 1137 против 1582 соответственно.

Тем не менее, представляется, что в англоязычном публикационном поле сформировалось ясное понимание того, что билингвизм и языковое контактирование — это лингвистическая проблема, которая может и должна обсуждаться лингвистами и специалистами по межкультурной коммуникации.

Одновременно в качестве ближней периферии формируется площадка, связанная с когнитивными науками и психологией, для которых проблематика тюркско-национального билингвизма оказывается все более интересной.

Анализируя предметное поле, мы стремимся оценить и степень разработанности проблематики. Косвенным показателем хорошей разработанности может служить качество статей, которое, в свою очередь, определяется уровнем журнала.

Обратимся к анализу уровня русскоязычных журналов, публикующих статьи по интересующей нас проблематике. Отметим, что если журнал принадлежит сразу нескольким группам, то он принимается нами в расчет только один раз, входя в подмножество, принадлежащее более высокому рангу: например, если журнал индексируется в РИНЦ и включен в Перечень ВАК, то при подсчетах он относится нами к группе журналов ВАК, если Scopus — то лишь к группе журналов, индексируемых в наукометрической базе данных Scopus. В нашей русскоязычной выборке оказались в основном журналы из Перечня ВАК РФ (см. рис. 3). Второе место занимают статьи в журналах, индексируемых в РИНЦ, но не входящих в Перечень ВАК. Публикаций же в изданиях, индексируемых в зарубежных базах данных и в RSCI, — меньшинство.

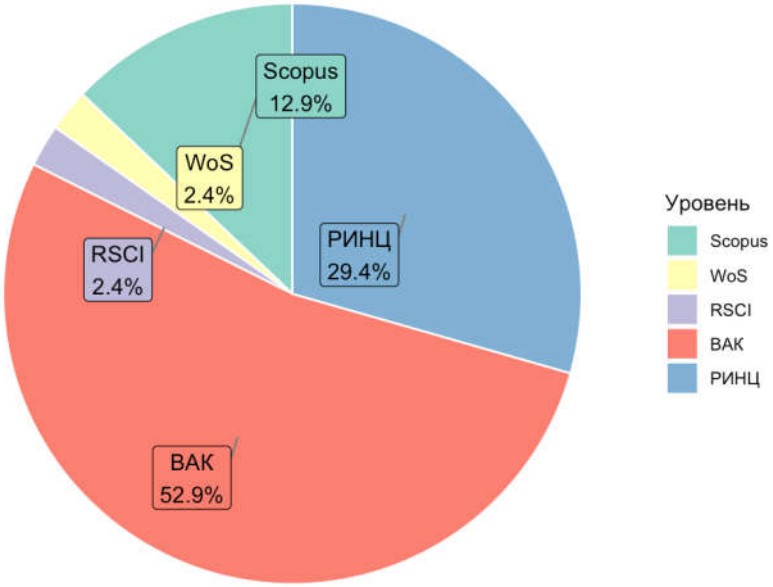


Рис. 3. Распределение журналов, в которых опубликованы статьи по тюркско-русскому билингвизму, по группам (зарубежные базы данных научного цитирования, отечественная, Перечень ВАК)

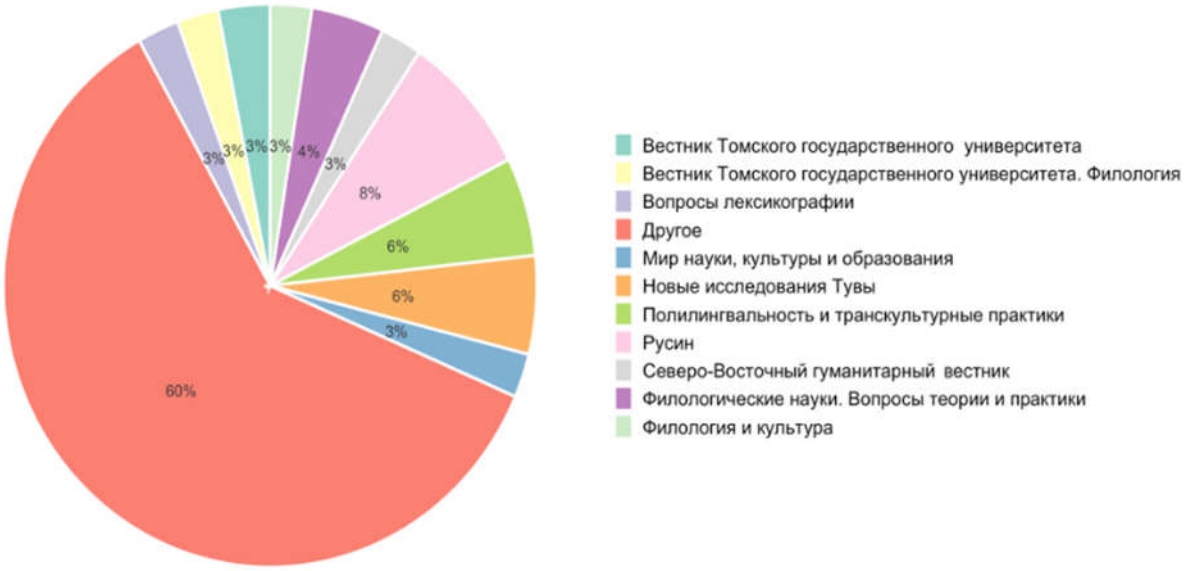


Рис. 4. Распределение русскоязычных публикаций по тюркско-русскому билингвизму по журналам

Если мы посмотрим на топ-10 русскоязычных журналов-лидеров по количеству публикаций (в процентах от общего числа публикаций в выборке) по обсуждаемой тематике (см. рис. 4), то увидим, что это преимущественно высокорейтинговые издания, входящие в RSCI, а также журналы, имеющие хорошие квартили согласно Scimago Journal Rank в своих предметных областях и индексируемые в Scopus: «Русин» (8 %), «Вестник Томского государственного университета. Филология» (3 %) и «Вопросы лексикографии» (3 %) — журналы Q1 в предметной области Literature and Literary Theory; «Новые исследования Тувы» (6 %) — Q1 в предметной области Cultural Studies. «Вестник Томского государственного университета» (3 %) не имеет квартиля, но индексируется в Scopus.

В десятку лидеров попали и журналы уровня ВАК (далее, говоря о рейтинге, мы указываем те категории, где журнал занимает самые высокие позиции). В категории «Языкознание» в рейтинге Science Index за 2023 г. журнал «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (4 %) занимает 34-е место, «Северо-Восточный гуманитарный вестник» (3 %), аффилиированный с ФИЦ «Якутский научный центр» СО РАН — 54-е место; «Филология и культура» (Казанский (Приволжский) федеральный университет) (3 %) — 113-е место; журналы «Мир науки, культуры и образования» и «Полилингвальность и транскультурные практики» занимают 43-е и 38-е места соответственно в категории «Народное образование. Педагогика» (6 %).

Заметим, что журналы-лидеры по публикациям по обсуждаемой тематике оказались таковыми не случайно: часть из них аффилиирована с научными центрами изучения тюркско-русского билингвизма. В Западной Сибири, например, подобным центром является Томский государственный университет — «Вопросы лексикографии», «Вестник ТГУ. Филология», «Вестник ТГУ»; в Якутии — это Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск) (далее — ИГиПМНС СО РАН) и его журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник». Редакционные коллегии других журналов возглавляют специалисты в области языковой политики, культуры тюркских народов, истории полилингвальных регионов, как правило — носители одного из тюркских языков. Например, главный редактор журнала «Новые исследования Тувы» — известный специалист в области тувинской культуры Ч. К. Ламажаа, а журналом «Полилингвальность и транслингвальные практики» руководит исследователь билингвизма в республиках Южной Сибири профессор У. М. Бахтикиреева.

Часть журналов связана с билингвальными территориями географически: например, «Мир науки, культуры и образования» издается в Горно-Алтайске, а «Филология и культура» — в Казани.

Большинство попавших в выборку статей — 60 % — представляют собой единичные публикации в журналах более низкого эшелона. Это свидетельствует о том, что тематика тюркско-русского билингвизма не является частью их исследовательской повестки, а появление в них статей по указанной теме скорее имеет случайный характер. К тому же подавляющее число журналов из указанных 60 % не индексируются в зарубежных реферативных базах данных и занимают низкие позиции в предметных рейтингах РИНЦ.

Для получения более полной картины мы провели анализ выборки по критерию значения двухгодичного импакт-фактора РИНЦ журналов на момент написания настоящей статьи. Распределение журналов представлено на рис. 5: 25 журналов имеют низкий импакт-фактор (от 0 до 0,3); 28 — средний (от 0,4 до 0,7); 8 — в интервале от 0,8 до 1 и столько же имеют импакт-фактор выше 1.

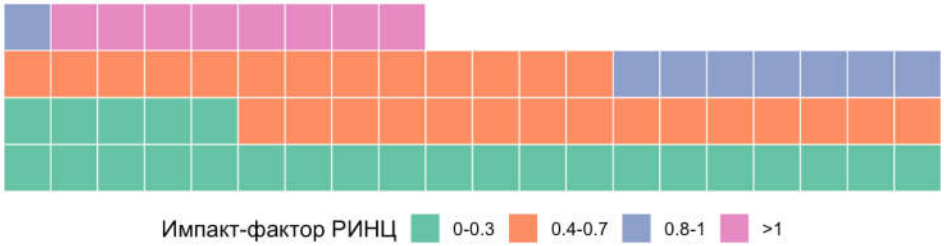


Рис. 5. Распределение русскоязычных журналов, в которых опубликованы статьи по тюркско-русскому билингвизму, по значению импакт-фактора РИНЦ 2024 г. (1 квадрат — 1 журнал)

Что касается зарубежных журналов из нашей выборки, то для того, чтобы проранжировать их, мы использовали значения индексов Хирша по базе Dimensions, которая была источником данных. В выборку попали 105 журналов. На диаграмме (см. рис. 6) показано, что подавляющее число журналов имеет низкий индекс Хирша (0—1), 14 журналов — индекс в интервале <1≥2, только 3 — индекс в интервале <2≥3 («Bilingualism, Language and Cognition», «International Journal of Bilingualism», «Journal of Language Contact») и по одному журналу с индексом в интервалах <3≥4 («Journal of Mother Tongue Education») и <4≥5 («Frontiers in Psychology»). Примечательно, что последние четыре издания, за исключением «Journal of Mother Tongue Education», являются лидерами по количеству публикаций, посвященных тюркско-национальному билингвизму: «International Journal of Bilingualism» (49 статей), «Bilingualism Language and Cognition» (23), «Frontiers in Psychology» (17), «International Journal of Bilingual Education and Bilingualism» (13), «Journal of Language Contact» (11).

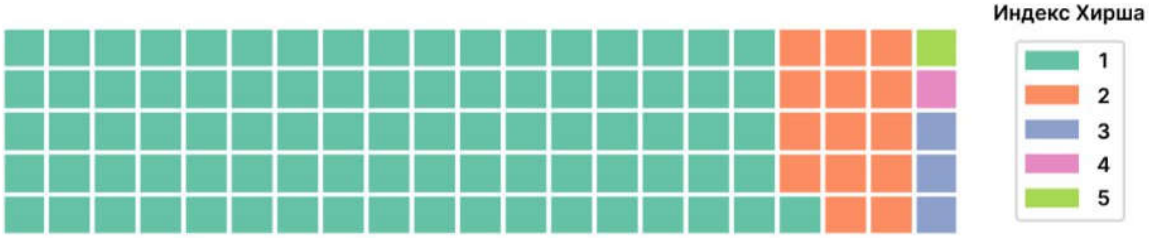


Рис. 6. Распределение англоязычных журналов, в которых опубликованы статьи по тюркско-национальному билингвизму, по значению индекса Хирша (Dimensions)

Таким образом, распределение англоязычных журналов из выборки демонстрирует, что статьи билингвальной тематики, включающей тюркские языки, нечасто публикуются в журналах с высоким индексом Хирша по базе Dimensions, но если это происходит, то публикация появляется в специализированных изданиях по проблемам изучения билингвизма. Интересно, что «Journal of Mother Tongue Education» издается в Турции, тогда как все остальные журналы данной категории — в европейских странах и в США.

Отечественные же журналы, не будучи специализированными по проблематике билингвизма, показывают в целом неплохие средние значения импакт-фактора РИНЦ, а некоторые из них относятся к категории высоких. Вместе с тем, несомненно, что значения индекса Хирша по Dimensions (или любой другой зарубежной базе данных) имеют больший вес, чем импакт-фактор РИНЦ, поскольку объективный уровень журналов, индексируемых в первой и во второй базах, несопоставим.

Образовательные и научные институции, их географическое положение

Обратимся к типам учреждений, с которыми аффилиируют себя авторы публикаций по интересующей нас тематике. Так, в корпусе1 большинство статей написаны сотрудниками и преподавателями университетов — 132; 18 статей — сотрудниками специализированных научно-исследовательских учреждений; 7 — в соавторстве сотрудником университета и научным сотрудником исследовательского института; 1 статья написана в соавторстве сотрудником университета и школьным учителем; 1 — коллективом, состоящим из преподавателя университета, сотрудника научно-исследовательского института и представителя общественной организации; 1 — представителем общественной организации. Таким образом, можно резюмировать, что проблема тюркско-русского билингвизма интересует прежде всего исследователей (в университетах или научно-исследовательских институтах), участие школьных преподавателей и языковых активистов в научной публикационной деятельности по данной тематике носит единичный характер.

Среди университетов, с которыми аффилированы авторы статей по тюркско-русскому билингвизму, лидируют институции, уже в силу своего местоположения в одном из би- или полилингвальных субъектов Российской Федерации вовлеченные в данную проблематику (см. рис. 7). Так, Томский государственный университет, имея вековую традицию изучения языков коренных народов Западной Сибири, благодаря нескольким поддержанным государственным финансированием проектам[7] в 2017—2020 гг. сосредоточился на изучении психолингвистических и когнитивных аспектов влияния родных языков шорцев, татар, телеутов на функциональные характеристики категорий русского языка в их языковом опыте [Буб, Резанова 2018; Резанова и др. 2018]. Преподаватели и сотрудники Тувинского государственного университета активно занимаются изучением социолингвистической специфики контактирования русского и тувинского языков в Республике Тыва [Цыбенова 2018; Донгак 2020], а также выявлением значений психолингвистических параметров тувинских и русских слов (возраст усвоения слова, субъективная частотность, представимость и др.) в языковом сознании и ментальном лексиконе тувинско-русских билингвов [Натпит 2022а; 2022б] с целью создания соответствующей базы данных. Третий по количеству публикаций на обсуждаемую тему университет — Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. В рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» под руководством профессора Чикагского университета Л. Гренобль в СВФУ была открыта лаборатория «Лингвистической экологии Арктики», исследователи которой сосредоточились на изучении процессов взаимного приспособления и сосуществования на одной общей территории русского, якутского и долганского языков [Ефремова 2019; Никифорова, Попова 2021]. Сотрудники Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, представляющие преимущественно научную школу Т. Г. Боргояковой, занимаются описанием специфики софункционирования государственных языков на территории республик Южной Сибири и происходящего там языкового сдвига [Боргоякова, Гусейнова 2021]. Исследователи Башкирского государственного университета и Казанского федерального университета фокусируются преимущественно на процессах языковой и культурной интерференции на билингвальных территориях республик Башкортостан и Татарстан [Саитбатталов, Саяхова 2016; Галиуллина 2023]. В Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал) работает исследовательская группа (рук. А. В. Колмогорова), изучающая специфику восприятия и когнитивной обработки тувинско-русскими билингвами эмоциональных текстов на русском языке [Колмогорова, Маликова 2022а; 2022б]. Исследования с применением компьютерных методов детектирования эмоций в тек-

[7] Например, государственное задание Минобрнауки России (проект № 34.8609.2017/9.10).

стах демонстрируют, что хотя билингвы и монолингвы, оценивая эмоции, выраженные в текстах, одинаково оценивают первичные эмоции, их оценки вторичных эмоций статистически значимо различаются.

Несколькими статьями представлены Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Стоит отметить, что четвертую позицию в импровизированном рейтинге учреждений образования и науки, в которых уделяется внимание проблематике тюркско-русского билингвизма (см. рис. 7), занимает зарубежный университет — Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент). Основная тематика — межязыковая интерференция в ситуации билингвизма, а единственный автор — Маханбет Джусупов, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка.

Среди научно-исследовательских институций в нашем тематическом датасете представлены в основном учреждения, находящиеся в полилингвальных регионах, где распространены тюркские языки: ИГиПМНС СО РАН, Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации (Якутск), Институт развития образования Республики Башкортостан (Уфа), Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутск), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл), Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ, Абакан), Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (Абакан).

С этой точки зрения исключение составляет Институт языкознания РАН (далее — ИЯ РАН), расположенный в Москве.

Наибольшим числом публикаций в нашей выборке по тюркско-русскому билингвизму представлены ИГиПМНС СО РАН (5 статей) и ИЯ РАН (7 статей). Сотрудники ИГиПМНС СО РАН уделяют особое внимание проблеме раннего двуязычия, процессам речепорождения и понимания речи у школьников в условиях якутско-русского двуязычия в коммуникативном пространстве Республики Саха (Якутия) [Иванова 2020; Иванова, Никитина 2023]. Исследователи ИЯ РАН анализируют преимущественно вопросы тюркско-русского двуязычия в контексте описания языковых ситуаций в тех субъектах Российской Федерации (Тыва, Башкортостан, Бурятия и др.), где одним из национальных и официальных языков является язык тюркской семьи [Кожемякина 2021; Биткеева, Цыбенова 2022]. Значительное для данной выборки число публикаций ИЯ РАН связано с работой Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, функционирующего в структуре организации.

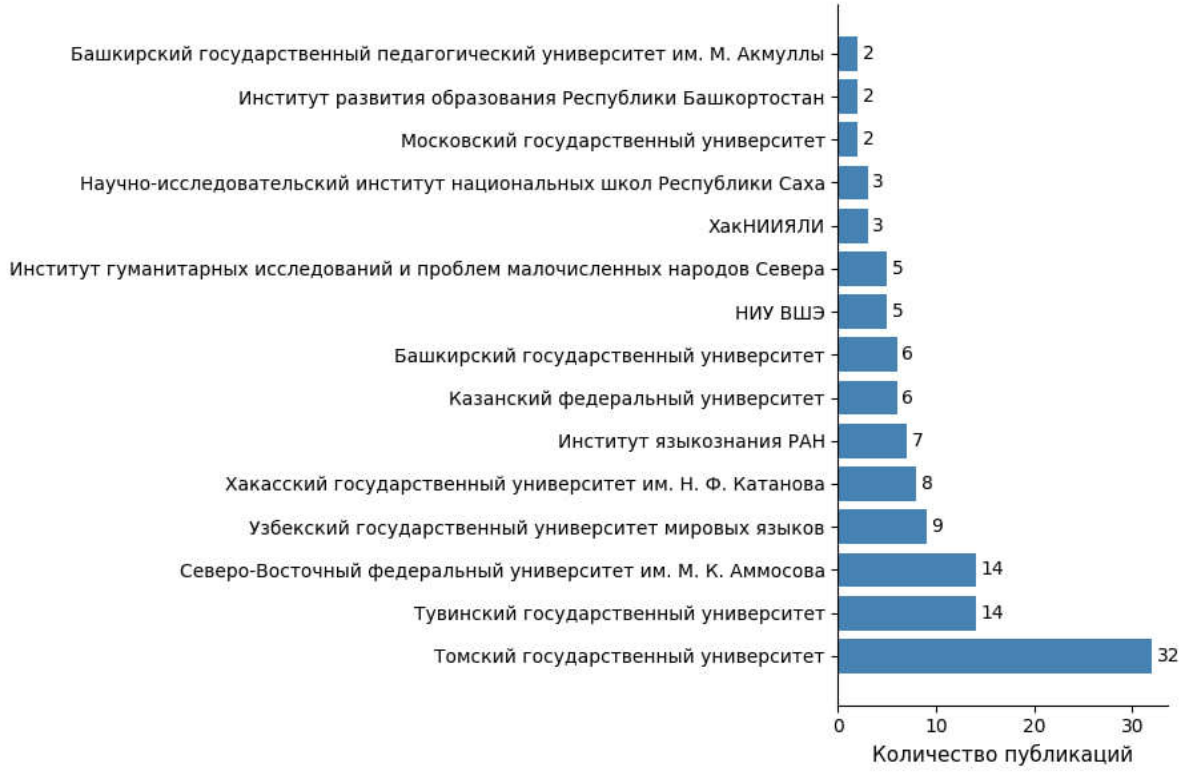


Рис. 7. Распределение публикаций по тюркско-русскому билингвизму по образовательным и научно-исследовательским учреждениям

Географическое распределение исследований в общем тесно связано с вышеописанными учреждениями, с которыми аффилиируют себя авторы. Лидирующие позиции занимают такие города Российской Федерации, как Томск, Якутск, Москва, Кызыл, Абакан, Уфа, Казань, Санкт-Петербург, Улан-Удэ. Отдельно можно выделить города, находящиеся на территории тюркоговорящих стран СНГ: Ташкент (11[8]), Ургенч (1) — Узбекистан; Бишкек (2), Джалал-Абад (1), Ош (2), Талас (1) — Кыргызстан; Актобе (1), Нур-Султан (2) — Казахстан.

Что касается англоязычных статей по тюркско-национальному билингвизму (корпус2), то их авторы аффилиированы в наибольшей степени с университетами (1430), в меньшей — с научно-исследовательскими институтами (15), 2 публикации написаны школьными учителями, 4 — независимыми исследователями и 2 — представителями бизнес-компаний.

Поскольку двух последних категорий авторов не было в нашей русскоязычной выборке (корпус1), мы посмотрели, какие тематики освещаются в их статьях.

Так, например, сотрудники Центра оценки и развития компетенций AC/SE на Кубе [Cabrera et al. 2016] интересуются национальным, языковым и гендерным составом кубинской диаспоры выходцев из республик бывшего Советского Союза. В частности, отмечается представленность тюркоязычных мигрантов из Азербайджана, Киргизии, Казахстана. А представители Американского общества инженерного образования (American Society For Engineering Education) с соавторами рассматривают проявления нехарактерного для романских языков способа образования форм настоящего совершенного времени в Андских диалектах испанского в ряде стран Латинской Америки как следствие контактирования с тюркскими языками [Escobar, Roy 2022].

Независимые исследователи проявляют интерес к тем изменениям, которые произошли в геополитике и языковой политике тюркоязычных республик после распада СССР [Jelen et al. 2020; Agadjanian, Nedoluzhko 2021; Auyeskhan 2023].

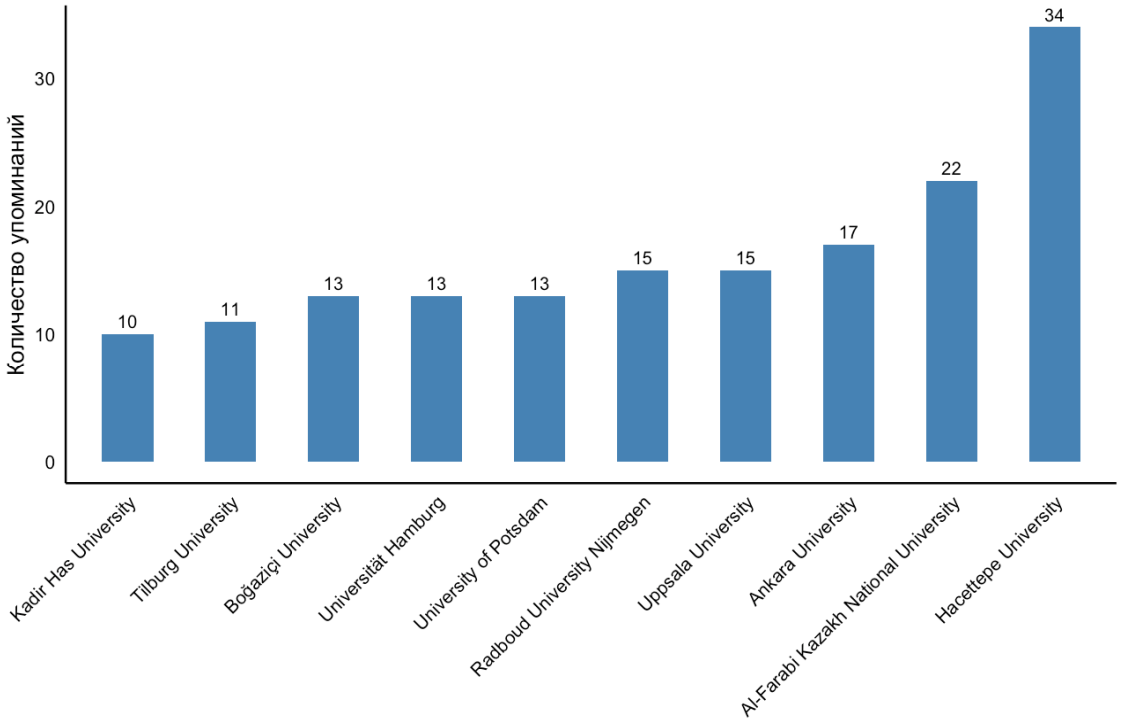


Рис. 8. Топ-10 университетов-лидеров по числу публикаций по тюркско-национальному билингвизму в корпусе2

Поскольку институциями-лидерами по числу публикаций по интересующей нас теме в корпусе2 являются, как и в выборке русскоязычных статей, университеты, мы составили их рейтинг (см. рис. 8). Предсказуемо на 1-м месте находится Университет Хаджеттепе в Анкаре, Университет Анкары занимает 3-ю позицию в списке, Босфорский университет — 8-ю, а Университет Кадир-Хас — 10-ю. В топ-10 хорошую видимость имеют университеты Северной и Центральной Европы: 4-е место в рейтинге у Уппсальского университета (Швеция), 5-е — у университета Неймегена, 9-е — у Тилбургского университета

[8] Здесь и далее в скобках указывается количество статей.

(Нидерланды), 6-е и 7-е — у Потсдамского и Гамбургского университетов (Германия) соответственно. Из отечественных университетов в топ-10 не попал ни один. Второе место занимает Казахский Национальный университет им. аль-Фараби.

На рис. 9—10 показано распределение всех публикаций в корпусе2 по странам: тройка лидеров — Турция, Германия и Россия, пятерку замыкают США и Нидерланды.

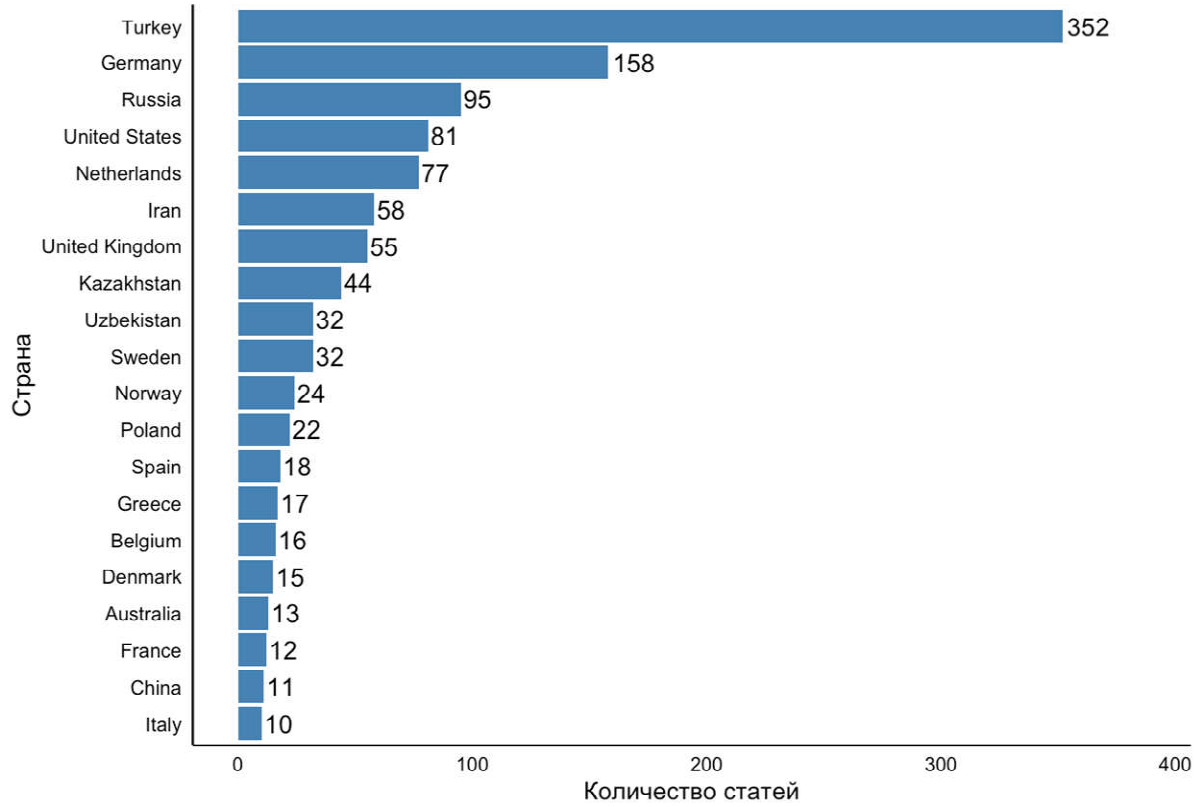


Рис. 9. Список стран-лидеров по публикационной активности по теме тюркско-национального билингвизма в корпусе2

Позиции Великобритании и США в нашем рейтинге не вызывают удивления и, возможно, не связаны с каким-то особым интересом к вопросам тюркско-национального билингвизма — данные страны лидируют по публикационной активности в целом, практически независимо от тематики. А вот наличие в пятерке первых Турции, Германии, России и Нидерландов, как представляется, связано именно с интересом к проблематике тюркско-национального билингвизма: Россия и Турция непосредственно вовлечены в нее как территории, на которых проживает автохтонное тюркоязычное население, а Германия и Нидерланды — как государства, принимающие большое количество тюркоязычных мигрантов и сталкивающиеся с проблемами их адаптации в новом социуме. Однако по поводу статей российских авторов стоит уточнить: 93 работы, которые оказались в выборке, действительно проиндексированы в Dimensions, но большая часть из них была опубликована на английском языке в отечественных журналах или журналах, издаваемых в странах СНГ. Статей отечественных авторов, опубликованных в высокорейтинговых англоязычных журналах, немного и их можно перечислить: это статья Н. Добрушиной о влиянии азербайджанского языка на восточно-кавказские языки на билингвальных территориях [Dobrushina 2017] в «International Journal of Bilingualism»; в этом же журнале несколько позже вышла статья М. Пупыниной и Н. Араловой [Pupynina, Aralova 2021] о феномене мультилингвальности в долине реки Колыма (среди анализируемых языков присутствует якутский как один из тюркских языков). В 2019 г. журнал «Language contact» опубликовал статью М. С. Морозовой о влиянии контактов со славянскими и тюркскими языками на диалект жителей области Мрковичи в Черногории. В частности, отмечается факт многочисленных заимствований терминов родства из турецкого языка, в XVI—XIX вв. вошедших в диалект в силу выраженной билингвальности территории [Morozova 2019].

На рис. 10 отражена частота аффилиаций с различными странами авторов статей по всей выборке.

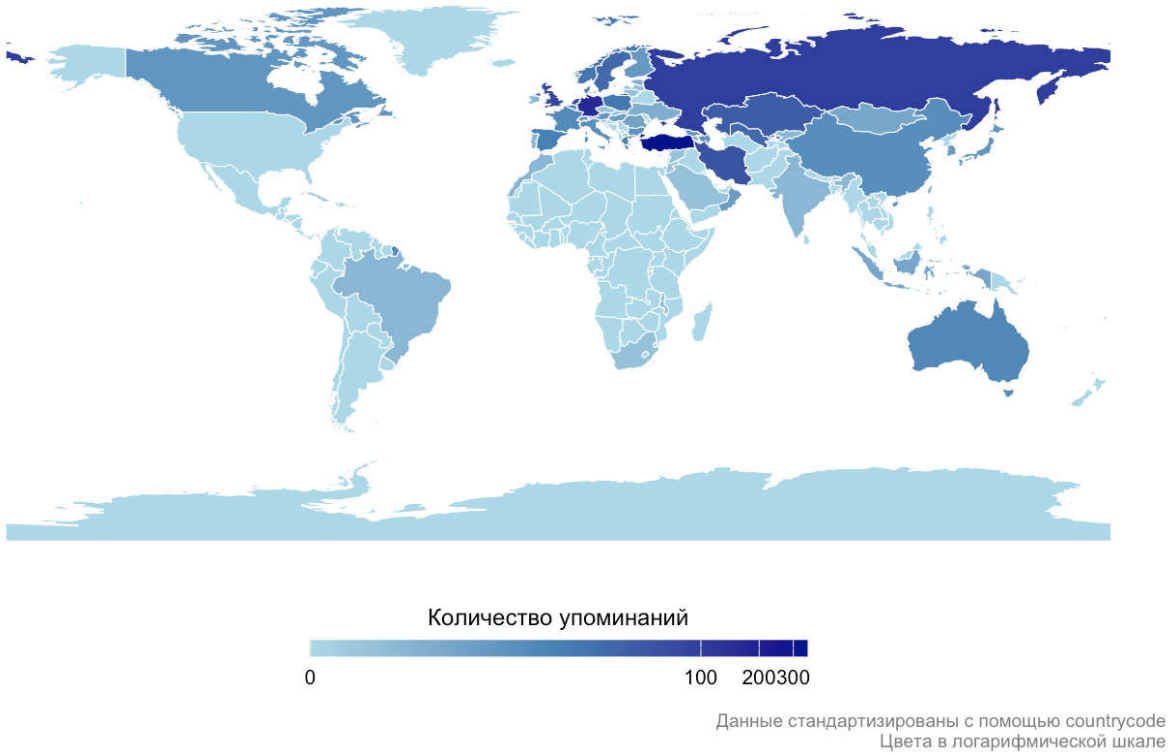


Рис. 10. Карта стран-лидеров по публикационной активности по теме тюркско-национального билингвизма в корпусе2

Динамика тем по годам в контрастивной перспективе

Следующим этапом анализа стало компьютерное тематическое моделирование на основе корпусов статей нашего датасета. Несомненно, тематика статей хорошо просматривается в их названиях, аннотациях и ключевых словах. Однако, во-первых, на выбор лексического оформления трех обязательных рубрик научной статьи влияют формат издания, правила базы данных, в которой будет проиндексирована публикация, и ряд других факторов; во-вторых, при экспертном формулировании тем большое значение имеют уже сложившиеся в экспертном сообществе, например в практиках рецензирования, оппонирования и т. д., паттерны смыслоизвлечения.

Компьютерная же модель извлекает статистически значимые и неслучайные для всей коллекции текстов слова (термы), кластеризует их по принципу расстояния между векторами каждого из слов, превращая в группы лемм или словоформ (в зависимости от того, проводилась ли лемматизация на этапе текстовой предобработки или нет), объединенных по смыслу. Такие объединения и образуют то, что в рамках данной методологии принято называть темами или топиками [Nikolenko et al. 2017; Jacobs, Tschötschel 2019; Grootendorst 2022].

На этапе предобработки текстовой коллекции мы провели токенизацию данных, привели все токены к нижнему регистру, исключили так называемые стоп-слова, в список которых вошли не только предлоги, частицы и наиболее частотные личные местоимения, но и высокочастотные для всех текстов полнозначные слова (например, для русскоязычных текстов это *статья*, *публикация*, *исследование*, *предмет*, *задача*, *цель*, *объект*, *актуальность*, *новизна*, *методы*, *методология* и некоторые другие). Такая предварительная работа по очистке данных позволила избежать «зашумления» результатов высокочастотными, но не специфичными словами. Было проведено два эксперимента: тематическое моделирование без лемматизации и с лемматизацией. Результаты получились близкими, но после предварительной лемматизации списки термов выглядели несколько более интерпретируемыми, поэтому в текст статьи включен именно такой вариант.

Использование пакета Structural Topic Modeling (далее — STM) на языке R позволило нам не только выявить темы, но и посчитать их вес на шкале временно́й динамики. Поскольку наши данные содержали метаинформацию о годе публикации статьи, мы смогли визуализировать корпус публикаций каждого года в форме цветового столбца. Разные цветовые отрезки внутри столбца — это разные темы. Размер цветового отрезка коррелирует с важностью или весом данной темы для коллекции (см. рис. 12—14). Для

того чтобы принять решение о количестве тем, которые будет искать модель в русскоязычной текстовой коллекции, мы воспользовались четырьмя диагностическими метриками, предлагаемыми пакетом STM (рис. 11): Held-Out Likelihood, Residuals, Semantic coherence, Lower Bound. Для двух корпусов данных (корпус1 и корпус2) метрики указывают на то, что резкое снижение качества извлекаемых тем прогнозируется при количестве тем больше 10, поэтому было выбрано именно это число тем для всех трех корпусов.

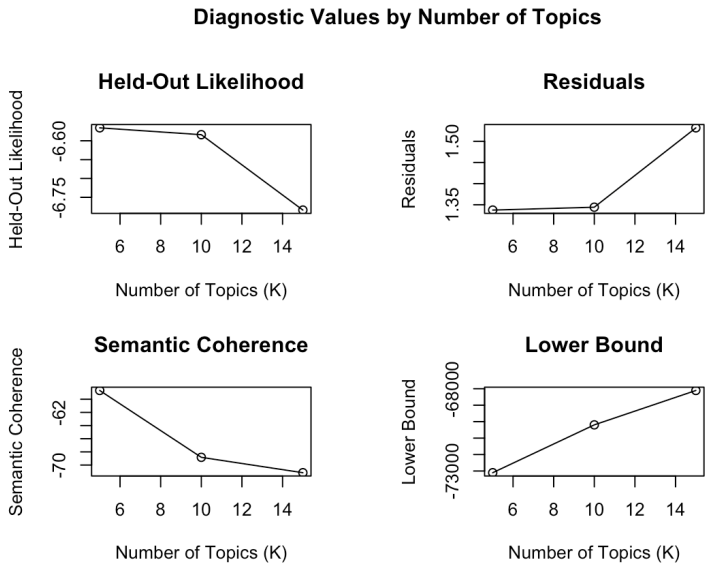


Рис. 11. Значения четырех диагностических метрик для выбора оптимального количества тем при тематическом моделировании на выборке статей по русско-тюркскому билингвизму

Рассмотрим динамику тем наиболее специфического корпуса (корпус1) из русскоязычных статей по тюркско-русскому билингвизму (159 статей). Для тематического моделирования на данной коллекции текстов мы задали следующий набор параметров: количество тем — 10, количество термов в каждой теме — 20, количество обходов, которые делает компьютерная модель по коллекции текстов для выделения тем, — 500. Для тематического моделирования других двух корпусов использовались те же параметры.

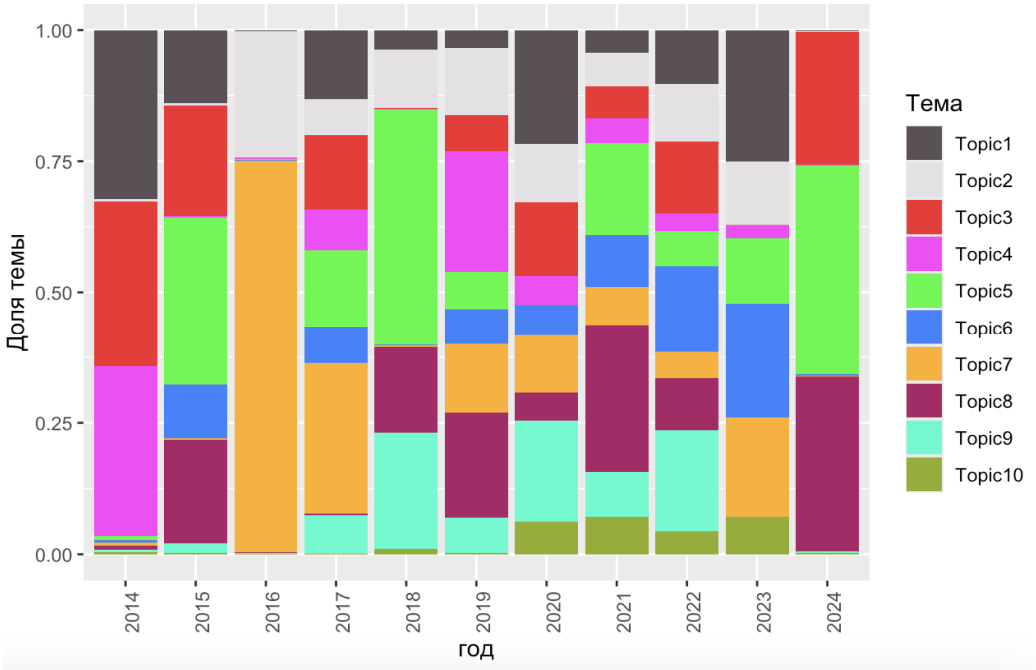


Рис. 12. Распределение и вес тем по годам в выборке статей по тюркско-русскому билингвизму в корпусе1

В результате тематического моделирования на основе материалов корпуса1 мы получили группы термов для каждой из 10 тем (см. таблицу 2). Отметим, что, анализируя результаты, далее по тексту мы опирались на выдачу термов, релевантных по метрике FREX (Frequency + Exclusivity — сочетание значимости и исключительности данного терма для всей темы): чем ближе терм к началу списка, тем выше его метрика FREX. Для того чтобы сформулировать метку темы, т. е. общую мысль, объединяющую все слова (термы), выявленные алгоритмом как релевантные для данной текстовой коллекции и связанные друг с другом, мы использовали метод экспертной оценки: четыре лингвиста, прочитав группы термов, формулировали свою метку каждой темы, а затем в обсуждении гармонизировали каждую из них так, чтобы сформулировать один вариант, с которым бы согласился каждый (см. таблицу 2).

Таблица 2. Метки тем и термы по результатам применения пакета STM к корпусу1[9]

Тема №	Метка темы	Термы
1	Межкультурная коммуникация в ситуации татарско-русского билингвизма	культура, формирование, социум, психообраз, семья, индивид, бикультурный, символ, русско_татарский, основа, компетенция, татарско_русский, умение, прием, работа, межкультурный, предмет, коммуникация, культурный, многоязычие
2	Усвоение языка детьми, тюркско-русскими билингвами, в общении со взрослыми	детский, ребенок, отклонение, возраст, игровой, переключение, код, нарратив, дошкольный, смешение, слово, дискурсивный, ранний, речевой_стандарт, источник, явление, параметр, речевой, речь, мать
3	Экспериментальное исследование специфики когнитивной обработки слов родного и второго языка тюркско-русскими билингвами	биномиал, порядок_слово, эксперимент, диалект, обработка, носитель_язык, хакасский_язык, республика_саха_якутия, когнитивный, текст, частотность, скорость, эмоция, полилингвизм, эмоциональный, группа, аннотирование, население, критерий, миллисекунда
4	Обучение профильным предметам в якутско-русских классах	математический, химический, подготовка, обучение, школьник, профессиональный, компетентность, учитель, якутский_язык, урок, студент, будущий, технология, олимпиада, младший, литература, формирования, уровень_владение, школа, билингвальный
5	Корпусные исследования отклонений от речевого стандарта в речи тюркско-русских билингвов на русском языке	русский_язык, система, место, полилингвальный, социокультурный, отклонение_от_речевой_стандарт, город, возрастной, модель, синтаксический, нарушение, проект, проживание, лексический, языковой_корпус, область, характер, регион, разметка
6	Психолингвистические исследования языкового сознания монолингвов и тюркско-русских билингвов	киргизский, перевод, заимствование, корпусный, психолингвистический_параметр, латиница, билингв, языковой_сознание, метаязыковой, монолингв, экспериментальный, культура, серия_эксперимент, когнитивный_обработка, рефлексия, шорский, грант, кириллица, латинизированный, лингвографический
7	Обучение носителей тюркских языков русскому языку как иностранному	фактор, конкуренция, тюркизм, миноритарный, семантика, мотивационный, лексика, иноязычный, иностранный_язык, лексический, изучение, языковой, социокультурный, интенция, предиктор, узбекистанец, тюрко_русский, контактирование, русская_речь, обучение
8	Речевая интерференция у крымскотатарско-русских билингвов	грамматический, влияние, явление, цивилизационный, категория_род, пространство, отрицательный, род, возникновение, ошибка, взаимодействие, двуязычие, крымскотатарский, второй_язык, положение, появление_интерференция, вид, доминировать, интерференция, билингв
9	Языковая ситуация в республиках Южной Сибири	титульный, регион, этноязыковой, южный_сибирь, установка, этнос, широкий, статус, этноязыковой, общность, российский_федерация, экстралингвистический, государственный_язык, функция, основание, среди_говорящий, республика, этнический, население, трансграничный
10	Изучение языкового сдвига в республике Тыва	тувинский_язык, позитивный, языковой_сдвиг, республика_тыва, тувинский, сеть, метакогнитивный, коллективный, витальность, активный, цифровой, поведение, демографический, дискурс, обсуждение, показатель, тувинец, родной_язык, республика, социальный

[9] Здесь и далее термы приводятся в том виде, в котором они выдаются алгоритмом, — все слова приведены к нижнему регистру, а n-граммы даются с использованием нижнего подчеркивания.

Обратившись к диаграмме на рис. 12, мы увидим, какой вес имеет каждая из 10 выделенных тем в подкорпусе статей нашей выборки, относящихся к тому или иному году за период с 2014 по 2024 г. Итак, в 2014—2016 гг. статей по тюркско-русскому билингвизму в выборке немного, как, соответственно, и тем: 3—4 за каждый год. Важно, что они незначительно пересекаются в разные годы: в 2014 г. это темы 1 «Межкультурная коммуникация в ситуации татарско-русского билингвизма», 3 «Обучение профильным предметам в билингвальных (якутско-русских) классах»; в 2015 г. — кроме тем 1 и 3, это темы 5 «Корпусные исследования отклонений от речевого стандарта в речи тюркско-русских билингвов на русском языке», 6 «Психолингвистические исследования языкового сознания монолингвов и тюркско-русских билингвов», 8 «Речевая интерференция у крымскотатарско-русских билингвов»; в 2016 г. тем всего две: 2 «Усвоение языка детьми тюркско-русскими билингвами в общении со взрослыми» и 7 «Обучение носителей тюркских языков русскому языку как иностранному».

Тема 9 «Языковая ситуация в республиках Южной Сибири» впервые появляется в 2015 г., но сходит на нет в 2022 г. Однако в 2018 г. возникает близкая ей тема 10 «Изучение языкового сдвига в Республике Тыва», и ее доля увеличивается в последующие годы. Эта тенденция не случайна: 7 апреля 2017 г. постановлением № 52 Правительства Республики Тыва была утверждена государственная Программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017—2020 гг.»[10]. В ее реализацию активно включились исследовательские учреждения Тувы и Тувинский государственный университет, а также Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям ИЯ РАН и Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, а основной площадкой обсуждения стал журнал «Новые исследования Тувы». Так, в период с 2020 по 2023 г. в этом журнале выходят три тематические статьи [Боргоякова, Биткеева 2020; Биткеева, Цыбенова 2022; Боргоякова, Биткеева 2023], в которых авторы констатируют увеличение доли тувинцев, не владеющих свободно родным языком, но сохраняющих лояльность к нему, а также анализируют потенциальную эффективность мер, зафиксированных в Программе развития тувинского языка для замедления языкового сдвига в Туве.

В 2022 г. был опубликован тематический номер «Республика Тыва: социолингвистический портрет в этноязыковой палитре России», редакторами которого выступили А. Н. Биткеева (ИЯ РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) и С. С. Товуу (Институт развития национальной школы Республики Тыва). Тема языкового сдвига в билингвальном пространстве Тувы стала его главным сюжетом.

В период с 2017 по 2023 г. количество тем увеличивается и в выборке за каждый год: как правило, представлены все 10 тем. Мы остановимся только на повторяющихся темах с наибольшим весом, а также на динамических тенденциях в тематическом диапазоне.

Так, с 2018 по 2023 г. постепенно увеличивается доля темы 6, раскрываемая в работах авторов из НИУ ВШЭ и ТГУ.

Надо отметить, что доля «дидактических тем» (2, 4 и 7), связанных со спецификой обучения родному и неродному языку взрослых и детей в условиях тюркско-русского билингвизма, невелика, но стабильно представлена в каждом временно́м периоде. Это позволяет предположить, что существуют локальные научные коллективы, для которых данная проблематика является устойчивым направлением исследований. В основном эти темы затрагивают группы якутско-русских и узбекско-русских билингвов.

В целом можно наблюдать распределение тем в зависимости от типа билингвизма.

Так, в отличие от якутско-русского и узбекско-русского видов билингвизма, татарско-русский билингвизм преимущественно рассматривается с точки зрения трудностей межкультурной коммуникации и речевой интерференции (темы 1 и 8).

Значимо во всех годах, но с небольшими лакунами в выборке присутствуют темы 3 (нет только в 2023 г.) и 5 (нет в 2020 г.). Обе связаны с исследованиями, проводимыми в лаборатории когнитивных исследований языка ТГУ[11] под руководством З. И. Резановой.

Результаты тематического моделирования в корпусе2 см. на рис.13.

В отличие от русскоязычного корпуса1, распределение и вес тем в корпусе2 (см. рис. 13) практически не меняются с годами, что фактически означает, что в сообществе исследователей сложились некоторые тренды и есть коллективы, которые в долгосрочной перспективе работают над своими тематиками. Так, наибольший вес за все годы анализируемого периода (за исключением 2022—2023 гг.) имеет тема 5, связанная со спецификой овладения нидерландским языком детьми, для которых родным является турецкий (см. таблицу 3). Более детальный анализ показал, что эта тема связана с активной публикацион-

[10] https://mert-tuva.ru/old/directions/programms/gp/31.html

[11] https://cognitio.tsu.ru/team/rezanova/

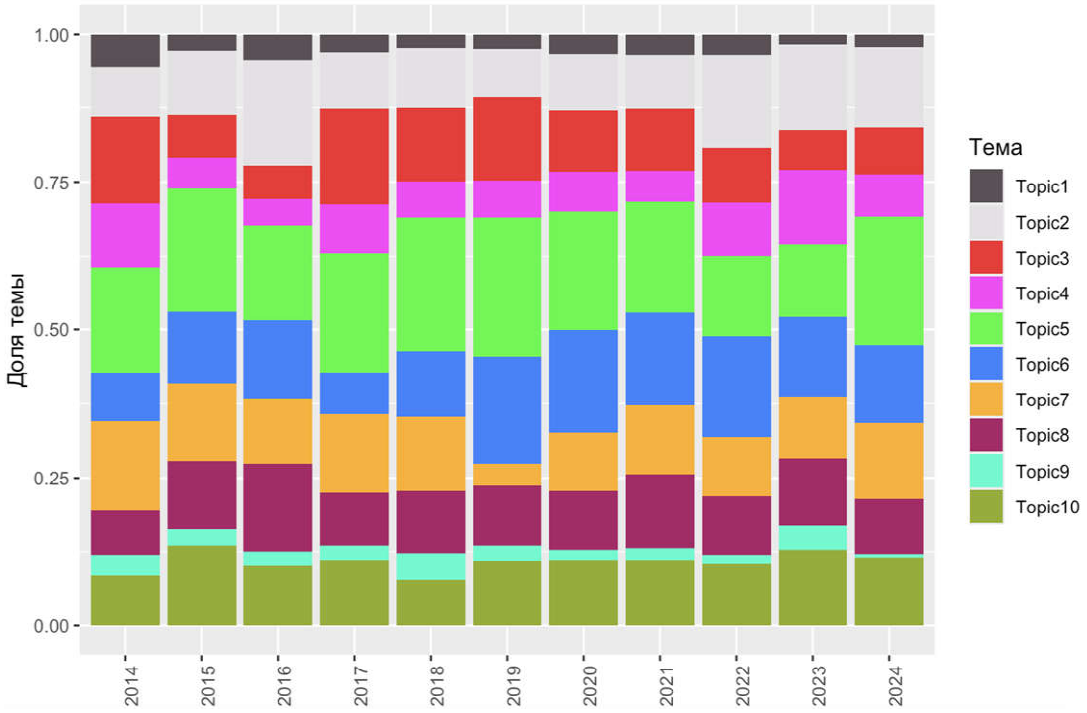


Рис. 13. Распределение и вес тем по годам в выборке англоязычных статей по тюркско-национальному билингвизму в корпусе2

ной деятельностью Э. Блом, профессора департамента развития и воспитания молодежи в мультикультурных сообществах Утрехтского университета (the Department of Development and Education of youth in Diverse Societies (DEEDS) at Utrecht University). Э. Блом последовательно, с 2012 г. по настоящее время, руководит грантовыми проектами, связанными с изучением детского билингвизма в мультилингвальных сообществах. Носители тюркских языков из среды мигрантов также оказались в фокусе внимания Э. Блом и ее научного коллектива [Blom et al. 2024]. Другая стабильная тема, чей вес с каждым годом понемногу увеличивался, — это тема 6, в рамках которой внимание исследователей сосредоточено на изучении влияния регулярных языковых контактов носителей тюркских языков и других языков на лексическую подсистему каждого из них. Изучаются лексические заимствования в речи, происходящие между казахским, английским и русским языками [Madiyeva, Smagulova 2021], тюркскими языками и польским языком [Kortabayeva et al. 2018], долганским и русским языками [Siegl 2020], и т. д. Однако стоит отметить, что доминируют в данной тематике статьи ученых из России или из стран постсоветского пространства, которые публикуются либо в англоязычных отечественных журналах (например, «Russian Journal of Linguistics»), либо в сборниках материалов конференций, проводимых в России, но публикующих статьи участников на коммерческой основе в специальном номере зарубежного издания (например, «Proceeding of Social and Behavioral Sciences»).

Практически в равных долях и равномерно на всем рассматриваемом временно́м периоде встречаются темы 3, 7, 8 и 10. Тема 3 отражает результаты экспериментов с методами машинного и глубинного обучения для создания автоматических переводчиков и параллельных корпусов в парах языков, одним из которых является язык тюркской группы [Öztürk et al. 2023]. Тема 7 отсылает нас к многочисленным экспериментальным исследованиям с участием информантов, тюркско-национальных билингвов, поскольку фокусируется на статистическом инструментарии проверки гипотез и оценки получаемых данных. Тема 8 связана с изучением и описанием результатов контактирования тюркских и других языков, проявляющихся в морфологии и синтаксисе взаимодействующих идиом [Iefremenko et al. 2021]. Наконец, тема 10 возникла в междисциплинарном поле глобальной и региональной истории, в частности истории империй, и фокусируется на положении миноритарных языков в полиэтнических государствах, в том числе в СССР и Российской Федерации. Наблюдается также рост значимости тем 2 и 4 с 2022 по 2024 г. Тема 2 объединяет исследования отношения преимущественно школьников-мигрантов из тюркоязычных стран к своему родному языку и ко второму, как правило, одному из европейских языков [Muyan, Tunaz 2021]. Тема 4 связана с современными методами когнитивных исследований и нейролингвистики применительно и к группам тюркско-национальных билингвов. Самая цитируемая работа по теме (362 цитирования) [Hartshorne et al. 2018] представляет собой масштабное исследование, основан-

ное на компьютерном моделировании данных, полученных в эксперименте с участием более 600 000 носителей английского языка (как первого и как второго). Среди участников эксперимента была и когорта носителей тюркских языков. Авторы делают фундаментальные выводы об оптимальном с точки зрения когнитивных возможностей человека периоде усвоения грамматики любого неродного языка, а также вводят в научный обиход три метрики, определяющие влияние паттернов родного языка на усвоение английского.

Таблица 3. Метки тем и термы по результатам применения пакета STM к корпусу2

Тема №	Метка темы	Термы
1	Second language acquisition in Turkish young bilinguals / Усвоение второго языка у детей-билингвов с первым турецким языком	flexible, acquisition, turkish_russian, longitudinal, construal, front, cross-linguistic_inference, child, strict, england, bilingual_turkish, varied_capacities, simultaneous, experiment_design, kindern, siirt, subject_object_verb, acquire, children, language_acquisition
2	Qualitative and quantitative study on bilingualism in education / Качественные и количественные подходы к анализу билингвизма в образовательной среде	qualitative, turk, mother_tongue, parent, interview, education, maintenance, content_analysis, attitude_towards, semi-structure_interview, live, city, quantitative, survey, bilingualism, sampling, social, academic_year, teacher, obtain
3	Machine Translation for Bilingual Education in Low-Resource Turkic Languages / Машинный перевод для малоресурсных тюркских языков для билингвального образования	low_resource_language, classroom, training, train, international, machine_learning, foster, improve, teaching, project, improvement, teacher, corpus, introduce, machine_translation, practical, achieve, educator, neural_machine_translation, turkic_language
4	Neural mechanisms of speech perception in bilinguals / Нейронные механизмы перцепции речи у билингвов	vowel, proficient, functional_magnetic_resonance_imaging, neural, brain, overlap, consonant, specifically, temporal, network, reliable, across, relative, pronounce, phonetic, sound, listener, dataset, to_be_on_par
5	Impact of language input on second language proficiency in Turkish-Dutch bilingual children / Влияние речевого инпута на уровень владения вторым языком у турецко-нидерландских ранних билингвов	dutch, exposure, turkish_and_dutch, predict, proficiency, children, vocabulary, skill, predictor, bilingual_child, input, ability, peer, narrative, control, monolingual, year_old, performance, advantage, receptive
6	Lexical borrowing and areal influence in Turkic languages and other languages in bilingual territories / Лексические заимствования между тюркскими языками и языками иных языковых семей на билингвальных территориях	turkic, dictionary, borrowing, kazakh, unit, material, modern, dictionary, russian, tatar, slavic, dialect, lexical, borrow, literary, areal, scientific, semantic, lexicographic, territory
7	Validation and reliability analysis of experimental results / Анализ валидности и достоверности экспериментальных результатов	alpha, version, total, validity, questionnaire, anova, cronbach, t-test, item, reliability, valid_reliable, evaluate, translate, psychometric, scale, instrument, female, coefficient, experiment, agreement
8	Overt grammatical marking in Turkic and European languages contact / Способы грамматического маркирования в тюркских и европейских языках в условиях языкового контактирования	marker, evidentiality, morphology, grammatical, typological, overt, code_switching, contact_induce, typologically, indirect, mark, contact, empirical, clause, agreement, grammar, occur, phenomena, turkic, english
9	Refugee education, bilingualism, and health struggles among turkish-speaking asylum seekers / Доступ к образованию, двуязычие и трудности сохранения здоровья среди беженцев, говорящих на турецком языке	autoethnography, blue_collar, asylum, refugee_education, openness, migrant, workplace, refugee, migration, turkish, experience, worker, agency, barrier, health, turkic_people, bilingual, post-soviet, turkic, bilingualism
10	Nation-building vs. minority politics in Turkic languages speaking territories / Формирование нации и политика в отношении меньшинств на территориях с тюркоязычным населением	political, historical, ethnic, western, muslim, republic, scholar, russia, east, minority, kazakhstan, empire, territory, religious, policy, century, nation, tie, power, bilingual

Наконец, мы применили ту же процедуру анализа и к корпусу3, включающему англоязычные статьи по тематике билингвизма в целом.

Темы и термы представлены ниже.

Тема 1: *Bicultural identity / Бикультурная идентичность* (ideas, special_issue, bicultural, cross_cultural_study, ukrainian, psychology, linguistics, article, evolution, human, theoretical, attitudes_toward, cultures, perspective, modern, become, integrative_experiment_design, identity, attitude, psycholinguistics).

Тема 2: *Priming effects in experiments on visual word recognition and semantic processing in L1 and L2* / *Эффекты прайминга в экспериментах с визуальным распознаванием и семантической обработкой слов первого и второго языков* (orthographic, bilingual, orthography, cognate, prime, l2_word (L2_word), valence, lexical_decision_task, pseudoword, semantically_related, cross_language_activation, emotion-laden_word, neutral_word, sub_lexical, semantic_relatedness, priming_effect, noncognates, number_word, negative_word, e_prime_paradigm).

Тема 3: *Cognitive neuroscience of bilingual brain* / *Нейрокогнитивные исследования билингвального мозга* (language_switching, brain_region, bilingual_language_control, switch_costs, gray_matter_volume, switching_costs, brain_activation, anterior, activation, lateralization, language_selection, bilingual_language_ production, prefrontal, prefrontal_cortex, theta, neural_marker_of_conflict_monitoring, resting_state_functional_ connectivity, cerebellum, domain-general_cognitive_control, proactive_control).

Тема 4: *Speech disorders in bilinguals* / *Расстройства речи у билингвов* (stuttering, speech_language_pathologist, speech_and_language_therapist, early_motor_intervention, pubmed, web, bilingual, language_therapy, tutorial, language_problem, scopus, terminology, bother, speech_and_language_therapy, aphasia, frontal_assessment_ battery, teaching, medline, therapy, bilingualism).

Тема 5: *Interdisciplinary approaches to language and health in bilinguals* / *Междисциплинарные исследования языка и здоровья у билингвов* (youth, bilingual, augmentative_and_alternative_communication, health_care, stressor, parenting, nurse, focus_group, mexican-origin, family, care, barrier, low_and_ middle_income_country, family, caregiver, chronic_obstructive_pulmonary_disease, speech_assisted_mobile_interface, health_literacy, physician, pain).

Тема 6: *Auditory speech processing in bilingual infants* / *Слуховая обработка речи у билингвальных младенцев* (listener, noise, vowel, tone, pitch, accent, bilingual_infant, vowel, tone, monolingual_infant, fundamental_frequency, talker, decibels, moral, masker, talk, lexical_tones, speech_recognition, background_noise, normal_hearing).

Тема 7: *Interplay between memory systems and cognitive control in bilinguals* / *Взаимодействие систем памяти и когнитивного контроля у билингвов* (memory, working_memory, cognitive_memory, false, retrieval, statistical_learning, bilingual, semantic_processing, attention, executive_function, episodic_memory, neurotypical, false_discovery_rate, sensory, learning, cognitive_control, associative_sequence_learning, embodied_cognition, patients, control).

Тема 8: *Language and cognitive development in ELL bilingual children* / *Языковое и когнитивное развитие билингвальных детей, изучающих английский язык* (specific_language_impairment, dual_language_learner, kindergarten, typically_ developing, receptive_vocabulary, grades, maternal_education, non_word_repetition, dual_language_learner, bilingual, self-regulation, children_completed, english_language_ learner, vocabulary_skill, mac_arthur_bates_communicative_development_inventory, vocabulary_development, child, head_start, parents_completed, bilingual_children).

Тема 9: *Cognitive Reserve in bilinguals* / *Когнитивный резерв у билингвов* (alzheimer's_ disease, cognitive_reserve, bilingual, mild_cognitive_impairment, cognitive_impairment, bilingualism, reserve, traumatic_ brain_injury, mini_mental_state_examination, boston_naming_test, cognitive, amyloid_beta (Alzheimer's biomarker), brain_reserve, mild, montreal_cognitive_assessment, preterm, false_positive, neurodegeneration, neuropsychological_tests, cognitively_normal).

Тема 10: *Bilinguals with auditory speech perception disorders* / *Билингвы с нарушениями слухового восприятия речи* (listening_conditions, sentences, listeners, speech, noise, perception, code-switching, quiet, cues, co-activation, perceptual, adverse, prepare, listening, predictability, deaf, input, in_noise, gestures, blocks).

Как можно заметить (см. рис. 14), темы на протяжении рассматриваемого временно́го периода распределены ровно — нет ни скачков, ни падений, ни даже явного лидера.

Тем не менее незначительное увеличение веса с каждым годом отмечается у тем 1, 4, 5 и 9. Если 1-я тема связана с субъективным отношением к языкам у самого билингва или у социума, в котором наблюдаются билингвальные тенденции, то остальные три сфокусированы на вопросах когнитивного и речевого здоровья билингвов, а также на тех трудностях, с которыми они сталкиваются в институциональном медицинском дискурсе, в дискурсивных практиках, связанных с социальными службами. Выделяется блок тем (6 и 8), посвященный изучению у детей-билингвов «двойной» языковой способности, кроме

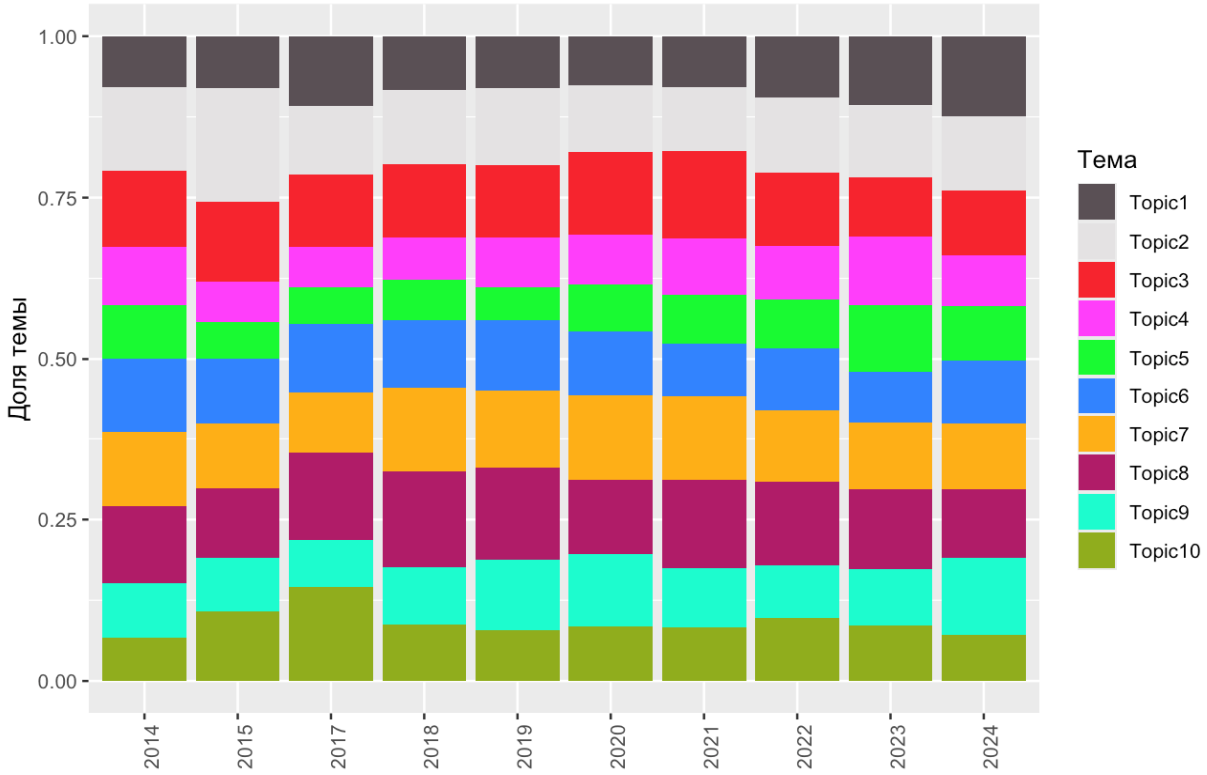


Рис. 14. Распределение и вес тем по годам в выборке англоязычных статей по билингвизму в корпусе3

того, постепенное развитие получает интересная тема — билингвизм особого типа, когда слабослышащий человек владеет жестовым языком и звучащим языком (тема 10). Например, в [Hoffmeister 2022] рассматривается специфика овладения чтением на английском языке детьми, использующими в качестве первого языка жестовый язык.

Обсуждение

Мы намеренно взяли три выборки, которые отличаются по широте охвата проблематики и объему.

Тема тюркско-русского билингвизма оказалась достаточно локальной для российского исследовательского сообщества, поэтому данных за десять лет удалось собрать относительно немного. Тем не менее в последние годы наметился рост числа статей, что, с одной стороны, соответствует общей тенденции к увеличению количества публикаций вообще, а с другой — может косвенно указывать на постепенное усиление интереса к указанной тематике среди отечественных исследователей.

Для того чтобы выявить специфику тематических фокусов, наличие специализированных журналов и их уровень в данной, самой компактной, выборке, характеризующей только одну страну, мы сравнили ее с обширным корпусом работ по теме тюркско-национального билингвизма (например, турецко-английский, казахско-английский и т. д.) в зарубежных англоязычных журналах, индексируемых в Dimensions.

На этом фоне отечественные исследования обнаруживают ряд отличительных тематических черт.

С точки зрения *научно-исследовательской инфраструктуры и публикационных практик* наблюдаем следующую специфику.

Центры изучения тюркско-русского билингвизма (университеты и научно-исследовательские организации) расположены главным образом на билингвальных территориях, где тюркские языки являются автохтонными. Данные центры, как правило, имеют собственные журналы, в которых и публикуются по обсуждаемой тематике преимущественно статьи авторов, аффилированных с этими исследовательскими институциями. Иными словами, существуют устойчивые цепочки: билингвальная территория РФ — научно-исследовательский центр изучения билингвизма — журнал, публикующий статьи по данной теме. Руководители редколлегий этих изданий обычно сами профессионально вовлечены в тематику. Однако значительная доля публикаций выходит не в специализированных лингвистических журналах, а в мультидисциплинарных или общегуманитарных, что может быть связано с недостаточной методологической базой проводимых исследований.

В англоязычном поле «лидерами мнений» по данной тематике выступают в основном университеты, расположенные в Турции или в Северной Европе (исключение, пожалуй, составляет Германия как западноевропейская страна). При этом только один высокорейтинговый журнал аффилиирован с тюркоязычной страной (Турцией), подавляющее же большинство журналов формируют повестку и издаются в США и Западной Европе. Среди них доминируют специализированные лингвистические издания, в то же время растет число публикаций в изданиях из области когнитивных наук.

Тематика отечественных публикаций по обсуждаемой теме а) обнаруживает тесную связь с решениями в области языковой политики, принимаемыми органами власти, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации; б) предопределяется конкретными научными коллективами и их проектами, получившими государственное финансирование, но в некоторых случаях темы могут быть сформированы отдельными активными авторами безотносительно к трендам и государственному заказу. Наблюдается некоторая дифференциация тем в зависимости от конкретного языка, контактирующего с русским: тувинско-русский и хакасско-русский билингвизм обсуждается преимущественно с точки зрения государственной языковой политики, якутско-русский — с позиции подходов к организации обучения в билингвальных классах или более широко — к формированию языковой способности у ранних билингвов, татарско-русский — с точки зрения связи языка и культуры, межкультурных отличий. Отмечается выраженная динамика тем: одни темы «уходят», другие приобретают больший вес. Десять тем, выделенных с помощью компьютерного метода тематического моделирования для русскоязычной выборки, по критерию «исследовательская парадигма» делятся на пять кластеров: 1) исследования билингвизма через призму методологии межкультурной коммуникации (тема 1 «Межкультурная коммуникация в ситуации татарско-русского билингвизма»); 2) экспериментальные исследования языка (темы 3 «Экспериментальное исследование специфики когнитивной обработки слов родного и второго языка тюркско-русскими билингвами» и 6 «Психолингвистические исследования языкового сознания монолингвов и тюркско-русских билингвов»); 3) корпусная лингвистика (тема 5 «Корпусные исследования отклонений от речевого стандарта в речи тюркско-русских билингвов на русском языке»); 4) социолингвистика (темы 9 «Языковая ситуация в республиках Южной Сибири» и 10 «Изучение языкового сдвига в Республике Тыва»); 5) лингводидактика (темы 2, 4, 7, 8) — например, тема 7 «Обучение носителей тюркских языков русскому языку как иностранному».

В англоязычной выборке тематика скорее обусловлена не решениями в области государственной языковой политики, а социальными вызовами, с которыми сталкиваются западноевропейские страны в связи с миграционными процессами: темы 1 и 2 тесно связаны с обучением в европейских школах детей с первым турецким языком («Усвоение второго языка у детей-билингвов с первым турецким языком», «Качественные и количественные подходы к анализу билингвизма в образовательной среде»), а темы 9 и 10 — с социальными, языковыми и идентификационными проблемами тюркоязычных мигрантов в Европе или тюркоязычного населения на постсоветском пространстве («Доступ к образованию, двуязычие и трудности сохранения здоровья среди беженцев, говорящих на турецком языке», «Формирование нации и политика в отношении меньшинств на территориях с тюркоязычным населением»). Что касается лингвистических парадигм, используемых для изучения тюркско-национального билингвизма, то тематическое моделирование позволило выявить одну тему, связанную с лексикографией (тема 6 «Лексические заимствования между тюркскими языками и языками иных языковых семей на билингвальных территориях»), еще одну — с типологией языков и языковым контактированием (тема 8 «Способы грамматического маркирования в тюркских и европейских языках в условиях языкового контактирования»). Еще три темы (4, 5 и 7) формируют кластер когнитивных экспериментальных исследований. В англоязычной выборке темы имеют ровную динамику — резких изменений веса тем с течением времени практически не происходит.

Отечественные исследователи, пишущие на английском языке, присутствуя в англоязычной выборке, редко попадают в высокорейтинговые зарубежные журналы.

Наконец, сопоставление тем статей о тюркско-русском и тюркско-национальном билингвизме с тематическим фоном, извлеченным из выборки по более широкой теме билингвизма, показывает, что проблемы билингвизма в целом как исследовательского предмета изучаются в контексте когнитивных наук и подходов — все темы так или иначе связаны с экспериментальными (аппаратными и не аппаратными) методами, большое внимание уделяется когнитивному и речевому здоровью у билингвов на фоне монолингвов, вопросам специфики реализации когнитивного резерва у билингвов в случае нарушения нормального функционирования мозга и речевой способности, а также перцепции речи у билингвальных детей в период ее становления. Лишь две темы касаются социально острых проблем, опосредованно затрагивающих миграционные процессы, — темы, связанные с культурной идентичностью билингва и трудностями коммуникации в медицинской среде и в системе оказания социальной помощи.

Таким образом, проведенное тройственное сопоставление позволило выявить следующие тенденции: 1) в англоязычных исследованиях билингвизма доминируют экспериментальные подходы когнитивных наук и психолингвистики; 2) в изучении тюркско-национального билингвизма начинают просматриваться те же тенденции, но сохраняется значительная роль тем, связанных с лингвистической типологией и языковым контактированием, заметное место занимает проблематика социолингвистических аспектов миграционных процессов и сопутствующих им коммуникативных трудностей; 3) в русскоязычном поле изучение тюркско-русского билингвизма сосредоточено на практических аспектах организации функционирования билингвального социума (обучение билингвов, языковая политика, межкультурная коммуникация на билингвальных территориях), на лингвистической специфике речи билингвов, но также заметен рост интереса к изучению когнитивных аспектов билингвизма.

Примечательно, что в нашей русскоязычной выборке не оказалось работ, сфокусированных на вопросах когнитивного и речевого здоровья тюркско-русских билингвов. Представляется, что данный вектор может составить перспективу тематического развития обсуждаемой предметной сферы.

Заключение

Проведенный анализ показал, что тематика изучения тюркско-русского билингвизма в отечественном научном поле при сравнении с аналогичной проблематикой в англоязычных публикациях имеет целый ряд специфических черт как на уровне предмета исследовательского интереса, так и на уровне публикационных практик, обусловленных некоторыми сложившимися принципами организации научно-исследовательской инфраструктуры.

Особенно заметны следующие тенденции: 1) рассмотрение билингвизма по большей части как характеристики языковой ситуации, требующей государственного регулирования и достижения некоторого социально-этнического консенсуса; 2) вовлеченность в проблематику научно-исследовательских институций автохтонных для носителей тюркских языков территорий; 3) бóльшая лингвистичность/лингводидактичность тем при слабом когнитивном фокусе и отсутствии тематики когнитивного и речевого здоровья билингвов.

В перспективе планируется проведение аналогичного «картирования» другой предметной области — билингвальных ситуаций, включающих русский и финно-угорские языки, поскольку последние также широко представлены на территории Российской Федерации.

Литература

Биткеева, Цыбенова 2022 — *А. Н. Биткеева, Ч. С. Цыбенова*. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, 4. С. 6—27.

Боргоякова 2013 — *Т. Г. Боргоякова*. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013, 7—1 (25). С. 36—39.

Боргоякова, Биткеева 2020 — *Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева*. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020, 1. С. 50—61.

Боргоякова, Биткеева 2023 — *Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева*. Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2023, 4. С. 290—300.

Боргоякова, Гусейнова 2021 — *Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова*. Двуязычие и языковые установки жителей республик Южной Сибири в условиях урбанизации // Сибирский филологический форум. 2021, 4. С. 4—19.

Буб, Артеменко 2019 — *А. С. Буб, Е. Д. Артеменко*. Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами // Язык и культура. 2019, 48. С. 32—45.

Буб, Резанова 2018 — *А. С. Буб, З. И. Резанова*. Степень устойчивости биномиалов русского языка в соотношении с параметрами частности и предсказуемости элементов // Вестник Томского государственного университета. 2018, 437. С. 15—22.

Булатов 2020 — *В. Г. Булатов*. Методы оценивания качества и многокритериальной оптимизации тематических моделей в библиотеке TopicNet: Дис. … канд. техн. наук. М., 2020.

Вайнрайх 1979 — *У. Вайнрайх*. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979.

Галиуллина 2023 — *Г. Галиуллина*. Речевое поведение билингва в повседневном дискурсе // Филология и культура. 2023, 2. С. 25—32.

Джусупов 2016 — *М. Джусупов*. Русский и тюркские языки: билингвизм и полилингвизм // Studia Rossica Posnaniensia. 2016, 39. С. 40—48.

Донгак 2020 — *Ч. Б. Донгак*. Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2020, 4 (68). С. 63—73.

Дырхеева, Цыбенова 2020 — *Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова*. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020, 1. С. 62—74.

Ефремова 2019 — *Н. А. Ефремова*. Виды речевых ошибок в современном якутском языке (на материале текстов теле- и радиопередач НВК «Саха») // Вестник СВФУ. 2019, 4 (72). С. 105—115.

Залевская 2009 — *А. А. Залевская*. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009, 10. С. 10—17.

Иванова 2020 — *Н. И. Иванова*. Тенденции и динамика развития двуязычия в республике Саха (Якутия): этносоциопсихолингвистический аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020, 2 (31). С. 67—79.

Иванова, Никитина 2023 — *Н. И. Иванова, В. Н. Никитина*. Уровень владения лексикой родного языка у детей саха при смешанном типе раннего двуязычия (на материале Нюрбинского улуса Республики Саха (Якутия)) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023, 3 (44). С. 79—91.

Кожемякина 2021 — *В. А. Кожемякина*. Особенности демолингвистической ситуации в Республике Башкортостан // Sciences of Europe. 2021, 82—3. С. 50—54.

Колмогорова, Маликова 2022а — *А. В. Колмогорова, А. В. Маликова*. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на примере тувинско-русского билингвизма) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, 6 (94). С. 735—743.

Колмогорова, Маликова 2022б — *А. В. Колмогорова, А. В. Маликова*. Эмоциональная обработка текста моно- и билингвами: опыт компьютерного моделирования // Когнитивные исследования языка. 2022, 4 (51). С. 847—851.

Коряков и др. 2022 — *Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, В. С. Харитонов, А. П. Евстигнеева, А. А. Сюрюн*. Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. Институт языкознания РАН, 2022.

Литвинова 2021 — *Т. А. Литвинова*. Проблемы стилометрической идентификации субъекта идиолектной деятельности: Дис. … докт. филол. наук. СПб., 2021.

Мечковская 1983 — *Н. Б. Мечковская*. Языковой контакт. Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 1983.

Натпит 2022а — *А. А. Натпит*. Ассоциативное значение русских слов-стимулов в языковом сознании тувинско-русских билингвов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022, 3 (34). С. 142—153.

Натпит 2022б — *А. А. Натпит*. Специфика психолингвистических параметров «представимость» и «сходство образа с рисунком» тувинских слов в языковом сознании тувинско-русских билингвов // Культура и текст. 2022, 2 (49). С. 196—206.

Никифорова, Попова 2021 — *С. В. Никифорова, Л. Н. Попова*. Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска // Общество: социология, психология, педагогика. 2021, 6 (86). С. 31—35.

Резанова и др. 2018 — *З. И. Резанова, Е. Д. Некрасова, А. А. Миклашевский*. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018, 2 (52). С. 107—117.

Резанова и др. 2020 — *З. И. Резанова, Т. Е. Машанло, А. А. Степаненко*. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных ruwordperception) // Вестник Томского государственного университета. 2020, 450. С. 49—57.

Саитбатталов, Саяхова 2016 — *И. Р. Саитбатталов, Д. К. Саяхова*. Языковая и культурная интерференция в русском языке Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016, 12 (66): В 4 ч. Ч. 2. С. 163—165.

Фокеев 2008 — *В. А. Фокеев*. Библиографическая наука и практика: терминологический словарь. СПб.: Профессия, 2008.

Хауген 1972 — *Э. Хауген*. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 61—80.

Цыбенова 2018 — *Ч. С. Цыбенова*. Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018, 3 (21). С. 56—66.

Шадрина 2014 — *А. А. Шадрина*. Экспериментальное изучение параметров значения слова в условиях учебного билингвизма (на примере лексем *Чехия*, *чех*, *Россия*, *русский*) // Омский научный вестник. 2014, 2 (126). С. 122—125.

Шайгерова и др. 2019 — *Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко, Ю. П. Зинченко*. Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования // Национальный психологический журнал. 2019, 1 (33). С. 3—15.

Adamou, Matras 2021 — *E. Adamou, Y. Matras.* The Routledge handbook of language contact. New York; London: Routledge, 2021.

Agadjanian, Nedoluzhko 2021 — *V. Agadjanian, L. Nedoluzhko*. Imperial legacies, nation building, and geopolitics: ethno-regional divides and the Russian language in Central Asia // Ethnic and Racial Studies. 2021, 45. P. 1—27.

Aria, Cuccurullo 2017 — *M. Aria, C. Cuccurullo*. Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // Journal of Informetrics. 2017, 11 (4). P. 959—975.

Aria et al. 2020 — *M. Aria, M. Misuraca, M. Spano*. Mapping the Evolution of Social Research and Data Science on 30 Years of Social Indicators Research // Soc Indic Res. 2020, 149. P. 803—831.

Auyeskhan 2023 — *R. Auyeskhan*. Status of Kazakh Language in Mongolia // International Journal of Eurasian Linguistics. 2023, 4. P. 107—131.

Blom et al. 2024 — *E. Blom, G. Yazıcı, T. Boerma, M. van Witteloostuijn*. A longitudinal study of Turkish-Dutch children's language mixing in single-language settings: Language status, language proficiency, cognitive control and developmental language disorder // Cognitive Development. 2024, 71(1), 101481. P. 1—14.

Cabrera et al. 2016 — *J. Cruz Cabrera, M. R. Cano Orúe, D. Prieto Samsón*ov. (Post)-Soviet Diaspora in Cuba // International Journal of Cuban Studies. 2016, 8 (2). P. 263—295.

Day, Wagner 2007 — *D. Day, J. Wagner.* Bilingual professionals // *P. Auer, L. Wei* (eds.). Handbook of multilingualism and multilingual communication. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 391—405.

Dobrushina 2017 — *N. Dobrushina.* Contact-induced usages of volitional moods in East Caucasian languages // International Journal of Bilingualism. 2017, 21. P. 559—583.

Dybo et al. 2019 — *A. V. Dybo, Z. I. Rezanova, I. G. Temnikova, E. D. Nekrasova, A. A. Stepanenko, V. V. Datsyuk*. The Bimodal Corpus of Russian-Turkic Bilinguals' Speech // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2019, 18 (25). P. 200—210.

Edwards 2014 — *J. Edwards.* Bilingualism and Multilingualism: Some Central Concepts // *T. Bhatia, W. Ritchie* (eds.). The handbook of bilingualism and multilingualism. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 5—27.

Escobar 2012 — *A. M. Escobar.* Spanish in contact with Amerindian languages // *J. I. Hualde, A. Olarrea, E. O'Rourke* (eds.). The Handbook of Spanish Linguistics. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 65—88.

Escobar, Roy 2022 — *A. M. Escobar, J. Roy*. Grammaticalization in the Evidential pathway of the Andean Spanish Present Perfect: Language contact as a trigger for language change // Isogloss. Open Journal of Romance Linguistics. 2022, 8 (4). P. 1—38.

Grootendorst 2022 — *M. Grootendorst*. BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure // ArXiv. 2022. arXiv:2203.05794.

Gullberg, Indefrey 2006 — The cognitive neuroscience of second language acquisition / *M. Gullberg, P. Indefrey* (eds.). Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.

Hartshorne et al. 2018 — *J. K. Hartshorne, J. B. Tenenbaum, S. Pinker.* A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers // Cognition. 2018, 177. P. 263—277.

Haugen 2001 — *E. Haugen*. The ecology of language // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology, Environment. 2001. P. 57—66.

Hickey 2020 — *R. Hickey*. Contact and Language Shift // *R. Hickey* (ed.). The Handbook of Language Contact. NJ: Wiley-Blackwell, 2020. P. 149—169.

Hoffmeister 2022 — *R. Hoffmeister.* Learning a second language via print: On the logical necessity of a fluent first language // Frontiers in Communication. 2022.

Iefremenko et al. 2021 — *K. Iefremenko, C. Schroeder, J. Kornfilt.* Converbs in heritage Turkish: A contrastive approach // Nordic Journal of Linguistics. 2021, 44 (2). P. 130—154.

Jacobs, Tschötschel 2019 — *T. Jacobs, R. Tschötschel*. Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach // International Journal of Social Research Methodology. 2019, 22 (5). P. 469—485.

Javier 2007 — *R. A. Javier*. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. Springer, 2007.

Jelen et al. 2020 — *I. Jelen, A. Bučienė, F. Chiavon, T. Silvestri, K. Forrest*. The Geography of Central Asia, Human Adaptations, Natural Processes and Post-Soviet Transition. Springer Cham, 2020.

Kortabayeva et al. 2018 — *G. K. Kortabayeva, R. A. Avakova, B. Yeshmetova*. Factors of the penetration of turkism into the Polish language // Journal of History. 2018, 89 (2). P. 46—52.

Madiyeva, Smagulova 2021 — *D. Madiyeva, J. Smagulova.* Normalizing a new language hierarchy: Event names in post-Soviet urban space // Russian Journal of Linguistics. 2021, 25 (4). P. 1004—1023.

Morozova 2019 — *M. S. Morozova.* Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro // Journal of language contact. 2019, 12 (2). P. 305—343.

Mufwene, Escobar 2022 — *S. Mufwene, A. M. Escobar* (eds.). The Cambridge handbook of language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Muyan, Tunaz 2021 — *E. Muyan, M. Tunaz.* The influence of language use of Turkish / English bilingual speakers on their personal and behavioural attitudes // International Journal of Educational Spectrum. 2021, 3 (1). P. 38—48.

Muysken 2000 — *P. Muysken*. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.

Nikolenko et al. 2017 — *S. Nikolenko, S. Koltcov, O. Koltsova*. Topic modelling for qualitative studies // Journal of Information Science. 2017, 43 (1). P. 88—102.

Öztürk et al. 2023 — *C. E. Öztürk, E. H. Yilmaz, Ö. Köksal, A. Koç.* Software Module Classification for Commercial Bug Reports // Proceeding of the 2023 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing Workshops (ICASSPW), Rhodes Island, Greece, 2023. P. 1—5.

Pavlenko 2009 — *A. Pavlenko*. The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches. Multilingual Matters, 2009.

Pupynina, Aralova 2021 — *M. Pupynina, N. Aralova.* Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends // International Journal of Bilingualism. 2021, 25 (4). P. 1081—1101.

Ritchie, Bhatia 2014 — *W. Ritchie, T. K. Bhatia*. Social and Psychological Factors in Language Mixing // *T. Bhatia, W. Ritchie* (eds.). The handbook of bilingualism and multilingualism. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 375—391.

Roberts et al. 2014 — *M. Roberts, B. Stewart, D. Tingley, Ch. Lucas, J. Leder-Luis, Sh. Gadarian, B. Albertson.* Structural Topic Models for Open-Ended Survey Responses // American Journal of Political Science. 2014, 58. P. 1064—1082.

Rothweiler 2007 — *M. Rothweiler.* Multilingualism and Specific Language Impairment (SLI) // *P. Auer, L. Wei* (eds.). Handbook of multilingualism and multilingual communication New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 229—247.

Siegl 2020 — *F. Siegl.* Dolgan naada — a Nominal Predicator and Its History // International Journal of Eurasian Linguistics. 2020, 1 (2). P. 309—351.

References

Adamou, Matras 2021 — E. Adamou, Y. Matras. The Routledge handbook of language contact. New York; London: Routledge, 2021.

Agadjanian, Nedoluzhko 2021 — V. Agadjanian, L. Nedoluzhko. Imperial legacies, nation building, and geopolitics: ethno-regional divides and the Russian language in Central Asia. In: Ethnic and Racial Studies. 2021, 45. P. 1—27.

Aria, Cuccurullo 2017 — M. Aria, C. Cuccurullo. Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. In: Journal of Informetrics. 2017, 11 (4). P. 959—975.

Aria et al. 2020 — M. Aria, M. Misuraca, M. Spano. Mapping the Evolution of Social Research and Data Science on 30 Years of Social Indicators Research. In: Soc Indic Res. 2020, 149. P. 803—831.

Auyeskhan 2023 — R. Auyeskhan. Status of Kazakh Language in Mongolia. In: International Journal of Eurasian Linguistics. 2023, 4. P. 107—131.

Bitkeeva, Tsybenova 2022 — A. N. Bitkeeva, Ch. S. Tsybenova. Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva. In: Novye issledovaniya Tuvy. 2022, 4. S. 6—27. {A. N. Bitkeeva, Ch. S. Tsybenova. Chronicle of Language Shift in the Tuvan Language in the Republic of Tyva. In: New Studies of Tuva. 2022, 4. P. 6—27.}

Blom et al. 2024 — E. Blom, G. Yazıcı, T. Boerma, M. van Witteloostuijn. A longitudinal study of Turkish-Dutch children's language mixing in single-language settings: Language status, language proficiency, cognitive control and developmental language disorder. In: Cognitive Development. 2024, 71, 101481. P. 1—14.

Borgoyakova 2013 — T. G. Borgoyakova. Razvitie bilingvizma v respublikakh Tyva i Khakasiya. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013, 7—1 (25). S. 36—39. {T. G. Borgoyakova. Development of Bilingualism in the Republics of Tyva and Khakassia. In: Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2013, 7—1 (25). P. 36—39.}

Borgoyakova, Bitkeeva 2020 — T. G. Borgoyakova, A. N. Bitkeeva. Tuvinskiy yazyk v pravovom i funktsionalnom izmerenii. In: Novye issledovaniya Tuvy. 2020, 1. S. 50—61. {T. G. Borgoyakova, A. N. Bitkeeva. The Tuvan Language in Legal and Functional Dimensions. In: New Studies of Tuva. 2020, 1. P. 50—61.}

Borgoyakova, Bitkeeva 2023 — T. G. Borgoyakova, A. N. Bitkeeva. Tuvinskiy komponent bilingvalnogo prostranstva ili razmyshleniya o strategii gosudarstvennoy podderzhki tuvinskogo yazyka. In: Novye issledovaniya Tuvy. 2023, 4. S. 290—300. {T. G. Borgoyakova, A. N. Bitkeeva. The Tuvan Component of the Bilingual Space or Reflections on the Strategy of State Support for the Tuvan Language. In: New Studies of Tuva. 2023, 4. P. 290—300.}

Borgoyakova, Guseynova 2021 — T. G. Borgoyakova, A. V. Guseynova. Dvuyazychie i yazykovye ustanovki zhiteley respublik Yuzhnoy Sibiri v usloviyakh urbanizatsii. In: Sibirskiy filologicheskiy forum. 2021, 4. S. 4—19. {T. G. Borgoyakova, A. V. Guseynova. Bilingualism and Language Attitudes of Residents of the Republics of Southern Siberia in the Context of Urbanization. In: Siberian Philological Forum. 2021, 4. P. 4—19.}

Bub, Artemenko 2019 — A. S. Bub, E. D. Artemenko. Kognitivnaya obrabotka binominalov russkogo yazyka tyurksko-russkimi bilingvami. In: Yazyk i kultura. 2019, 48. S. 32—45. {A. S. Bub, E. D. Artemenko. Cognitive Processing of Russian Language Binomials by Turkic-Russian Bilinguals. In: Language and Culture. 2019, 48. P. 32—45.}

Bub, Rezanova 2018 — A. S. Bub, Z. I. Rezanova. Stepen ustoychivosti binominalov russkogo yazyka v sootnoshenii s parametrami chastnosti i predskazuemosti elementov. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018, 437. S. 15—22. {A. S. Bub, Z. I. Rezanova. The Degree of Stability of Russian Language Binomials in Relation to the Parameters of Specificity and Predictability of Elements. In: Tomsk State University Journal. 2018, 437. P. 15—22.}

Bulatov 2020 — V. G. Bulatov. Metody otsenivaniya kachestva i mnogokriterialnoy optimizatsii tematicheskikh modeley v biblioteke TopicNet: Dis. … kand. tekhn. nauk. Moskva, 2020. {V. G. Bulatov. Methods for Quality Assessment and Multi-Criteria Optimization of Topic Models in the TopicNet Library: Cand. Tech. Sci. Diss. Moscow, 2020.}

Cabrera et al. 2016 — J. Cruz Cabrera, M. R. Cano Orúe, D. Prieto Samsónov. (Post)-Soviet Diaspora in Cuba. In: International Journal of Cuban Studies. 2016, 8 (2). P. 263—295.

Day, Wagner 2007 — D. Day, J. Wagner. Bilingual professionals. In: P. Auer, L. Wei (eds.). Handbook of multilingualism and multilingual communication. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 391—405.

Dobrushina 2017 — N. Dobrushina. Contact-induced usages of volitional moods in East Caucasian languages. In: International Journal of Bilingualism. 2017, 21. P. 559—583.

Dongak 2020 — Ch. B. Dongak. Yazykovaya politika i problema kontaktnogo bilingvizma v natsionalnykh respublikakh Rossii (na primerakh respublik Tatarstan, Tyva i Sakha (Yakutiya)). In: Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i gumanitarnye nauki. 2020, 4 (68). S. 63—73. {Ch. B. Dongak. Language Policy and the Issue of Contact Bilingualism in the National Republics of Russia (Based on the Examples of the Republics of Tatarstan, Tyva, and Sakha (Yakutia)). In: Bulletin of Tuvan State University. Social and Humanitarian Sciences. 2020, 4 (68). P. 63—73.}

Dybo et al. 2019 — A. V. Dybo, Z. I. Rezanova, I. G. Temnikova, E. D. Nekrasova, A. A. Stepanenko, V. V. Datsyuk. The Bimodal Corpus of Russian-Turkic Bilinguals' Speech. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. {Computational linguistics and intellectual technologies}. 2019, 18 (25). P. 200—210.

Dyrkheeva, Tsybenova 2020 — G. A. Dyrkheeva, Ch. S. Tsybenova. Yazykovye ustanovki i yazykovaya loyalnost nositeley malykh yazykov v usloviyakh natsionalno-russkogo dvuyazychiya (na primere buryat i tuvintsev). In: Novye issledovaniya Tuvy. 2020, 1. S. 62—74. {G. A. Dyrkheeva, Ch. S. Tsybenova. Language Attitudes and Language Loyalty of Speakers of Minority Languages in the Context of National-Russian Bilingualism (Based on the Example of Buryats and Tuvans). In: New Studies of Tuva. 2020, 1. P. 62—74.}

Dzhusupov 2016 — M. Dzhusupov. Russkiy i tyurkskie yazyki: bilingvizm i polilingvizm. In: Studia Rossica Posnaniensia. 2016, 39. S. 40—48. {M. Dzhusupov. Russian and Turkic Languages: Bilingualism and Multilingualism. In: Studia Rossica Posnaniensia. 2016, 39. P. 40—48.}

Edwards 2014 — J. Edwards. Bilingualism and Multilingualism: Some Central Concepts. In: T. Bhatia, W. Ritchie (eds.). The handbook of bilingualism and multilingualism. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 5—27.

Efremova 2019 — N. A. Efremova. Vidy rechevykh oshibok v sovremennom yakutskom yazyke (na materiale tekstov tele- i radioperedach NVK "Sakha"). In: Vestnik SVFU. 2019, 4 (72). S. 105—115. {N. A. Efremova. Types of Speech Errors in the Modern Yakut Language (Based on the Texts of TV and Radio Programs of NVK "Sakha"). In: Bulletin of NEFU. 2019, 4 (72). P. 105—115.}

Escobar 2012 — A. M. Escobar. Spanish in contact with Amerindian languages. In: J. I. Hualde, A. Olarrea, E. O'Rourke (eds.). The Handbook of Spanish Linguistics. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 65—88.

Escobar, Roy 2022 — A. M. Escobar, J. Roy. Grammaticalization in the Evidential pathway of the Andean Spanish Present Perfect: Language contact as a trigger for language change. In: Isogloss. Open Journal of Romance Linguistics. 2022, 8 (4). P. 1—38.

Fokeev 2008 — V. A. Fokeev. Bibliograficheskaya nauka i praktika: terminologicheskiy slovar. Sankt-Peterburg: Professia, 2008. {V. A. Fokeev. Bibliographic Science and Practice: Terminological Dictionary. St. Petersburg: Profession, 2008.}

Galiullina 2023 — G. Galiullina. Rechevoe povedenie bilingva v povsednevnom diskurse. In: Filologiya i kultura. 2023, 2. S. 25—32. {G. Galiullina. Speech Behavior of Bilinguals in Everyday Discourse. In: Philology and Culture. 2023, 2. P. 25—32.}

Grootendorst 2022 — M. Grootendorst. BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure. In: ArXiv. 2022. arXiv:2203.05794.

Gullberg, Indefrey 2006 — The cognitive neuroscience of second language acquisition / M. Gullberg, P. Indefrey (eds.). Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.

Hartshorne et al. 2018 — J. K. Hartshorne, J. B. Tenenbaum, S. Pinker. A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers. In: Cognition. 2018, 177. P. 263—277.

Haugen 2001 — E. Haugen. The ecology of language. In: The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology, Environment. 2001. P. 57—66.

Hickey 2020 — R. Hickey. Contact and Language Shift. In: R. Hickey (ed.). The Handbook of Language Contact. NJ: Wiley-Blackwell, 2020. P. 149—169.

Hoffmeister 2022 — R. Hoffmeister. Learning a second language via print: On the logical necessity of a fluent first language. In: Frontiers in Communication. 2022.

Iefremenko et al. 2021 — K. Iefremenko, C. Schroeder, J. Kornfilt. Converbs in heritage Turkish: A contrastive approach. In: Nordic Journal of Linguistics. 2021, 44 (2). P. 130—154.

Ivanova 2020 — N. I. Ivanova. Tendentsii i dinamika razvitiya dvuyazychiya v respublike Sakha (Yakutiya): etnosotsiopsikholingvisticheskiy aspekt. In: Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik. 2020, 2 (31). S. 67—79. {N. I. Ivanova. Trends and Dynamics of Bilingualism Development in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnosociopsycholinguistic Aspect. In: Northeastern Humanitarian Bulletin. 2020, 2 (31). P. 67—79.}

Ivanova, Nikitina 2023 — N. I. Ivanova, V. N. Nikitina. Uroven vladeniya leksikoy rodnogo yazyka u detey sakha pri smeshannom tipe rannego dvuyazychiya (na materiale Nyurbinskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya)). In: Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik. 2023, 3 (44). S. 79—91. {N. I. Ivanova, V. N. Nikitina. The Level of Native Language Vocabulary Proficiency among Sakha Children with Mixed-Type Early Bilingualism (Based on the Material of the Nyurbinsky District of the Republic of Sakha (Yakutia)). In: Northeastern Humanitarian Bulletin. 2023, 3 (44). P. 79—91.}

Jacobs, Tschötschel 2019 — T. Jacobs, R. Tschötschel. Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. In: International Journal of Social Research Methodology. 2019, 22 (5). P. 469—485.

Javier 2007 — R. A. Javier. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. Springer, 2007.

Jelen et al. 2020 — I. Jelen, A. Bučienė, F. Chiavon, T. Silvestri, K. Forrest. The Geography of Central Asia, Human Adaptations, Natural Processes and Post-Soviet Transition. Springer Cham, 2020.

Khaugen 1972 — E. Khaugen. Yazykovoy kontakt. In: Novoe v lingvistike. Moskva, 1972. Vyp. VI. S. 61—80. {E. Khaugen. Language Contact. In: New in Linguistics. Moscow, 1972. Issue VI. P. 61—80.}

Kolmogorova, Malikova 2022a — A. V. Kolmogorova, A. V. Malikova. Sub"yektivnyye i ob"yektivnyye faktory bilingvizma v emotsional'nom vospriyatii teksta (na primere tuvinsko-russkogo bilingvizma). In: Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. Vol. 24, 6 (94). P. 735—743. {A. V. Kolmogorova, A. V. Malikova. Subjective and Objective Factors of Bilingualism in the Emotional Perception of Text (on the Example of Tuvan-Russian Bilingualism). In: Bulletin of Kemerovo State University. 2022. Vol. 24, 6 (94). P. 735—743.}

Kolmogorova, Malikova 2022b — A. V. Kolmogorova, A. V. Malikova. Emotsional'naya obrabotka teksta mono- i bilingvalami: opyt komp'yuternogo modelirovaniya. In: Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2022, 4 (51). P. 847—851. {A. V. Kolmogorova, A. V. Malikova. Emotional Text Processing by Mono- and Bilinguals: A Computer Modeling Experience. In: Cognitive Language Studies. 2022, 4 (51). P. 847—851.}

Kortabayeva et al. 2018 — G. K. Kortabayeva, R. A. Avakova, B. Yeshmetova. Factors of the penetration of turkism into the Polish language. In: Journal of History. 2018, 89 (2). P. 46—52.

Koryakov i dr. 2022 — Yu. B. Koryakov, T. I. Davidyuk, V. S. Kharitonov, A. P. Evstigneeva, A. A. Syuryun. Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vitalnosti. Monografiya-preprint. Institut yazykoznaniya RAN, 2022. {Yu. B. Koryakov, T. I. Davidyuk, V. S. Kharitonov, A. P. Evstigneeva, A. A. Syuryun. List of Languages of Russia and Their Vitality Statuses. Monograph-Preprint. Institute of Linguistics RAS, 2022.}

Kozhemyakina 2021 — V. A. Kozhemyakina. Osobennosti demolingvisticheskoy situatsii v Respublike Bashkortostan. In: Sciences of Europe. 2021, 82—3. S. 50—54. {V. A. Kozhemyakina. Features of the Demolinguistic Situation in the Republic of Bashkortostan. In: Sciences of Europe. 2021, 82—3. P. 50—54.}

Litvinova 2021 — T. A. Litvinova. Problemy stilometricheskoy identifikatsii subyekta idiolektnoy deyatelnosti. Dis. … dokt. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2021. {T. A. Litvinova. Problems of Stylometric Identification of the Subject of Idiolectal Activity. ThD thesis. St. Petersburg, 2021.}

Madiyeva, Smagulova 2021 — D. Madiyeva, J. Smagulova. Normalizing a new language hierarchy: Event names in post-Soviet urban space. In: Russian Journal of Linguistics. 2021, 25 (4). P. 1004—1023.

Mechkovskaya 1983 — N. B. Mechkovskaya. Yazykovoy kontakt. Obshchee yazykoznanie. Minsk: Vysshaya shkola, 1983. {N. B. Mechkovskaya. Language Contact. General Linguistics. Minsk: Vysshaya shkola, 1983.}

Morozova 2019 — M. S. Morozova. Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro. In: Journal of language contact. 2019, 12 (2). P. 305—343.

Mufwene, Escobar 2022 — S. Mufwene, A. M. Escobar (eds.). The Cambridge handbook of language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Muyan, Tunaz 2021 — E. Muyan, M. Tunaz. The influence of language use of Turkish / English bilingual speakers on their personal and behavioural attitudes. In: International Journal of Educational Spectrum. 2021, 3 (1). P. 38—48.

Muysken 2000 — P. Muysken. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.

Natpit 2022a — A. A. Natpit. Assotsiativnoe znachenie russkikh slov-stimulov v yazykovom soznanii tuvinsko-russkikh bilingvov. In: Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2022, 3 (34). S. 142—153 {A. A. Natpit. Associative Meaning of Russian Stimulus Words in the Linguistic Consciousness of Tuvan-Russian Bilinguals. In: Crede Experto: Transport, Society, Education, Language. 2022, 3 (34). P. 142—153}

Natpit 2022b — A. A. Natpit. Spetsifika psikholingvisticheskikh parametrov “predstavimost” i “skhodstvo obraza s risunkom” tuvinskikh slov v yazykovom soznanii tuvinsko-russkikh bilingvov. In: Kultura i tekst. 2022, 2 (49). S. 196—206. {A. A. Natpit. Specificity of Psycholinguistic Parameters “Representability” and “Image Similarity to Drawing” of Tuvan Words in the Linguistic Consciousness of Tuvan-Russian Bilinguals. In: Culture and Text. 2022, 2 (49). P. 196—206.}

Nikiforova, Popova 2021 — S. V. Nikiforova, L. N. Popova. Yakutsko-russkiy bilingvizm sredi studentov g. Yakutska. In: Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2021, 6 (86). S. 31—35. {S. V. Nikiforova, L. N. Popova. Yakut-Russian Bilingualism among Students in Yakutsk. In: Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2021, 6 (86). P. 31—35.}

Nikolenko et al. 2017 — S. Nikolenko, S. Koltcov, O. Koltsova. Topic modelling for qualitative studies. In: Journal of Information Science. 2017, 43 (1). P. 88—102.

Öztürk et al. 2023 — C. E. Öztürk, E. H. Yilmaz, Ö. Köksal, A. Koç. Software Module Classification for Commercial Bug Reports. In: Proceeding of the 2023 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing Workshops (ICASSPW), Rhodes Island, Greece, 2023. P. 1—5.

Pavlenko 2009 — A. Pavlenko. The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches. Multilingual Matters, 2009.

Pupynina, Aralova 2021 — M. Pupynina, N. Aralova. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. In: International Journal of Bilingualism. 2021, 25 (4). P. 1081—1101.

Rezanova i dr. 2018 — Z. I. Rezanova, E. D. Nekrasova, A. A. Miklashevskiy. Issledovanie psikholingvisticheskikh i kognitivnykh aspektov yazykovogo kontaktirovaniya v proekte “Yazykovoe i etnokulturnoe raznoobrazie Yuzhnoy Sibiri v sinkhronii i diakhronii: vzaimodeystvie yazykov i kultur”. In: Rusin. 2018, 2 (52). S. 107—117. {Z. I. Rezanova, E. D. Nekrasova, A. A. Miklashevskiy. Study of Psycholinguistic and Cognitive Aspects of Language Contact in the Project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”. In: Rusin. 2018, 2 (52). P. 107—117.}

Rezanova i dr. 2020 — Z. I. Rezanova, T. E. Mashanlo, A. A. Stepanenko. Pertseptivnyy komponent semantiki sushchestvitelnykh, prilagatelnykh, glagolov russkogo yazyka v bilingvalnoy perspektive (psikholingvisticheskaya baza dannykh ruwordperception). In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020, 450. S. 49—57. {Z. I. Rezanova, T. E. Mashanlo, A. A. Stepanenko. Perceptual Component of the Semantics of Nouns, Adjectives, and Verbs of the Russian Language in a Bilingual Perspective (Psycholinguistic Database ruwordperception). In: Tomsk State University Journal. 2020, 450. P. 49—57.}

Ritchie, Bhatia 2014 — W. Ritchie, T. K. Bhatia. Social and Psychological Factors in Language Mixing. In: T. Bhatia, W. Ritchie (eds.). The handbook of bilingualism and multilingualism. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 375—391.

Roberts et al. 2014 — M. Roberts, B. Stewart, D. Tingley, Ch. Lucas, J. Leder-Luis, Sh. Gadarian, B. Albertson. Structural Topic Models for Open-Ended Survey Responses. In: American Journal of Political Science. 2014, 58. P. 1064—1082.

Rothweiler 2007 — M. Rothweiler. Multilingualism and Specific Language Impairment (SLI). In: P. Auer, L. Wei (eds.). Handbook of multilingualism and multilingual communication New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 229—247.

Saitbattalov, Sayakhova 2016 — I. R. Saitbattalov, D. K. Sayakhova. Yazykovaya i kulturnaya interferentsiya v russkom yazyke Bashkortostana. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016, 12 (66): V 4 ch. Ch. 2. S. 163—165. {I. R. Saitbattalov, D. K. Sayakhova. Linguistic and Cultural Interference in the Russian Language of Bashkortostan. In: Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2016, 12 (66): In 4 parts. Part 2. P. 163—165.}

Shadrina 2014 — A. A. Shadrina. Eksperimentalnoe izuchenie parametrov znacheniya slova v usloviyakh uchebnogo bilingvizma (na primere leksem Chekhiya, chekh, Rossiya, russkiy). In: Omskiy nauchnyy vestnik. 2014, 2 (126). S. 122—125. {A. A. Shadrina. Experimental Study of Word Meaning Parameters in the Context of Educational Bilingualism (Based on the Lexemes Czech Republic, Czech, Russia, Russian). In: Omsk Scientific Bulletin. 2014, 2 (126). P. 122—125.}

Shaygerova i dr. 2019 — L. A. Shaygerova, R. S. Shilko, Yu. P. Zinchenko. Dvuyazychie i mnogoyazychie kak mezhdistsiplinarnyy fenomen: sotsiokulturnyy kontekst, problemy i perspektivy issledovaniya. In: Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal. 2019, 1 (33). S. 3—15. {L. A. Shaygerova, R. S. Shilko, Yu. P. Zinchenko. Bilingualism and Multilingualism as an Interdisciplinary Phenomenon: Sociocultural Context, Problems, and Research Perspectives. In: National Psychological Journal. 2019, 1 (33). P. 3—15.}

Siegl 2020 — F. Siegl. Dolgan naada — a Nominal Predicator and Its History. In: International Journal of Eurasian Linguistics. 2020, 1 (2). P. 309—351.

Tsybenova 2018 — Ch. S. Tsybenova. Funktsionalnoe razvitie tuvinskogo yazyka: diakhronicheskiy aspekt. In: Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2018, 3 (21). S. 56—66. {Ch. S. Tsybenova. Functional Development of the Tuvan Language: Diachronic Aspect. In: Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies. 2018, 3 (21). P. 56—66.}

Vaynraykh 1979 — U. Vaynraykh. Yazykovye kontakty. Kyiv: Vyshcha shkola, 1979. {U. Weinreich. Language Contacts. Kyiv: Vyshcha shkola, 1979.}

Zalevskaya 2009 — A. A. Zalevskaya. Voprosy psikholingvisticheskoy teorii dvuyazychiya. In: Voprosy psikholingvistiki. 2009, 10. S. 10—17. {A. A. Zalevskaya. Issues of the Psycholinguistic Theory of Bilingualism. In: Issues of Psycholinguistics. 2009, 10. P. 10—17.}

DOI: 10.37892/2500-2902-2025-58-3-84-100

И. О. Онал

Корреляция обыденных модификатов концептов DOST и ARKADAŞ в современной турецкой лингвокультуре

Онал Инна Олеговна, Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирский государственный технический университет; inna762006@gmail.com

В статье рассматриваются обыденные модификаты концептов DOST и ARKADAŞ на лексикографическом, паремиологическом, корпусном материале и материале «народного словаря» Ekşisözlük (ekşisözlük.com). В работе используются когнитивно-дефиниционный и когнитивно-репрезентативный анализ, компонентный анализ, сопоставительный анализ, статистический метод. Определяются компоненты содержания концептов DOST и ARKADAŞ в обыденном языковом сознании носителей турецкого языка, их общие и дифференциальные признаки, сгруппированные в соответствии с рядом когнитивных классификаторов, а также ведущие способы осмысления и вербализации указанных признаков. Когнитивные признаки данных концептов распределяются по таким классификаторам, как «степень близости», «причины/места зарождения дружбы», «длительность дружеских отношений», «количество друзей», «гендерная принадлежность». Отдельно рассматриваются ценностные составляющие исследуемых концептов, которые эксплицируются как непосредственно через семантику вербализующих их лексических единиц и текстовых фрагментов, так и опосредованно, через другие аспекты, прежде всего «степень близости» и «количество». Ведущим способом объективации концептов в «народном словаре» является сравнение, имеющее выраженную национально-культурную специфику. Исследование позволяет заключить, что DOST и ARKADAŞ представляют собой субконцепты лингвокультурного категориального этического концепта DOSTLUK, находящиеся в тесной связи друг с другом и в то же время обладающие определенными дифференциальными признаками. При этом наблюдаются различия когнитивных признаков исследуемых концептов и расхождения в их корреляции в разных фрагментах наивной картины мира.

Ключевые слова: концепт, друг, дружба, обыденный модификат концепта, турецкая языковая картина мира

CORRELATION OF “ORDINARY” MODIFICATIONS OF THE CONCEPTS *DOST* AND *ARKADAŞ* IN THE TURKISH LINGUISTIC WORLD VIEW

Inna O. Onal, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk State Technical University; inna762006@gmail.com

The article examines the ordinary modifications of the concepts DOST and ARKADAŞ, drawing on a diverse range of sources, including lexicographic, paremiological, and corpus materials, as well as the collaborative online dictionary Ekşisözlük (ekşisözlük.com). Employing a multi-faceted methodology that incorporates cognitive-definition and cognitive-representational analysis, component analysis, comparative analysis, and statistical methods, the study reveals the components of the content of the concepts DOST and ARKADAŞ in the linguistic consciousness of Turkish speakers. The results demonstrate the common and differential characteristics of these concepts, grouped according to a number of cognitive classifiers, including “degree of closeness”, “reasons for / place of making friends”, “duration of friendship relations”, “number of friends” and “gender”. The value component of the concepts is examined separately, highlighting the direct and indirect expressions of these components through lexical units, text fragments, and other aspects. The main method of concept objectification in the material under study is comparison, which exhibits pronounced national and cultural specificity. The study reveals that DOST and ARKADAŞ are subconcepts of the linguo-cultural categorical ethical concept DOSTLUK, which are interconnected yet possess certain differential features. Notably, this research identifies differences in the cognitive features of the given concepts and discrepancies in their correlation in different fragments of the naive picture of the world.

Keywords: concept, friend, friendship, ordinary modification of the concept, Turkish linguistic worldview

1. Введение[1]

Изучение механизмов языковой концептуализации и категоризации мира занимает важное место в современной лингвистике. Исследование взаимодействия языка и культуры позволяет ученым выделить так называемые «ключевые» концепты, за которыми стоят важнейшие понятия национального сознания. Одним из таких базовых концептов национальной картины мира у многих народов является дружба. Как показывают результаты исследований, выполненных на материале различных языков мира, для концептуализации данного вида интерперсонального взаимодействия применяется широкий спектр языковых средств: лексические, фразеологические и паремиологические единицы, афоризмы, тексты и т. п., что позволяет отнести дружбу к культурным (или лингвокультурным) концептам [Пименов 2004].

Рассматривая признаки культурных концептов, ученые, как правило, прежде всего обращаются к национальному культурному наследию — фразеологизмам и паремиям, поскольку в данных языковых единицах содержатся «застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени» [Попова, Стернин 2007: 127]. Вместе с тем, хотя фразеологизмы и являются хранилищем ключевых аспектов национальной культуры, репрезентируемые ими концептуальные признаки нуждаются в уточнении и дополнении, поскольку концептосфера языкового коллектива находится в постоянном изменении. Согласно Н. Н. Болдыреву, концепт подобен снежному кому, объем которого увеличивается за счет добавления новых концептуальных характеристик [Болдырев 2021: 45]. Характеристики концепта выявляются через значения языковых единиц, вербализующих концепт, их словарные толкования, речевые контексты употребления; при этом содержание концепта непрерывно насыщается, вбирая в себя новые характеристики, что приводит к увеличению его объема [там же].

В связи с вышесказанным весьма актуальным для современных лингвистических исследований представляется использование материалов ассоциативных словарей, корпусных данных, а также проведение ассоциативных экспериментов, позволяющих определить признаки концептов, которые отражают новые сведения об окружающей действительности, дополняя и изменяя существующие концепты. По мнению Е. В. Коняевой, модификации содержания того или иного концепта обусловлены как динамичностью и нестабильностью концептов во времени, так и их одновременным сосуществованием в сознании разных носителей языка [Коняева 2015]. Для обозначения разновидностей концептов в разные временны́е периоды, а также в зависимости от того, какая картина мира находится в фокусе исследования — наивная или научная, — предлагается использовать термин «модификат концепта» [там же].

Цель настоящего исследования заключается в описании обыденных модификатов концептов DOST и ARKADAŞ (ДРУГ) в языковой картине мира носителей турецкого языка в начале XXI в. Выбор объекта исследования обусловлен важностью данных концептов для определения содержания включающего их категориального концепта DOSTLUK (ДРУЖБА), экспликация которого реализуется преимущественно через субъект рассматриваемых отношений.

2. Материалы и методы

Работа выполнена в русле лингвистической концептологии, изучающей язык как средство доступа к содержанию концептов и средств их моделирования. Основным материалом исследования послужили толкования лексем *dost* и *arkadaş* в соответствующем разделе «народного» онлайн-словаря [Ekşisözlük][2], где пользователи предлагают собственные (авторские) объяснения значений слов.

Наличие в турецком двух лексем со сходным значением ‘друг, товарищ’ обусловлено характерным для данного языка явлением неполной синонимии исконно турецких и заимствованных слов (например, *kafa — baş* ‘голова’, *sözcuk — kelime* ‘слово’ и др.). Лексема *dost* имеет персидское происхождение (от перс. *dōst* دوست — arkadaş, yar), в то время как слово *arkadaş* произошло от турецкого *arka* ‘спина’ с турецким суффиксом *+dAş* и буквально может быть переведено как ‘прикрывающий спину’. Обе единицы (*dost* и *arkadaş*) являются лексемами-репрезентантами лингвокультурного концепта DOSTLUK (ДРУЖБА); при этом объективируемые ими концепты DOST и ARKADAŞ представляют собой ментальные образования, имеющие как дифференциальные, так и универсальные характеристики.

В качестве отправной точки исследования, т. е. для выявления базовых когнитивных признаков изучаемых концептов, были привлечены данные толковых и фразеологических словарей и разговорного подкорпуса Национального корпуса турецкого языка [TUD]. Уточним, что, в отличие от фразеологизмов,

[1] Автор выражает глубокую признательность анонимным рецензентам, а также лично Елене Марковне Напольновой за неоценимую помощь в проверке и уточнении переводов и другие важные замечания и комментарии.

[2] ekşisözlük.com

отражающих уровень обыденного сознания, в толковых словарях реализуется промежуточный, так называемый обыденно-научный уровень, поскольку при семантизации языковых единиц лексикограф хотя и привносит некоторые элементы научного знания в формулировки значений слов, прежде всего ориентируется на обыденное сознание носителей языка, для которых предназначен словарь [Коняева 2015: 9].

Для обработки языкового материала использовались следующие методы: концептуально-дефиниционный анализ (изучение словарных дефиниций как способов описания содержания концептов), концептуально-репрезентативный анализ (обращение к контекстам, объективирующим исследуемые концепты в языке), компонентный анализ лексических значений слов-репрезентантов рассматриваемых концептов; сопоставительный анализ, статистический метод.

Как уже отмечалось, концепт может быть вербализован различными языковыми средствами, а их систематизация позволяет выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта. Под когнитивным классификатором понимается «компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, обобщающий отдельные признаки объекта, осознаваемые человеком и отраженные в структуре концепта как отдельный элемент его содержания» [Попова, Стернин 2007: 90]. Гипотеза настоящего исследования заключалась в том, что содержание и соотношение современных обыденных модификатов концептов DOST и ARKADAŞ могут иметь определенные расхождения с моделями концептов, реконструированными на основе лексикографического и паремиологического материала, — как в отношении количества когнитивных признаков, так и в плане корреляции исследуемых субконцептов.

3. Результаты исследования

3.1. Общие и дифференциальные когнитивные признаки концептов DOST и ARKADAŞ в лексикографическом, паремиологическом и корпусном материале

Прежде всего выделим базовые признаки концептов DOST и ARKADAŞ, репрезентированные в языковых знаках, составляющих их номинативные поля. Уточним, что под номинативным полем концепта вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы понимаем «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт» [там же: 47].

Исходя из дефиниций лексем-репрезентантов исследуемых концептов в толковых словарях [Çağbayır 2007a; Çağbayır 2007b; GTS], концепты DOST и ARKADAŞ включают такие общие когнитивные признаки, как «близкий человек», «человек, заслуживающий доверия»; «человек, который тебя понимает» (см. таблицу 1).

К дифференциальным отнесем следующие когнитивные признаки:

1) базовым признаком концепта DOST является признак «любимый человек» (D1, D2, D3), в то время как ARKADAŞ характеризуется «вынужденностью» дружеских отношений (так, согласно определениям A2 и A4, это может быть человек, с которым вы случайно оказались в одном и том же месте);

2) в отличие от *dost*, лексема *arkadaş* может быть использована для обращения к человеку, которого говорящий видит впервые (определение A5);

3) кроме того, семантика лексемы *dost* допускает употребление данной единицы для обозначения лица, с которым мужчина или женщина состоит во внебрачных отношениях, т. е. может обозначать лицо противоположного пола (определение D5)[3]. В семантической структуре лексемы *arkadaş*, представленной в толковых словарях, данный признак не конкретизируется. Отметим, что отсутствие грамматической категории рода у турецких существительных позволяет использовать обе лексемы (*dost* и *arkadaş*) в отношении лиц любого пола, при этом различия по полу определяются ситуативно и контекстуально, а также нередко обусловлены культурной спецификой общественных отношений: так, употребление лексемы *arkadaş* без специальных пояснений, как правило, воспринимается как указание на лицо того же пола, что и говорящий [Напольнова 2020: 119].

Анализ паремиологических единиц [Aksoy 2013], включающих лексемы-репрезентанты исследуемых концептов, показывает, что в ядре концепта DOST (так же как и по данным лексикографических источников) находятся когнитивные признаки «близкий человек» и «преданность (верность)», например:

(1) ***Dost dost*** *için çiğ tavuk ye-r.*
друг друг для сырой курица есть-AOR
‘**Друг** ради **друга** и сырую курицу съест’ (= ‘Для **друга** все не туго’).

[3] Хотя словарь толкует данное значение лексемы *dost* как верное в отношении лиц любого пола, современные корпусные данные указывают на то, что лексема *dost* в искомом значении используется только в отношении женщины.

Таблица 1. Когнитивные признаки концептов DOST и ARKADAŞ, выделенные на основе лексикографического материала (Ötüken Türkçe Sözlük (ÖTS), TDK Sözlük (TDKS))

Когнитивный признак	**dost**	**arkadaş**
«любимый человек»	D1. Sevişen kişi, sevilen kimse (**Любимый** человек, человек, который любит вас и которого любите вы) (*ÖTS)* D2. Sevilen, güvenilen, gönüldaş, iyi anlaşılan kimse (Тот, кого любят, кому доверяют, тот, кто хорошо (вас) понимает) *(TDKS)* D3. Sevilen ve tanıdık birine seslenme sözü (Обращение к любимому и знакомому человеку) *(ÖTS)*	—
«любящий человек»	D1. Sevişen kişi, sevilen kimse (**Любимый** человек, человек, который любит вас и которого любите вы) (*ÖTS)*	A1. Birbirlerine karşı sevgi ve anlayış gösteren kimselerden her biri; yoldaş (Каждый из тех, кто проявляет **любовь** и понимание друг к другу; товарищ, спутник) *(TDKS)*
«близкий человек»	D2. Sevilen, güvenilen, gönüldaş, iyi anlaşılan kimse (Тот, кого **любят**, кому **доверяют**, тот, кто **хорошо (тебя) понимает** и испытывает те же чувства) *(TDKS)*	A2. Savaşta, bir savaşçinin arkasını düşman saldırısından koruyan savaşçı (На войне — воин, **защищающий спину** другого воина от врага) (*ÖTS)* A3. Kendisine yakınlık duyulan, inanılıp güvenilen kişi (Человек, **который близок**, которому верят и доверяют) *(TDKS)*
«человек, которому доверяют»		
«человек, который (тебя) понимает»		A1. Birbirlerine karşı sevgi ve anlayış gösteren kimselerden her biri (Каждый из людей, **проявляющих** любовь и **понимание** друг к другу) *(TDKS)*
«дружелюбный человек»	D4. İyi görüşülen kimse (Тот, с которым приятно общаться) (*ÖTS)*	—
«любовник/ любовница»	D5. Erkek veya kadının evlilik dışı ilişki kurduğu kimse (Лицо, с которым мужчина или женщина имеет внебрачную связь)[4] *(TDKS)*	—
«незнакомый человек»	—	A4. Bir ortamda birlikte bulunanlardan her biri (Каждый из людей, оказавшихся в одном месте); A5. ünl. Tanımadık yaşıtlara seslenme sözü (Обращение **к незнакомым** сверстникам) (*ÖTS)*

(2) ***Dost dostun*** *eğerle-n-miş* *at-ı-dır.*
друг друг-GEN оседлать-PASS-PC лошадь-POSS3SG-IND
‘**Друг** для своего друга — оседланная лошадь’ (= ‘Настоящий **друг** всегда готов прийти на помощь в трудную минуту’).

(3) ***Dost*** *(iyi dost) kara gün-de belli ol-ur.*
друг (хороший друг) черный день-LOC явный становиться-AOR
‘Хороший **друг** проявляет себя в черный день’ (= ‘**Друг** познается в беде’) и др.

Именно *dost* (а не *arkadaş*) выступает в качестве антонима слову *düşman* («враг») в турецких паремиях, например:

[4] См. сноску 3.

(4) ***Dost*** *baş-a* *bak-ar,* ***düşman*** *ayağ-a.*
друг голова-DAT смотреть-AOR враг нога-DAT
‘**Друг**^{D} смотрит на голову, а **враг** — на ноги’.

(5) ***Dost*** *yüz-ün-den* ***düşman*** *gözünden* *belli* *ol-ur.*
друг лицо-POSS3-ABL враг глаз-POSS3-ABL явный становиться-AOR
‘**Друга**^{D} узнаешь по лицу, **врага** — по глазам’ и др.

Стоит отметить, что во всех пословицах, вербализующих указанные признаки («близость», «верность»), используется лексема *dost*, но не *arkadaş*. При этом в паремиях о друзьях и дружбе отсутствует признак «любимый человек», репрезентированный в лексикографических описаниях семантической структуры соответствующей лексемы.

Лексема *arkadaş*, в свою очередь, употребляется в турецких паремиях в значениях «приятель», «попутчик», а также в пословицах, утверждающих, что по тому, с кем дружит человек, можно судить о нем самом, например:

(6) ***Arkadaş-ın-ı*** *söyle,* *kim* *ol-duğun-u* *söyle-ye-yim.*
друг-POSS2-ACC сказать-IMP кто быть-SAF-ACC сказать-OPT-1SG
‘Скажи, кто твой **друг**^{A}, и я скажу, кто ты’.

(7) *Kişi* ***arkadaş-ı-ndan*** *bellidir.*
человек друг-POSS3-ABL явный-IND
‘Человека можно узнать **по его друзьям**^{A}’ и др.

Примечательно, что когнитивный признак «длительность дружеских отношений» в турецких пословицах может быть вербализован с помощью обеих лексем-репрезентантов и их производных и, таким образом, не является дифференцирующим для исследуемых концептов в паремиологическом фрагменте языковой картины мира:

(8) ***Arkadaşlık*** *pazar-a* *kadar* *değil* *mezar-a* *kadar-dır.*
дружба базар-DAT до NEG могила-DAT до-IND
‘**Дружба**^{A} не до базара, а до могилы’.

(9) *Her* *şey-in* *yeni-si,* ***dostun*** *eski-si.*
каждый вещь-GEN новый-POSS3 друг-GEN старый-POSS3
‘Все — новое, а **друг**^{D} — старый’.

В целом турецкие паремии о друзьях и дружбе носят прескриптивный характер, не столько характеризуя друга и его качества, сколько предписывая, как можно завести/найти друзей и как правильно вести себя, чтобы не потерять друга [Онал 2023а].

Анализ сочетаемости лексем *dost* и *arkadaş* в Национальном корпусе турецкого языка [TUD] также позволяет выделить ряд общих и дифференциальных признаков одноименных концептов.

Общие признаки заключаются в следующем:

1) и *dost*, и *arkadaş* могут составлять так называемый «круг друзей», «круг общения» (*dost çevresi*, *arkadaş çevresi*);

2) и *dost*, и *arkadaş* могут быть «близкими» и «любимыми»; однако, если коэффициенты совместной встречаемости лексемы *yakın* («близкий») с лексемами *dost* и *arkadaş* примерно идентичны (MI = 6,4811 и MI = 6,4825 соответственно)[5], то соотношение коэффициентов для сочетаний *sevgili dost* и *sevgili arkadaş* («любимый друг») имеет некоторые расхождения (MI = 7,5054 и MI = 6,8289), демонстрирующие бóльшую вероятность быть «любимым» у друга^{D} по сравнению с другом^{A}. Кроме того, именно *dost*, а не *arkadaş* чаще бывает «старым» (*eski*). Показатели для этого признака составляют MI = 5,4411 для *dost* и MI = 4,9448 — для *arkadaş*, что, как мы полагаем, указывает на бóльшую продолжительность взаимоотношений с другом^{D}.

Главные дифференциальные признаки концептов DOST и ARKADAŞ, выделенные на основании корпусных данных о сочетаемости их лексем-репрезентантов, — это прежде всего возможность указания на место и/или время приобретения и реализации дружеских отношений для концепта ARKADAŞ

[5] MI (mutual information) — коэффициент взаимной информации (понятие, заимствованное из теории информации). MI сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми (при случайном появлении слов в контексте) [Залесская 2014: 12]. MI — один из наиболее эффективных показателей для выявления устойчивых сочетаний слов, при этом исследования демонстрируют, что статистически значимым считается показатель MI ≥ 3 [Захаров, Хохлова 2014].

(*cocukluk arkadaşı* ‘друг детства’, *okul arkadaşı* ‘школьный друг/товарищ’, *çalışma arkadaşı* ‘коллега’ (*çalışmak* — ‘работать’), *silah arkadaşı* ‘друг/товарищ по оружию’ и т. п.). Важно отметить, что лексема *dost* не образует подобных сочетаний, т. е. в ее дистрибуцию не входят существительные, эксплицирующие локативный или каузальный аспект дружбы. В устойчивых сочетаниях в форме одноаффиксного изафета с *dost* в качестве определяемого реализуется совершенно иное значение слова *dost* — ‘bir şeye aşırı ilgi duyan’ («проявляющий чрезмерный интерес к чему-л., защитник чего-л.»), например *kitap dostu* ‘книголюб’, *çevre dostu* ‘защитник окружающей среды’ и т. п.

Вышесказанное обусловливает и наличие квантитативного дифференциального признака исследуемых единиц: в отличие от лексемы *dost*, которая чаще всего сочетается с числительным *bir* (один), *arkadaş* употребляется с различными числительными, а также с местоимениями *birkaç*, *birçok* ‘несколько’, *çok* ‘много’, что позволяет заключить, что друзей^{A} (= *arkadaş*) может быть много, в то время как друзья^{D} (= *dost*) имеются у индивида в ограниченном количестве.

Обобщая когнитивные признаки исследуемых концептов, выявленные на основе лексико-фразеологического, паремиологического и корпусного материала, сформулируем их классификационные когнитивные признаки (когнитивные классификаторы):

1) «степень близости»;
2) «причина/место зарождения дружбы» (каузативно-локативный аспект);
3) «длительность дружеских отношений» (темпоральный аспект);
4) «количество друзей» (квантитативный аспект);
5) «гендерная принадлежность» (гендерный аспект).

Далее перейдем непосредственно к анализу материала «народного словаря», который проводился на основе выделенных выше классификационных когнитивных признаков.

3.2. Особенности концептуализации DOST и ARKADAŞ по материалам «народного словаря»

С помощью сплошной выборки для исследования были отобраны тексты сообщений («словарные статьи»), содержащие оригинальные авторские толкования лексем *dost* и *arkadaş*. Поскольку в задачи исследования входили не только реконструкция и описание современных модификатов концептов DOST и ARKADAŞ, но и их сопоставительный анализ, в качестве материала был выбран раздел онлайн-словаря, в котором пользователям предлагалось объяснить различия между *dost* и *arkadaş* («*dost* ile *arkadaş* arasındaki farklar») [Ekşisözlük].

1. Когнитивный классификатор **«степень близости»**. По данному категориальному признаку соотношение концептов DOST и ARKADAŞ рассматривалось авторами толкований:

1) как привативная оппозиция (наличие искомого признака у DOST и отсутствие у ARKADAŞ);
2) как градуальная оппозиция, в которой DOST присваивалась значительно бóльшая степень близости по сравнению с ARKADAŞ; либо
3) устанавливались гиперо-гипонимические отношения между указанными концептами, где DOST является подчиненным концепту ARKADAŞ (любой друг = ARKADAŞ (**друг^{A}**), но не каждый = DOST (**друг^{D}**).

Поскольку данный классификационный признак оказался наиболее выраженным в структуре исследуемых концептов, описание частных признаков было дополнено указанием их «индекса яркости» (N), вычисляемого по формуле N1/N2, где N1 — общее количество контекстов с тем или иным когнитивным классификатором, а N2 — количество контекстов, в которых упоминается частный признак[6].

Среди частных когнитивных признаков концепта DOST, служащих для актуализации степени близости, в рассматриваемом материале были выделены следующие.

- «Помощь в трудной ситуации», «готовность пойти на жертвы ради друга» **(N = 0,34)**:

(10) *En zor gün-ün-de bir telefon-a koş-uyor-sa* ***dost-tur*** *gerisi boş-tur.*
самый трудный день-POSS3SG-LOC один телефон-DAT бежать-PRS-COND друг-IND остальное пустой-IND
‘Если в самые трудные дни он бежит к телефону — значит, он — **друг^{D}**, все остальное — чепуха’.

(11) ***Dost-un-a*** *yatağ-ı-nı ve oda-n-ı ver-ir-sin*
друг-POSS2SG-DAT кровать-POSS2SG-ACC и комната-POSS2SG-ACC давать-AOR2SG
arkadaşın *salon-da kanepe-de yat-ar.*
друг-POSS2SG гостиная-LOC диван-LOC лечь-AOR3SG
‘**Другу^{D}** отдашь и свою кровать, и свою комнату, а **друга^{A}** уложишь в зале на диване’.

[6] Данный метод выявления индекса яркости (ИЯ) частных когнитивных признаков был предложен З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в работе «Семантико-когнитивный анализ языка» (см. [Попова, Стернин 2007]).

- «Общение на любые темы», «доверие» **(N = 0,23)**:

(12) ***Dost-un-a*** *daha çok şey anlat-ır-sın ama* ***arkadaş-a*** *değil.*
друг-POSS2SG-DAT более много вещь рассказать-AOR2SG но друг-POSS2SG-DAT NEG
‘**Другу**^{D} можно рассказать больше, но не **другу**^{A}’.

(13) ***Arkadaş*** *duymak iste-diğ-i-ni,* ***dost*** *kaç-tığ-ın*
друг слышать хотеть-SAF-POSS2SG-ACC друг избегать-SAF-POSS2SG
ve kork-tuğ-un şey-ler-i söyle-r.
и бояться-SAF-POSS2SG вещь-PL-ACC сказать-AOR3SG
‘**Друг**^{A} скажет то, что ты хочешь слышать, а **друг**^{D} — скажет то, чего ты хочешь избежать или боишься’.

(14) *Hayal-ler-in-i* ***dost-un-a*** *anlat-ır-sın, olay-lar-ı* ***arkadaş-ın-a****.*
мечта-PL-POSS2SG-ACC друг-POSS2SG-DAT рассказывать-AOR2SG случай-PL-ACC друг-POSS2SG-DAT
‘**Другу**^{A} расскажешь о том, что уже случилось, **другу**^{D} — то, о чем мечтаешь’.

(15) ***Dost*** *kalb-in-i aç-tığın insan.*
друг сердце-POSS2SG-ACC открыть-SAF-POSS2SG человек
‘**Друг**^{D} — человек, которому ты открываешь сердце’ и др.

- «Взаимопонимание» **(N = 0,09)**:

(16) ***Dost-un-a*** *kelime söyle-me-n-e gerek yok.*
друг-POSS2SG-DAT слово говорить-NMLZ-POSS2-DAT необходимость нет
Gülüş-ün-den, bakış-lar-ın-dan ne demek iste-diğin-i anla-r.
смех-POSS2SG-ABL взгляд-PL-POSS2SG-ABL что сказать хотеть-SAF-POSS2SG-ACC понимать-AOR3SG
‘С **другом**^{D} не обязательно говорить, он поймет, что ты хотел сказать, по улыбке и взгляду’.

- «Близкий, как родственник» **(N = 0,08)**:

(17) ***Arkadaş arkadaş-tır, dost*** *aile.*
друг друг-IND, друг семья
‘**Друг**^{A} — это друг, а **друг**^{D} — это семья’.

(18) ***Dost*** *manevi kardeş,* ***arkadaş*** *yarı yabancı-dır.*
друг духовный брат, друг половина чужой-IND
‘**Друг**^{D} — брат (по духу, духовный брат) а **друг**^{A} — наполовину чужой’.

- «Близость даже на расстоянии» **(N = 0,08)**:

(19) ***Dost*** *ile sene-ler-ce ayrı kal-sa-nız bile ilk*
друг с год-PL-EQU отдельно оставаться-COND-2PL даже первый
buluş-ma-nız-da eskisi gibi davran-ır-sınız.
встретиться-NMLZ-POSS2PL-LOC старый подобно вести себя-AOR2PL
‘Даже если вы будете в разлуке со своим **другом**^{D} в течение многих лет, при первой же встрече вы будете вести себя так, как раньше’.

(20) ***Dost*** *mesafe anla-maz ama* ***arkadaş*** *şehir-den çık-an-a kadar.*
друг расстояние понимать-AORNEG2SG но друг город-ABL выходить-PC-DAT до
‘**Друг**^{D} не признает расстояний, а **друг**^{A} [является другом] лишь до отъезда из города’.

- «Принимает тебя таким, какой ты есть» **(N = 0,07)**:

(21) *Yan-ın-da kelime-ler-i ağzı-n-dan çık-tığı*
сторона-POSS2SG-LOC слово-PL-ACC рот-POSS2SG-ABL выходить-SAF-POSS3
gibi konuş-abil-diğ-i-n, yanlış anla-r mı diye
как говорить-ABİL-SAF-POSS2SG неправильно понять-AOR2SG Q что
düşün-me-diğ-i-n kurgu-suz konuş-tuğun kişi-dir ***dost****.*
думать-NEG-SAF-POSS2SG вымысел-ABS говорить-SAF-POSS2SG человек-İND друг
‘Когда ты рядом с **другом**^{D}, ты можешь говорить все, не подбирая слова, не задумываясь о том, что он может тебя неправильно понять’ и др.

- «Всегда рядом» (**N = 0,04**):

(22) ***Dost*** *yan-ın-da her zaman ol-acak-tır.*
друг сторона-POSS2SG-LOC каждый время быть-FUT3SG-IND
‘**Друг**^{D}всегда будет рядом с тобой’.

(23) ***Dost*** *BIM*[7] *gibi-dir, hep sen-in-le-dir, sen-i hiç birak-maz.*
друг BİM как будто-IND всегда ты-с-IND ты-ACC совсем оставить-AORNEG3SG
Her yer-de her zaman üç beş dakika-da yan-ın-a ulaş-ır-sın
любой место-LOC любой время три пять минута-LOC сторона-POSS3SG-DAT заходить-AOR-2SG
ihtiyac-ın ol-an-dır. ***Arkadaş*** *buyuk AVM'ler*[8] *gibidir,*
необходимость-POSS2SG быть-PC-IND друг большой AVM-PL как будто,
sadece para-n var-sa, eğlen-mek ist-er-se-n gid-er-sin.
только деньги-POSS-2SG есть-COND развлекаться-NMLZ хотеть-AOR-COND-2SG идти-AOR-COND-2SG
‘**Друг**^{D} — это как минимаркет BİM: он всегда с тобой, никогда не покидает тебя. Ты можешь зайти к нему где угодно и когда угодно на 3—5 минут, если нужно. **Друг**^{A} — это большой торговый центр, куда ходишь, только если у тебя есть деньги и ты хочешь развлечься’.

- «Человек по отношению к самому себе» **(N = 0,04)**:

(24) *İnsan-ın tek* ***dostu*** *kendi-si-dir geri kal-an-lar hep* ***arkadaş****...*
человек-GEN единственный друг-POSS сам-3-IND позади оставаться-PC-PL все друг
‘Единственный **друг**^{D} человека — это он сам, все остальные — **друзья**^{A}’.

(25) ***Dost*** *kendi-niz-dir,* ***arkadaş*** *diger-ler-i.*
друг сам-2PL-IND друг другой-2PL
‘**Друг**^{D} — это вы сами, остальные — **друзья**^{A}’.

- «Друг — это только Аллах» **(N = 0,02)**:

(26) *Allah’tan başka insan-a* ***dost*** *yok-tur.*
Аллах-ABL кроме человек-DAT друг нет-IND
‘У человека нет иного **друга**^{D}, кроме Аллаха’.

ARKADAŞ, в свою очередь, характеризуется более низкой «степенью близости», которая, соответственно, выражается в меньшей степени доверия, «избранности», взаимопонимания, готовности прийти на помощь и т. п., например:

(27) *Herkes* ***arkadaş-tır****.*
каждый друг-IND
‘**Друг**^{A} — любой человек’.

(28) *Herkes-le* ***arkadaş*** *ol-un-abil-ir ama* ***dost*** *ol-un-maz.*
каждый-с друг быть-RFL-ABIL-AOR но друг быть-RFL-ABILNEG-AOR
‘**Другом**^{A} может стать каждый, а **другом**^{D} — нет’.

2. Когнитивный классификатор **«причина/место зарождения дружбы»** конкретизирован в структуре исследуемых концептов следующими когнитивными признаками:

DOST — «друг, которого человек выбирает сам»;

ARKADAŞ — «друг, которого не выбирают», «можно найти где угодно», «тот, с кем совместно проводят время»:

(29) ***Arkadaş*** *tesadüfi-dir,* ***dost*** *ise seçim-dir.*
друг совпадение-İND, друг же выбор-İND.
‘**Друг**^{A} — это совпадение, а **друг**^{D} — это выбор’.

(30) ***Arkadaş*** *birlikte vakit geçir-diği-n, tanı-dığı-n herhangi bir kimse-dir.*
друг вместе время проводить-SAF-2SG знать-SAF-2SG любой — кто-то-IND
‘**Друг**^{A} — это любой человек, с которым ты знаком и с которым проводишь время’.

[7] BİM — сеть минимаркетов в Турции.

[8] AVM — крупный торговый центр (alışveriş merkezi).

(31) ***Arkadaş*** *her an ed-in-il-ebil-ir.*
друг любой момент делать-RFL-PASS-ABIL-AOR
‘**Друга**^{A} можно завести в любое время’ и т. п.

3. Когнитивный классификатор **«длительность дружеских отношений»** представлен в структуре концептов DOST и ARKADAŞ такими признаками, как:

- «Друг не вечен»:

(32) ***İkisi de*** *bir süre sonra yok-tur, belki de hiç var ol-ma-mış-tı.*
оба тоже некоторый время спустя нет-IND возможно также совсем в наличии быть-NEG-PRF-PST3
‘Оба [и **друг**^{D}, и **друг**^{A}] исчезают через некоторое время. Возможно, их никогда и не было’.

(33) *Gün-ümüz-de* ***ikisi*** *de bir tık-la orta-dan kaldır-ıl-abil-ir.*
день-1PL-LOC оба тоже один щелчок-с среда-ABL удалять-PASS-ABIL-AOR
‘В наше время и тот, и другой могут быть устранены одним щелчком мыши’.

- «**Друг**^{D} с тобой дольше, чем **друг**^{A}»:

(34) ***Arkadaş*** *bugün vardır yarın yoktur.* ***Dost*** *bugün vardır iki gün sonra yoktur.*
друг сегодня есть-IND завтра нет-IND. друг сегодня есть-IND два день спустя нет-IND
‘**Друг**^{A} сегодня есть, завтра — нет; **друг**^{D} — сегодня есть, спустя два дня — нет’.

(35) ***Arkadaş*** *geçici-dir,* ***dost-sa*** *ömürlük...*
друг временный-IND друг-COND вся жизнь
‘**Друг**^{A} — на время, **друг**^{D} — на всю жизнь…’

(36) ***Arkadaş*** *ol-mak en fazla 1 yıl sür-er,* ***dost*** *ol-mak-sa en az 10 yıl.*
друг стать-NMLZ самый много 1 год длиться-AOR друг стать-NMLZ-COND самый мало 10 лет
‘Чтобы стать **другом**^{A} — нужен как минимум один год, чтобы стать **другом**^{D} — нужно как минимум 10 лет’.

(37) ***Arkadaşlık*** *bit-me-y-e* ***dostluk*** *bit-me-me-y-e mahkum-dur.*
дружба закончиться-NMLZ-DAT дружба закончиться-NMLZ-NEG-DAT осужденный-IND
‘**Дружба**^{A} обречена на временность, **дружба**^{D} — на вечность’.

- «Чем дольше дружба, тем она прочнее»:

(38) ***Dost*** *eski kaşar gibidir, zaman geç-tikçe tadı güzelleş-ir.*
друг старый сыр как будто-IND время проходить-CV вкус улучшаться-AOR3SG
‘**Друг**^{D} — как старый сыр: со временем становится только вкуснее’.

Напомним, что данный признак не является дифференцирующим для исследуемых концептов в паремиологическом фрагменте языковой картины мира турецкого народа и не конкретизируется в лексикографических источниках. Однако результаты обработки материала «народного словаря» демонстрируют определенную дифференциацию концептов DOST и ARKADAŞ по темпоральному признаку.

4. Когнитивный классификатор **«количество друзей»**.

Возможность интерпретации качественных характеристик объектов действительности на базе количественных признаков обусловлена онтологически мотивированной связью между количеством и качеством; при этом речь идет не столько о реальных качествах, сколько о качествах — продуктах сознания, связанных со способностью индивида домысливать, конструировать смыслы [Федяева 2019: 84]. Объясняя различия между *dost* и *arkadaş*, авторы определений портала [Ekşisözlük] подчеркивают исключительность дружбы *dostluk* по сравнению с дружбой *arkadaşlık* на основе возможного количества у человека **друзей**^{D} и **друзей**^{A}. Потенциально малое количество **друзей**^{D} интерпретируется как показатель их ценности, избранности, сложности приобретения; и, напротив, не имеющее предела количество **друзей**^{A} рассматривается как признак относительно «низкого качества» дружбы, которую они могут предложить.

- **Друг**^{D} «один» / **друзей**^{D} «мало», **друзей**^{A} много:

(39) ***Dost*** *bir tane-dir* ***arkadaş*** *çok.*
друг один штука-IND друг много
‘**Друг**^{D} — только один, **друзей**^{A} много’.

(40) ***Dost*** *az,* ***arkadaş*** *çok bulun-ur.*
друг мало, друг много присутствовать-AOR-3SG
‘**Друзей**[D] мало, **друзей**[A] много’.

(41) ***Arkadaş*** *çok çok fazla-dır, her yer-de karşı-n-a çık-ar.*
друг очень очень много-IND любое место-LOC попадаться-AOR-3SG
‘**Друзей**[A] много, их можно найти где угодно’.

(42) ***Arkadaş-ın*** *say-ı sınır-ı yok-tur.*
друг-GEN число-POSS3SG предел-POSS нет-IND
‘Нет предела количеству **друзей**[A]’.

5. Когнитивный классификатор **«гендерная принадлежность»**.

Указания на различия пола **друга**[D] и **друга**[A] в толкованиях «народных лексикографов» достаточно немногочисленны. Большинство из них, однако, сходятся во мнении, что у **друга**[A] больше вероятность оказаться лицом противоположного пола, чем у **друга**[D], например:

(43) ***Dost*** *aynı cins-le ol-ur;* ***arkadaş*** *farklı cinsle olur.*
друг одинаковый пол-с быть-AOR3SG друг другой пол-с быть-AOR3SG
‘**Друг**[D] — одного пола с тобой, **друг**[A] может быть любого пола’.

В то же время низкий ИЯ этого признака исследуемых концептов может свидетельствовать о его незначительной важности для языкового коллектива, как следует, например, из данного определения:

(45) ***Dost-un*** *cinsiyet-i ol-maz, ırk-ı ol-maz, yaş-ı ol-maz.*
друг-GEN пол-POSS3SG быть-AORNEG раса-POSS3SG быть-AORNEG возраст-POSS3SG быть-AORNEG
‘У **друга**[D] нет пола, расы и возраста’.

Помимо приведенных выше когнитивных классификаторов на основе материала «народного словаря», был выделен дополнительный, «функциональный», аспект дружбы, раскрывающий «деятельностные» характеристики дружеских отношений. Авторы толкований «народного словаря» подробно объясняют, какой вид совместной деятельности является характерным и/или допустимым при общении с **другом**[D] и **другом**[A].

6. Когнитивный классификатор **«деятельность»** (функциональный аспект).

• **Другу**[A] «пожимают руку», с **другом**[A] «развлекаются» (***arkadaşla*** *eğlenilir...*), «только проводят время» (***arkadaş*** *sadece* ***vakit*** *geçirdiğin insandır*): «пьют пиво» (***arkadaş*** *ile bira içilir*), «посещают футбольные матчи», «ходят по магазинам» (*siz alışverişinizi* ***arkadaşlarınızla*** *yaparsınız*), «смеются».

• С **другом**[D] «обнимаются», «пьют крепкие напитки» (***dost*** *ile rakı içilir*), «ведут задушевные разговоры, открывают сердце» (***dost*** *kalbini açtığın*), «не только смеются, но и плачут», «говорят глупости», «сплетничают», «молчат», «с другом можно делать все, что угодно» (*…****dostla*** *hem eğlenilir hem dertleşilir hem saçmalanılır hem dedikodu yapılır hem ağlanır vs vs… **dostla** herşey yapılır*).

Обобщая вышесказанное, представим когнитивные признаки концептов DOST и ARKADAŞ (см. таблицу 2), выявленные на основе лексико-фразеологического (ТС —толковые словари), паремиологического (П — паремии) и корпусного (К — корпусные данные) материала, а также данных «народного словаря» (НС) с указанием степени их проявления («+» — наличие признака; «–» — отсутствие признака; «+/–» — в равной степени указывается наличие признака одними авторами и его отсутствие — другими; «++» — наличие признака отмечается многими авторами).

Сопоставительный анализ показывает, что дифференциация обыденных модификатов исследуемых концептов в той или иной степени наблюдается по всем выделенным признакам, при этом наиболее часто в своих толкованиях авторы «народного словаря» обращались к признакам, отражающим «Степень близости» друга. Остановимся подробнее на частных когнитивных признаках данного классификатора.

Сопоставление концептов DOST и ARKADAŞ по когнитивному признаку «близкий человек» на материале толковых словарей и паремий не обнаруживает значительных различий, однако авторы «народного словаря» наделяют **друга**[D] большей степенью близости по сравнению с **другом**[A]. Расхождения в характеристиках исследуемых концептов по признаку «взаимопонимание, доверие» в «народном словаре» становятся более выраженными. Если по данным лексикографических источников этот признак входит в семантику лексем-репрезентантов обоих концептов, а в паремиологическом фонде турецкого языка наблюдается некоторая диффузность признака (хотя в целом **друг**[D], в отличие от **друга**[A], считается более

Таблица 2. Когнитивные признаки концептов DOST и ARKADAŞ

концепт / классификатор / частные когнитивные признаки	**DOST**				**ARKADAŞ**			
	ТС	П	К	**НС**	ТС	П	К	**НС**
1. Когнитивный классификатор: Степень близости								
любимый человек	+		+				+	
близкий человек	+	+	+	++	+	+	+	+
хорошо знакомый	+	+	+	++	+	+	+	+
едва знакомый/незнакомый				+/–	+			++
взаимопонимание, доверие	+	++/–	+	+	+		+	
верность, преданность, готовность прийти на помощь		++	+	++			+	+/–
2. Когнитивный классификатор: Причина/ место зарождения дружбы (каузативный аспект)								
выбираем сами				+				–
совместная деятельность					+			++
совместное нахождение в определенном месте					+			++
3. Когнитивный классификатор: Продолжительность дружбы (темпоральный аспект)								
непродолжительные отношения				+	+	+	+	+
длительные отношения	+	+	+	++		+		
4. Когнитивный классификатор: Количество друзей (квантитативный аспект)								
ограниченное количество		++	++	+/–				
любое количество			+	+		+	++	++
5. Когнитивный классификатор: Пол друга (гендерный аспект)								
того же пола				+				
противоположного пола	+							
любого пола	+			+				+
6. Когнитивный классификатор: Деятельность (функциональный аспект)								
совместные развлечения				+				++
совместные страдания				+				
обмен сплетнями				+				
ведение задушевных разговоров				+				
распитие спиртных напитков				++				+

способным проявлять взаимопонимание и вызывать доверие, в ряде пословиц даже **друг**^{D} признается не заслуживающим доверия), то в толкованиях «народного словаря» отмечается наличие указанного признака в структуре концепта DOST и его отсутствие у концепта ARKADAŞ.

Что касается признака «верность, преданность, готовность прийти на помощь», то здесь, напротив, наблюдается расширение объема концепта ARKADAŞ и, как следствие, «размытие» границы между DOST и ARKADAŞ по данному признаку: в то время как в толковых словарях этот признак не конкретизируется, в паремиях отражено наличие признака у DOST и его отсутствие у ARKADAŞ, а по корпусным данным признак в равной степени характеризует оба концепта, в «народном словаре» **другу**^{A}, хотя и в меньшей степени, чем **другу**^{D}, также приписываются указанные характеристики.

Дифференциация концептов DOST и ARKADAŞ по признаку «Продолжительность дружбы» на основе лексикографического и корпусного материала проявляется как привативная оппозиция (долговременные отношения с **другом**^{D} vs. кратковременные отношения с **другом**^{A}). Между тем в турецких паремиях и DOST, и ARKADAŞ способны к длительным дружеским отношениям; непродолжительные считаются свойством **друга**^{A}. Однако в «народном словаре», напротив, **другу**^{D} свойственны как длительные, так и непродолжительные отношения, в то время как для **друга**^{A} характерны только последние.

Наблюдаются и определенные изменения по квантитативному классификационному признаку: согласно большинству авторов «народного словаря», количество **друзей**^{A} и **друзей**^{D} может быть любым, хотя могут иметься и ограничения по их количеству для **друга**^{D}.

Гендерные характеристики также оказываются неоднозначными: если в отношении **друга**^{A} «народные лексикографы» утверждают, что он может быть любого пола, то в отношении **друга**^{D} мнения расходятся: одни заявляют, что друг должен быть одного пола с объектом дружбы, другие же допускают оба варианта.

Наиболее четко различия между DOST и ARKADAŞ проявляются по признакам «причина/место зарождения дружбы» и «деятельность». Основным фактором, приводящим к возникновению отношений с **другом**^{A}, признается совместное времяпрепровождение, нередко вынужденное, тогда как **друга**^{D} человек может выбирать; при этом спектр возможных действий, которые выполняются совместно с **другом**^{D}, значительно шире, чем с **другом**^{A}.

3.3. Ценностный компонент концептов DOST и ARKADAŞ

Особое место в концептуализации друга и дружбы занимает ценностная составляющая. Известно, что в ходе мыслительной деятельности человек постоянно оценивает окружающую его действительность, реализуя в процессе познания ценностное отношение к миру. Согласно [Карасик, Слышкин 2001], ценностный компонент является не только неотъемлемой, но и основной частью любого лингвокультурного концепта. Ценностный компонент включает в себя оценочность (оценочная составляющая в семантике единиц, репрезентирующих концепт; сочетаемость данных единиц с оценочными эпитетами) и актуальность (реализуется в частоте употребления лексем-репрезентантов концепта и может быть выявлена методами количественного подсчета) [Слышкин 2004: 23]. Исследования показывают, что лексема *arkadaş* имеет более высокую частотность употребления в современном турецком языке, чем лексема *dost*, что выражается в следующих индексах ipm[9]: *arkadaş* — 803.78, *dost* — 278.78 [Онал 2023б], что может свидетельствовать о более высокой актуальности последнего. В то же время оценочность, реализуемая посредством понятийного и образного компонентов исследуемых концептов, указывает на более высокую ценность **друга**^{D} в сопоставлении с **другом**^{A}.

Ценностная составляющая концептов DOST и ARKADAŞ в толкованиях «народного словаря» в основном конкретизируется с помощью ряда образных сравнений (которые подробно будут рассмотрены ниже). Кроме того, ценность дружбы имплицитно проявляется в результате вторичной интерпретации таких уже упомянутых выше признаков, как «степень близости», «количество» и «длительность дружбы». Примечательно, что, в отличие от репрезентированной во фразеологическом и паремиологическом фонде языка безусловной ценности друга и дружбы[10], в ряде толкований обеих разновидностей дружбы в «народном словаре» ценность друга подвергается сомнению. Так, например, авторы следующих определений утверждают, что от друзей (неважно, каких именно), не стоит ожидать ничего хорошего:

(46) ***Dost*** *kazık at-ar,* ***arkadaş*** *sat-ar.* *İkisi-n-den de uzak dur-malı.*
друг обманывать-AOR2SG друг продавать-AOR2SG оба-ABL-3 также далеко оставаться-OBL-3
‘И от **друга**^{D}, и от **друга**^{A} следует держаться подальше, т. к. один обманет, а другой продаст’.

(47) ***İkisi de*** *ilerde düşman-a dönüş-ebil-ir.*
оба также в будущем враг-DAT превращаться-ABIL-AOR
‘Оба [и **друг**^{D}, и **друг**^{A}] могут стать врагами’ и др.

Итак, ценностный компонент лингвокультурного концепта имеет не только квалитативное, но и квантитативное воплощение, отраженное в количестве единиц, репрезентирующих данный концепт. Представляется, что, в отличие от относительно однородных составляющих номинативного компонента, ценностный компонент «пронизывает» все слои концепта, будучи объективированным как эксплицитно, так и имплицитно, как средствами прямой, так и косвенной номинации, а также в результате как первичной, так и вторичной интерпретации.

3.4. Образное сравнение как основной способ концептуализации различий между *dost* и *arkadaş*

Обратимся к языковым способам концептуализации аспектов дружеских отношений пользователями портала. Анализ фактического материала показывает, что, помимо логических толкований и иллюстративных примеров из собственного опыта, приводимых авторами дефиниций, достаточно распространенным способом вербализации рассматриваемых концептов выступают сравнительные конструкции. Известно, что сравнение играет ключевую роль в механизме мышления и описания окружающей действительности (см., например, [Langacker 2008]), представляя собой мыслительную операцию по установлению сходства между реалиями внеязыковой действительности, и включает следующие компоненты: субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения. Поскольку пользователям портала предлага-

[9] ipm — items per million, т. е. количество употреблений на один миллион слов.

[10] См., например, *Eski **dost** düşman olmaz* (Старый **друг**^{D} врагом не станет); *Ata **dostu** oğla mirastır* (**Друг**^{D} отца — наследство сыну) и др.

лось не просто предоставить толкования значений лексем *dost* и *arkadaş*, но и сопоставить обозначаемые ими субъекты, авторы высказываний составляли конструкции с образными сравнениями, задействуя как по одному, так и по два субъекта (и, соответственно, включающие один или два ассоциирующихся с ними объекта). Авторами толкований использовались такие когнитивные механизмы, как импликация и инференция, основанные на образном сравнении и оформленные в синтаксические конструкции типа «(Если) друг — …, (то) друг — …», «Друг — …, а друг — …».

Для демонстрации различий по признаку **«близость»** авторы «народного словаря» сравнивали *dost* и *arkadaş* со следующими объектами:

1) с родственником / чужим (любым) человеком, например:

(48) ***Dost*** *teyze-dir,* ***arkadaş*** *hala.*
друг тетя-IND друг тетя
‘**Друг**^{D} — тетя по материнской линии, **друг**^{A} — тетя по отцовской линии’ и др.;

2) с различными помещениями, например *dost* — с минимаркетом BİM (который всегда рядом, в отличие от *arkadaş*, уподобляемым отдаленному торговому центру (см. (23)):

(49) ***Dost*** *esnaf lokantası ise* ***arkadaş*** *restaurant-tır.*
друг торговец кафе-POSS-3SG а друг ресторан-IND
‘**Друг**^{D} — кафе[11] , **друг**^{A} — ресторан’ и др.;

3) с музыкальными жанрами, например:

(50) ***Dost*** *halk müziğ-i ise* ***arkadaş*** *populer müzik-tir.*
друг народ музыка-POSS3SG а друг популярный музыка-IND
‘Если **друг**^{D} — народная музыка, то **друг**^{A} — популярная музыка’.

По признаку **«ценность»** *dost* и *arkadaş* сравнивались:

1) с предметами неживой природы:
— с обычными камнями и с редкими алмазами:

(51) ***Arkadaş*** *taş gibi çok,* ***dost*** *elmas gibi az-dır.*
друг камень будто много, друг алмаз будто мало-IND
‘**Друзей**^{A} много, как камней, а **друзей**^{D} мало, как алмазов’;

— со стаканом воды и ее неиссякаемым источником:

(52) ***Arkadaş*** *bardak-ta-ki su-dur,* ***dost*** *ise çeşme-dir.*
друг стакан-LOC-ADJ вода-IND друг же родник-IND
‘**Друг**^{A} — вода в стакане, а **друг**^{D} — родник (источник)’;

2) с продуктами и напитками:
— с разными сортами хлеба:

(54) ***Arkadaş*** *taş fırın ekmeğ-i,* ***dost*** *sac-da yeni piş-miş sıcak bazlama-dır.*
друг каменный печь хлеб-POSS, друг сковорода-LOC только что испечь-PC горячий лепешка-IND
‘**Друг**^{A} — хлеб, выпеченный на каменной печи, **друг**^{D} — горячая лепешка, выпеченная на сковороде[12]’.

(55) *İkisi de yogurt-tur:* ***dost*** *BİM-de,* ***arkadaş*** *KİPA-da sat-ıl-ır.*
оба тоже йогурт-IND: друг BİM-LOC друг KİPA-LOC продавать-PASS-AOR2SG
‘Оба — как йогурт, только **друг**^{D} продается в BİM, а **друг**^{A} — в Kipa[13]’;

— с различными сортами пива:

(56) ***Arkadaş*** *miller'sa* ***dost*** *50'lik fıçı bira-dır.*
друг Миллер-COND друг 50-литровая бочка пиво-IND
‘Если **друг**^{A} — бутылка «Миллера», то **друг**^{D} — разливное пиво из 50-литровой бочки’ и т. д.;

---

[11] *Esnaf lokantası* — небольшое местное кафе, где обедают мелкие торговцы этого района.

[12] *Sac* — большая плоская сковорода, на которой обжаривают кусочки мяса. В отличие от печи, где выпекаются сразу несколько изделий, на сковороде за один раз можно испечь только одну лепёшку.

[13] *Kipa* — сеть гипермаркетов в Турции.

3) с жанрами искусства (в частности, музыкальными жанрами):

(57) ***Arkadaş*** *ezgi ise* ***dost*** *şarkıdır.*
друг мелодия а друг песня-IND
‘Если **друг**^{A} — это мелодия, то **друг**^{D} — это песня’;

4) разным типам дружбы присваивались денежные эквиваленты для демонстрации различий в их ценности:

(58) ***Dost*** *1 lira-dir* ***arkadas*** *10 kurus, yani 10 tane* ***arkadas*** *1 dost anca ed-er.*
друг 1 лира-IND друг 10 куруш, т. е. 10 штука друг 1 друг едва равняться-AOR2SG
‘**Друг**^{D} — это одна лира, **друг**^{A} — 10 курушей, т. е. 10 друзей стоят, как 1 друг’.

Для реализации сравнения по признаку «**сила, интенсивность дружбы**» авторы толкований обращались к следующим объектам:

1) объекты неживой природы, например:

(59) ***Arkadaş*** *meltem ise* ***dost*** *rüzgâr-dır.*
друг бриз а друг ветер-IND
‘Если **друг**^{A} — легкий бриз, то **друг**^{D} — ветер’.

(60) ***Arkadaş*** *güneştir;* ***dost*** *ise kutup yıldız-ı.*
друг солнце-IND друг же полюс звезда-POSS3SP
‘**Друг**^{A} — солнце, а **друг**^{D} — полярная звезда’;

2) продукты:

(61) ***Dost*** *: siyah çay-dır,* ***arkadaş*** *: yeşil çay-dır.*
друг черный чай-IND друг зеленый чай-IND
‘**Друг**^{D} — черный чай, **друг**^{A} — зеленый чай’.

(62) ***Dost*** *demle-me,* ***arkadaş*** *salla-ma çaydır.*
друг заваривать-NMLZ друг качать, макать-NMLZ чай-IND
‘**Друг**^{D} — заварной чай, **друг**^{A} — чай из пакетика’.

Как демонстрируют приведенные примеры, большинство сравнительных конструкций являются имплицитными, поскольку в них отсутствует прямое указание на основание сравнения. Так, например, высказывания ***dost*** *eski kaşar gibidir, zaman geçtikçe tadı güzelleşir* (**друг**^{D} — как старый сыр: чем больше времени проходит, тем лучше становится его вкус) или ***dost*** *duracell,* ***arkadaş*** *sıradan çinko karbon pildir* (**друг**^{D} — «дюрасел», **друг**^{A} — обычная угольно-цинковая батарейка) могут рассматриваться и как указание на продолжительность настоящей дружбы, и как показатель ценности друга. В приведенном выше примере ***arkadaş*** *taş gibi çok, dost* ***elmas*** *gibi azdır* алмазы и простые камни служат интерпретирующей базой для вербализации как минимум двух когнитивных признаков исследуемых концептов — «количество» и «ценность». Таким образом, в сравнительных конструкциях реализуется уже отмеченный нами потенциал признаков «степень близости», «длительность» и «количество» в интерпретации качества и ценности дружеских отношений.

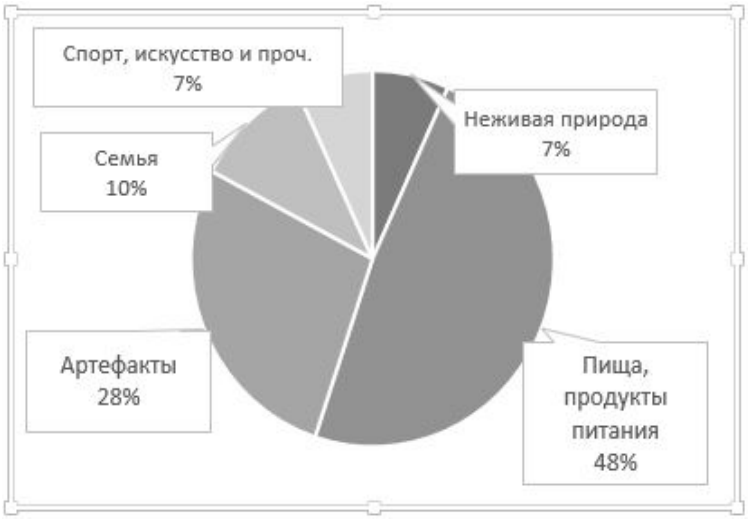
Следует подчеркнуть ярко выраженную национально-культурную специфику объектов сравнения: декодирование ряда толкований становится возможным лишь при наличии соответствующих фоновых знаний о турецких реалиях и традициях. Как справедливо отмечает М. Н. Крылова, сравнительные конструкции всегда являются важнейшим источником сведений о культуре народа и его менталитете, отражая как историю этого народа, так и особенности его существования на современном этапе развития [Крылова 2013]. Вместе с тем некоторые образы, используемые участниками портала в качестве объекта сравнения, носят выраженный индивидуальный характер, например:

(63) ***Dost*** *: yırtık çoraptır,* ***arkadaş*** *: fulardır.*
друг рваный носок-IND друг шейный платок-IND
‘**Друг**^{D} — рваный носок, **друг**^{A} — шейный платок’ или

(64) ***Dost*** *otobüs-te san-a ver-il-en kek-tir,* ***arkadaş*** *market-ten*
друг автобус-LOC ты-DAT давать-PASS-PC кекс-IND друг магазин-ABL
para-n-la al-dığı-n kek-tir
деньги-POSS-с покупать-SAF-2SG кекс-IND
‘**Друг**^{D} — кекс, который тебе бесплатно дают в междугородном автобусе, **друг**^{A} — кекс, который ты сам покупаешь в магазине’.

Из-за отсутствия эксплицитного указания на основание сравнения в подобных определениях выделение в них признаков концептов DOST и ARKADAŞ представляется довольно затруднительным.

Количественный анализ корпуса выражений, содержащих сравнительные конструкции в толкованиях «народного словаря», показывает, что когнитивный механизм сравнения в осмыслении различий между *dost* и *arkadaş* наиболее активно реализуется в лексических категориях, относящихся к концептуально-тематическим областям «Пища, продукты питания» (48 %) и «Артефакты» (28 %), и реже — к областям «Семья» (10 %), «Неживая природа» (7 %), «Спорт, искусство и проч.» (7 %) (см. рис. ниже).



Концептуально-тематические области объектов сравнения значений лексем *dost* и *arkadaş*

4. Выводы

Поскольку взгляды и представления общества могут трансформироваться под воздействием полученных знаний и опыта, то и границы базовых лингвокультурных концептов не являются строго фиксированными и могут изменяться. Наблюдения ученых, проводивших исследования феномена дружбы в других культурах и пришедших к выводу об исторической изменчивости данного вида интерперсональных взаимоотношений, находят подтверждение в настоящем исследовании.

Анализ материала «народного словаря» позволяет сделать вывод о том, что в картине мира современных носителей турецкого языка концепты DOST и ARKADAŞ соотносятся как смежные, но не тождественные ментальные конструкты, содержание которых претерпело некоторые изменения по сравнению с моделями одноименных концептов, реконструированных на основе лексикографического и паремиологического материала. Такие признаки, как «готовность прийти на помощь», «длительные отношения», «небольшое количество», свойственны прежде всего **другу**^{D}, однако могут быть применимы и к **другу**^{A}, что может свидетельствовать об экспансии концепта ARKADAŞ. При этом наблюдается сохранение оппозиции DOST vs. ARKADAŞ по признаку «взаимопонимание, доверие», а также дифференциация по каузативному признаку: причиной **дружбы**^{A}, как правило, является общность условий жизни и/или совместные занятия субъектов, в то время как **дружба**^{D} может зародиться в любых условиях и по любой причине, в том числе по желанию субъектов.

Результаты обработки материала «народного словаря» показывают, что для экспликации различий между исследуемыми концептами в качестве средства сравнения авторы определений чаще всего обращаются к концептуально-тематическим областям «Пища, продукты питания» и «Артефакты». При этом в сравнительных конструкциях реализуется потенциал признаков «степень близости», «длительность» и «количество» в интерпретации качества и ценности дружеских отношений.

Глоссы

1 — 1-е лицо
2 — 2-е лицо
3 — 3-е лицо
ABIL — модальность возможности
ABL — отложительный падеж (аблатив)
ABS — словообразовательный показатель, указывающий на отсутствие признака
ACC — винительный падеж (аккузатив)
ADJ — показатель имени прилагательного
AOR — аорист (настоящее-будущее время)

AORNEG — негативный аорист
COND — условная модальность
CV — деепричастие (конверб)
DAT — дательный падеж (датив)
EQU — сравнительный показатель
EXS — показатель, указывающий на наличие признака
FUT — будущее время
NEG — отрицание
NMLZ — имя действия
GEN — родительный падеж (генитив)
IND — изъявительное наклонение
LOC — местный падеж (локатив)
OBL — показатель долженствования
OPT — желательное наклонение (оптатив)
PC — причастие
PL — множественное число
POSS — посессивный показатель
PRF — перфект (прошедшее заглазное время)
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
Q — вопросительная частица
RFL — возвратный залог
SAF — показатель субстантивно-адъективной формы (именной отглагольной формы, которая может использоваться в функции как существительного, так и прилагательного)
SG — единственное число

Литература

Болдырев 2021 — *Н. Н. Болдырев*. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021.

Залесская 2014 — *В. В. Залесская*. Программа выявления в тексте двучленных статистически значимых осмысленных коллокаций (на материале русского языка) // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014). СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2014. С. 283—289.

Захаров, Хохлова 2014 — *В. П. Захаров, М. В. Хохлова*. Автоматическое выявление терминологических словосочетаний // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 10. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014. С. 182—200.

Карасик, Слышкин 2001 — *В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин*. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75—80.

Коняева 2015 — *Е. В. Коняева*. Модификаты концепта «Дружба» в русском языке конца XX — начала XXI вв. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

Крылова 2013 — *М. Н. Крылова*. Человек сравнивающий: современная языковая личность в контексте используемых сравнений // Филология и человек. 2013, 2. С. 112—120.

Напольнова 2020 — *Е. М. Напольнова*. Способы выражения семантического признака пола у существительных в турецком языке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 5. С. 118—134.

Онал 2023а — *И. О. Онал*. Концепт ДРУГ в турецкой лингвокультуре (на материале паремий) // Когнитивные исследования языка. 2023, 3—1 (54). С. 777—781.

Онал 2023б — *И. О. Онал*. Концепт DOSTLUK в турецкой языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023, 2. С. 101—110.

Пименов 2004 — *Е. А. Пименов*. Исследование концепта Trauer «Печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Antropologie / Отв. ред. *Е. А. Пименов, М. В. Пименова*. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. С. 89—94.

Попова, Стернин 2007 — *З. Д. Попова, И. А. Стернин*. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.

Слышкин 2004 — *Г. Г. Слышкин*. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.

Федяева 2019 — *Е. В. Федяева*. Сквозь призму КОЛИЧЕСТВА: количественная интерпретация качества в языке: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019.

Aksoy 2013 — *Ö. A. Aksoy*. Atasozleri ve Deyimler Sozlugu 2. İstanbul: İnkilap Kitabevi, 2013.

Çağbayır 2007a — *Y. Çağbayır*. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 1. A—D. İstanbul: Ötüken, 2007.

Çağbayır 2007b — *Y. Çağbayır*. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 2. D—I. İstanbul: Ötüken, 2007.

Ekşisözlük — Dost ile arkadaş arasındaki farklar // Ekşisözlük. URL: https://eksisozluk2023.com/dost-ile-arkadas-arasindaki-farklar--4996146?p=1 (дата обращения: 20.03.2025).

GTS — Güncel Türkçe Sözlük. URL: https://sozluk.gov.tr/ (дата обращения: 20.05.2025).

Langacker 2008 — *R. W. Langacker*. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. N. Y.: Oxford University Press, 2008.

TUD — Türkçe Ulusal Derlemi. URL: https://v3.tnc.org.tr (дата обращения: 20.05.2025).

References

Aksoy 2013 — Ö. A. Aksoy. Atasozleri ve Deyimler Sozlugu 2. İstanbul: İnkilap Kitabevi. 2013.

Boldyrev 2021 — N. N. Boldyrev. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: Kurs lektsii. 5-e izd., ispr. i dop. Tambov: Izdatel'skii dom “Derzhavinskii”, 2021. {N. N. Boldyrev. Cognitive semantics. Introduction into cognitive linguistics: A course of lectures. 5th ed. Tambov: Izdatel'skii dom “Derzhavinskii” 2021.}

Çağbayır 2007a — Y. Çağbayır. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 1. A—D. İstanbul: Ötüken, 2007.

Çağbayır 2007b — Y. Çağbayır. Ötüken Türkçe Sözlük. Cilt 2. D—I. İstanbul: Ötüken, 2007.

Ekşisözlük — Dost ile arkadaş arasındaki farklar In: Ekşisözlük. URL: https://eksisozluk2023.com/dost-ile-arkadas-arasindaki-farklar--4996146?p=1 (accessed 20.03.2025).

Fedyaeva 2019 — E. V. Fedyaeva. Skvoz' prizmu KOLICHESTVA: Kolichestvennaya interpretatsiya kachestva v yazyke: monografiya. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2019. {E. V. Fedyaeva. Through the prism of QUANTITY: Quantitative interpretation of quality in language: monograph. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2019.}

GTS — Güncel Türkçe Sözlük. URL: https://sozluk.gov.tr/ (accessed 20.05.2025).

Karasik, Slyshkin 2001 — V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Lingvokul'turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniya. In: Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki. Voronezh: VGU, 2001. S. 75—80. {V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Linguocultural concept as a unit of research. In: Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki. Voronezh: VGU, 2001. P. 75—80.}

Konyaeva 2015 — E. V. Konyaeva. Modifikaty kontsepta “Druzhba” v russkom yazyke kontsa XX — nachala XXI vv. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2015. {E. V. Konyaeva. Modificates of the concept “Friendship” in the Russian language of the end of the XX — the beginning of the XXI centuries. ThD thesis. Ekaterinburg, 2015.}

Krylova 2013 — M. N. Krylova. Chelovek sravnivayushchii: sovremennaya yazykovaya lichnost' v kontekste ispol'zuemykh sravnenii. In: Filologiya i chelovek. 2013, 2. S. 112—120. {M. N. Krylova. Man comparing: modern linguistic personality in the context of used comparisons. In: Philology and Man. 2013, 2. P. 112—120.}

Langacker 2008 — R. W. Langacker. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. N. Y.: Oxford University Press, 2008.

Napolnova 2020 — E. M. Napolnova. Sposoby vyrazheniya semanticheskogo priznaka pola u sushchestvitel'nykh v turetskom yazyke. In: Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 162, № 5. S. 118—134. {E. M. Napolnova. Gender denotation methods for nouns in the Turkish language. In: Proceedings of Kazan University. Humanitarian Studies. 2020. Vol. 161, № 5. P. 118—134.}

Onal 2023a — I. O. Onal. Kontsept DRUG v turetskoi lingvokul'ture (na materiale paremii). In: Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2023, 3—1 (54). S. 777—781. {I. O. Onal. The concept “FRIEND” in the Turkish linguistic culture (based on paroemias). In: Cognitive studies of language. 2023, 3—1 (54). P. 777—781.}

Onal 2023b — I. O. Onal. Kontsept DOSTLUK v turetskoi yazykovoi kartine mira. In: Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2023, 2. S. 101—110. {I. O. Onal. The concept DOSTLUK in the Turkish world view. In: Issues in cognitive linguistics. 2023, 2. P. 101—110.}

Pimenov 2004 — E. A. Pimenov. Issledovanie kontsepta Trauer “Pechal’” posredstvom sinonimicheskogo ryada. In: Ethnohermeneutik und Antropologie / Otv. red. E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 89—94. {E. A. Pimenov. A Study of the concept “Trauer” (“Sadness”) by means of synonymic series. In: Ethnohermeneutik und Antropologie / E. A. Pimenov, M. V. Pimenova (eds.). Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. P. 89—94.}

Popova, Sternin 2007 — Z. D. Popova, I. A. Sternin. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka: monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. {Z. D. Popova, I. A. Sternin. Semantic and cognitive analysis of the language: Monograph. Voronezh: Istoki, 2007.}

Slyshkin 2004 — G. G. Slyshkin. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya. Volgograd: Peremena, 2004. {G. G. Slyshkin. Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph. Volgograd: Peremena, 2004.}

TUD — Türkçe Ulusal Derlemi. URL: https://v3.tnc.org.tr (accessed 20.05.2025).

Zakharov, Khokhlova 2014 — V. P. Zakharov, M. V. Khokhlova. Avtomaticheskoe vyyavlenie terminologicheskikh slovosochetanii. In: Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 10. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2014. S. 182—200. {V. P. Zakharov, M. V. Khokhlova. Automatic detection of terminological word combinations. In: Structural and Applied Linguistics. Issue 10. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2014. P. 182—200.}

Zalesskaya 2014 — V. V. Zalesskaya. Programma vyyavleniya v tekste dvuchlennykh statisticheski znachimykh osmyslennykh kollokatsii (na materiale russkogo yazyka). In: Tekhnologii informatsionnogo obshchestva v nauke, obrazovanii i kul'ture: Sbornik nauchnykh statei. Trudy XVII Vserossiiskoi ob"edinennoi konferentsii “Internet i sovremennoe obshchestvo” (IMS-2014). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki, 2014. S. 283—289. {V. V. Zalesskaya. Programme for identifying two-member statistically significant meaningful collocations in the text (based on the Russian language). In: Information society technologies in science, education and culture: a collection of scientific articles. Proceedings of the XVII All-Russian Joint Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2014). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki, 2014. P. 283—289.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.
Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.
Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.
В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.
Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.
Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или р а з р я д к о й.
Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.
Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.
Цитаты заключаются в «кавычки».
Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.
Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.
Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:
в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).
В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.
Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.
Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.
Please use Unicode fonts.
Please indicate the author’s name and affiliation on the title page.
Headings have to be **boldfaced**.
Use *italics* for language data; **boldface** or s p a c i n g for emphasis.
Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.
Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.
Please use «double quotes» for quotations.
Please use ‘single quotes’ for meanings.
Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Э. А. Грунина.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *J. Janhunen*. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Г. Дёрфер*. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Н. К. Дмитриев.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *F. Kiefer*, *B. Gyuris.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *F. Kiefer.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *I. Nikolaeva.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *J. Fernandez-Vest*. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Алтайские дентальные: *t*, *d*, *δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *L. V. Clark.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s*, *z*, *š*, *č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *G. Doerfer*. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *E. Helimski*. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluralaltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
30.09.2025

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluralaltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
30.09.2025

ISSN 2079-1003